

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

CAURUS

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 1 № 1 2022

(16+)

CAURUS

Том 1. № 1. 2022

Главный редактор

М. Б. Бессуднова (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого)

Ответственный редактор

А. В. Ушаков (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого)

Редакционная коллегия

И. А. Иванов (университет им. Иоганна Гутенберга, Германия)

М. Ю. Колпаков (Псковский государственный университет)

Д. И. Вебер (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого)

М. Пшыщенжна-Писарска (Университет Ополе, Польша)

С. Ю. Агишев (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

И. О. Дементьев (Балтийский федеральный университет им. И. Канта)

Н. Н. Наумов (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Редакционный совет

Н. Ангерманн (университет Гамбурга, Германия)

А. Селарт (университет Тарту, Эстония)

Э. Лефstrand (Стокгольмский университет, Швеция)

А. В. Сиренов (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

А. И. Филюшкин (Санкт-Петербургский государственный университет)

Т. Плат (университет Грайфсвальда, Германия)

Т. Н. Таценко (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

М. Гонсовска (Институт истории Академии Наук Польши в Варшаве)

Переводчик: О. В. Наволоцкая

Технический редактор: Д. А. Ванюшкин

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого»

Адрес учредителя и издателя: 173003, Россия, Великий Новгород,

ул. Большая Санкт-Петербургская, 41. Телефон: 8 (8162) 627244

Адрес редакции: 173003, Россия, Великий Новгород,

ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, ауд. 3402. Телефон: 8 (8162) 338830

E-mail: journal.caurus@gmail.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации сетевого издания № ФС77-83172 от 26 апреля 2022 г.

Официальный сайт журнала: <https://journal-caurus.ru>

Дата выхода: 15.09.2022

© Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2022

© Авторы статей, 2022

Все права защищены

(16+)

CAURUS

Vol. 1 (1). 2022

Editor-in-Chief

M. B. Bessudnova (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University)

Executive Editor

A. V. Ushakov (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University)

Editorial Board

I. A. Ivanov (Johannes Gutenberg University Mainz, Germany)

M. Yu. Kolpakov (Pskov State University)

D. I. Veber (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University)

M. Pszyszczna-Pisarska (University of Opole, Poland)

S. Yu. Agishev (Lomonosov Moscow State University)

I.O. Dementiev (Immanuel Kant Baltic Federal University)

N. N. Naumov (Lomonosov Moscow State University)

Editorial Council

N. Angermann (University of Hamburg, Germany)

A. Selart (University of Tartu, Estonia)

E. Lefstrand (Stockholm University, Sweden)

A. V. Sirenov (Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences)

A. I. Filyushkin (Saint-Petersburg State University)

T. Plat (University of Greifswald, Germany)

T. N. Tatsenko (Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences)

M. Gonsowska (Institute for the History of Science of the Polish Academy of Sciences)

Translation Editor: O. V. Navolotskaya

Technical Editor: D. A. Vanyushkin

Founder and editor

FSBEI HE "Yaroslav-the-Wise Novgorod State University"

Address of founder and editor: 173003, Russia, Veliky Novgorod,

ul. B. St. Petersburgskaya, 41. Tel.: 8 (8162) 627244

Corresponding address: 173003, Russia, Veliky Novgorod,

ul. B. St. Petersburgskaya, 41, of. 3402. Tel.: 8 (8162) 338830

E-mail: journal.caurus@gmail.com

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration of the online publication No. FS77-83172 dated April 26, 2022

Official website of the edition: <https://journal-caurus.ru>

Release date: 15.09.2022

© Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2022

© Authors of articles, 2022

All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие главного редактора.....	5
-------------------------------------	---

СТАТЬИ

«...и начаша пенязми торговати»: о находках ливонских монет конца XIV – начала XV вв. в Пскове (по материалам Мстиславских раскопов) К. В. Горлов, Е. В. Салмина, С. А. Салмин.....	11
Изменения территориально-поселенческой структуры на границе Ярославского и Романовского уездов в конце XV – начале XVI века О. С. Гожалимова, Л. М. Иванов.....	26
Товарный отпуск «за свицкой рубеж» по данным таможенной книги Великого Новгорода 1677/78 г. А. И. Раздорский.....	36
Швеция и «республиканский опыт» князя Б. И. Куракина (1676–1727) А. А. Рогожин.....	50
"I dream of writing about the origin and rise of ancient Russia": researching Novgorod the Great in Czech historiography D. Vysloužilová.....	62

ИСТОЧНИКИ

Мандат короля Священной Римской империи Максимилиана 1497 г. об имперской опале Данцига и Эльбинга из архива Санкт-Петербургского института истории РАН: к вопросу об отношениях ганзейских городов с империей Т. Н. Таценко.....	76
«А посолские де писма...все в воду пометали»: опыт изучения одного преступления в Новгородской земле начала XVII века Е. М. Попова.....	90
Виды ганзейских городов Любека и Гамбурга XVII–XVIII веков. От созерцания чуда к зрелищу А. Ф. Эсоно.....	104

ХРОНИКА

Ганзейская и балтийская проблематика в студенческих мероприятиях Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого в 2021–2022 уч. году В. А. Якунина.....	123
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию: Goehrke C. Unter dem Schirm der göttlichen Weisheit: Geschichte und Lebenswelten des Stadtstaates Groß-Nowgorod (Zürich: Chronos Verlag, 2020. 550 s) М. Б. Бессуднова.....	129
--	-----

CONTENTS

From Editor-in-Chief.....	5
---------------------------	---

ARTICLES

“...i nachasha penyazmi torgovati”: About the finds of Livonian coins of the late 14th – early 15th century in Pskov (based on the materials of the Mstislavsky excavations) K. V. Gorlov, E. V. Salmina, S. A. Salmin.....	11
Changes in the territorial and settlement structure on the border of Yaroslavl and Romanov uyezds at the end of the 15th – beginning of the 16th century O. S. Gozhalimova, L. M. Ivanov.....	26
Goods release abroad according to the Customs Book of Veliky Novgorod of 1677/78 A. I. Razdorsky.....	36
Sweden and the “Republican Experience” of Prince B. I. Kurakin (1676–1727) A. A. Rogozhin.....	50
“I dream of writing about the origin and rise of ancient Russia”: researching Novgorod the Great in Czech historiography D. Vysloužilová.....	62

SOURCES

The mandate of the King of the Holy Roman Empire Maximilian of 1497 on the imperial disgrace of Danzig and Elbling (from the archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences): Hanseatic cities and the Holy Roman Empire T. N. Tatsenko.....	76
«And ambassador’s letters...all were thrown into the water»: the experience of studying a crime in Novgorod land at the beginning of the 17th century E. M. Popova.....	90
Views of the Hanseatic cities of Lübeck and Hamburg in the 17th–18th centuries. From the beholding of a miracle to a spectacle A. F. Esono.....	104

CHRONICLE

Hanseatic and Baltic issues in student activities of Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University in the 2021–2022 academic year V. A. Yakunina.....	123
--	-----

REVIEWS

Monograph review: Goehrke, Carsten. Under the shadow of divine wisdom. History and life worlds of Veliky Novgorod City-State (Zürich: Chronos Verlag, 2020 550 p.) M. B. Bessudnova.....	129
--	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели, дорогие коллеги!

Вашему вниманию предлагается первый номер нового периодического издания Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Научный журнал "Сaurus" был учрежден приказом и. о. ректора профессора Ю. С. Боровикова № 2443 от 13 декабря 2021 года в рамках реализации плана развития НовГУ, включающего публикацию научных периодических изданий мирового уровня, формирование площадок научно-образовательной кооперации, усиление и оптимизацию публикационной активности профессорско-преподавательского состава НовГУ.

Новый журнал, первый номер которого выйдет в начале осени 2022 года, получил название «Сaurus», что в переводе с латыни означает «Северо-западный ветер». Члены издательского коллектива отдали предпочтение этому наименованию, полагая, что оно в наибольшей мере отражает географическую привязку и тематические аспекты предназначенных к публикации материалов, которые будут представлять достижения отечественных и зарубежных исследователей в области изучения исторического прошлого русского Северо-Запада и государств Балтийского региона. Хронологические рамки публикаций предполагается ограничивать тысячелетним периодом «доиндустриальной эпохи» VIII – XVIII веков, когда формировались предпосылки и закладывался фундамент многофункциональной модели современных российско-западноевропейских взаимоотношений, которые и тогда отличались сложным набором атрибутов, порождавших крайне неоднозначные интерпретации.

В основу концепции данного журнала заложено представление о Балтийском регионе как о коммуникативной зоне, на протяжении многих столетий имевшей исключительно важное значение для формирования не только локального, но и всего европейского культурно-исторического пространства. Научное осмысление этого процесса часто подменяется политической мифологией, порождаемой стереотипами общественного сознания и продуцирующей их в еще больших объемах. Дискурсивность данной проблематики, равно как и многообразие авторских интенций и интерпретаций, предполагает скрупулезную исследовательскую работу и обретение нового знания в режиме наибольшей объективности. Последнее вряд ли возможно вне воссоздания масштабной панорамы международных балтийских контактов – экономических, политико-правовых, институциональных, социокультурных, интеллектуальных и пр., благодаря которым в пределах означенного пространства был запущен и в различных контекстах времени весьма продуктивно функционировал механизм соадаптации русского или православного и западного или католического, а с XVI века еще и протестантского «миров».

В соответствии с профилем презентуемого издания наполнение издательского «портфеля» будет осуществляться, главным образом, за счет исследований, касающихся взаимоотношений русского Северо-Запада, его городов – Великого Новгорода, Пскова, Полоцка, а также государственных образований, со странами Балтии, главным образом, с Ливонией, которая располагалась на территории современных Эстонии и Латвии и являлась важным посредником в осуществлении контактов Руси/России с Западной Европой.

В фокусе особого внимания редакции журнала будут находиться история Ганзы и русско-ганзейских контактов, типологические особенности духовно-рыцарских орденов и «орденских государств» (*Ordensstaaten*) Прибалтики (государства ливонского подразделения Тевтонского ордена и Орденской Пруссии); пограничные инциденты времен переделов «обидных» рубежей; перипетии межгосударственных конфликтов в условиях «битвы за Балтику» (*dominium maris Baltici*) и методы их урегулирования; дипломатия и договорная практика, заложившие основу международного права.

Обращаясь к историческому прошлому государств Балтийского региона, нельзя пройти мимо разнообразия их административно-правовых и институциональных моделей, которые следует соотнести с русскими вариантами. Кроме того, внимание издателей журнала будет сфокусировано на исследованиях «персональной истории» (просопографии), проблемных моментов материальной истории и социокультурных традиций, интеллектуальной истории, касающейся взаимодействия русского/российского и западноевропейского обществ в сфере образования и культуры. Дополнением ко всему вышеперечисленному явятся исследования историографического и источниковедческого характера, данных современной археологии, нумизматики и сфрагистики.

Основная часть журнала «Saurus» отведена публикациям научных статей индивидуального или коллективного авторства на русском, английском и немецком языках с аннотациями на русском и английском языках, что обеспечит журналу возможность расширения международного сотрудничества и презентации достижений современной историографии в разработке «балтийской» тематики. При отборе материалов редколлекгией в качестве основных критериев заявлены научная новизна исследования, актуальность затронутых тем и проблематики, оригинальность исследовательских методик и введение в научный оборот новых источников. Все материалы в журнале печатаются впервые; повторное издание ранее публиковавшихся текстов как целиком, так и в виде фрагментов, не допустимо. Все статьи будут проходить процедуру двойного анонимного рецензирования, которое осуществляется членами редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также приглашенными российскими и зарубежными специалистами. Особо приветствуются исследования, выполненные на основе архивных материалов или оригинальных трактовок известных источников с презентациями оригинальных методик и концепций.

Степень успешности конструирования образа прошлого в немалой степени зависит от динамики расширения источниковой базы исторических исследований, и потому журнал «Saurus» в целях оптимизации изучения «балтийского вопроса» на

современном этапе с большой охотой предоставит свои страницы для публикации документальных памятников и результатов их исследований в специально созданной рубрике. Документы из зарубежных архивов, которые в нашей стране, как правило, недостаточно известны, планируется издавать там в режиме *bilingua*, т. е. на языке оригинала и в переводе на русский язык, что призвано содействовать корректировке транскрибированных текстов и улучшению переводов. Все публикации источников будут сопровождаться краткими источниковедческими очерками, которые позволят ближе познакомиться с источниками и их основными характеристиками, в сопровождении справочного материала, размещенного в подстрочных ссылках и/или в особых приложениях.

Особая рубрика журнала будет посвящена хронике событий, имеющих отношение к тематической и концептуальной направленности журнала – конференциям, круглым столам, образовательным и культурным мероприятиям, профильным сайтам и web-ресурсам. В том же разделе планируется публиковать информацию о соответствующих мероприятиях департамента международного сотрудничества НовГУ, кафедры всемирной истории и международных отношений (КВИМО) и Центра сотрудничества со странами Северной Европы и Балтии (Балтийского центра).

Помимо этого, в журнале можно будет найти рецензии на наиболее интересные современные исследования, включая зарубежные, и ежегодные библиографические обзоры.

Редакция журнала обеспечивает его выход два раза в год и предоставляет читателям бесплатный доступ к полным текстам всех статей на официальном сайте издания (<https://journal-caurus.ru>).

М. Б. Бессуднова

EDITOR'S-IN-CHIEF FOREWORD

Dear readers, dear colleagues!

We are glad to introduce you the first issue of the new periodical of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. The scientific journal “Caurus” has been established by the Acting Rector Professor Yu. S. Borovikov’s order No. 2443 dated December 13, 2021 as a part of the NovSU development plan implementation. This includes the publication of world-class scientific periodicals, the formation of scientific and educational cooperation platforms, strengthening and optimizing the publication activity of NovSU academic and teaching staff.

The new journal, the first issue of which will be published in the early autumn of 2022, is called “Caurus”, which is a Latin word for “northwest wind”. Members of the publishing team have chosen this name assuming that it best reflects the geographic location and thematic aspects of the materials intended for publication, which will represent the achievements of domestic and foreign researchers in the field of studying the historical past of the Russian North-West and the states of the Baltic region. The chronological framework of publications is supposed to be limited to the thousand-year period of the “pre-industrial era” of the 8th – 18th centuries, when the prerequisites were formed and the foundation for a multifunctional model of modern Russian-West European relations was laid, which even then were distinguished by a complex set of attributes that caused extremely ambiguous interpretations.

The concept of this magazine is based on the idea of the Baltic region as a communicative zone, which for many centuries has been of exceptional importance for the formation of not only the local, but the entire European cultural and historical space. The scientific understanding of this process is often replaced by political mythology, generated by the stereotypes of public consciousness and producing them in even greater volumes. The discursiveness of this issue, as well as the diversity of the author’s intentions and interpretations, presupposes scrupulous research work and the acquisition of new knowledge in the mode of the greatest objectivity. The latter is hardly possible without recreating a large-scale panorama of international Baltic contacts – economic, political and legal, institutional, socio-cultural, intellectual, etc., thanks to which the mechanism of co-adaptation of Russian or Orthodox and Western or Catholic, and from the 16th century also Protestant “worlds”, was launched within the designated space and functioned very productively in various contexts of time.

In accordance with the profile of the edition being presented, the filling of the publishing “portfolio” will be carried out mainly through researching the relationship of the Russian North-West, its cities – Veliky Novgorod, Pskov, Polotsk, as well as state entities, with the Baltic countries, mainly with Livonia, which was located on the territory of modern Estonia and Latvia and was an important intermediary in the implementation of contacts between Rus’/Russia and Western Europe.

The editorial staff of the journal will focus on the history of the Hanseatic League and Russian-Hanseatic contacts, typological features of spiritual knightly orders and “order states” (*Ordensstaaten*) of the Baltic States (the states of the Livonian division of the

Teutonic Order and the Order of Prussia); border incidents from the time of rearranging “offensive” borders; vicissitudes of interstate conflicts in the context of the “battle for the Baltic” (*dominium maris Baltici*) and methods of their resolution; diplomacy and treaty practice, which laid the foundation of international law.

Turning to the historical past of the states of the Baltic region, one cannot ignore the diversity of their administrative, legal and institutional models, which should be correlated with the Russian variants. In addition, the attention of the journal’s publishers will be focused on studying the “personal history” (prosopography), problematic moments of material history and socio-cultural traditions, intellectual history concerning the interaction of ethnic Russian/Russian and Western European societies in the field of education and culture. In addition to all of the above-mentioned, there will be studies of a historiographic and source study nature, data from modern archeology, numismatics and sphragistics.

The main part of the “Caurus” journal is devoted to the publication of scientific articles of individual or collective authorship in Russian, English and German with annotations in Russian and English, which will provide the journal with the opportunity to expand international cooperation and present the achievements of modern historiography in the development of the “Baltic” topics. When selecting materials, the editorial board stated the scientific novelty of the research, the relevance of the topics and issues raised, the originality of research methods and the introduction of new sources into academic circulation as the main criteria. All materials in the journal are published for the first time; re-edition of previously published texts, either in whole or in fragments, is not allowed. All articles will undergo a double anonymous review procedure, which is carried out by the members of editorial council and editorial board of the journal, as well as by the invited Russian and foreign experts. The studies based on archive materials or unusual interpretations of known sources presenting original methods and concepts are especially welcome.

The degree of success in constructing the image of the past to a large extent depends on the dynamics of expanding the source base of historical research, and therefore, in order to optimize the study of the “Baltic issue” at the present stage, the “Caurus” journal will gladly provide its pages for the publication of documentary monuments and the results of their research in a specially created section. Documents from foreign archives, which, as a rule, are not well known in our country, are planned to be published there in the bilingua mode, i.e. in the original language and translated into Russian, which is intended to help correct the transcribed texts and improve translations. All publications of sources will be accompanied by short source essays, which will allow you to get to know the sources and their main characteristics, accompanied by reference material placed in footnote references and/or in special appendices.

A special section of the journal will be dedicated to the chronicle of events related to the thematic and conceptual orientation of the journal – conferences, round tables, educational and cultural events, specialized sites and web resources. In the same section, it is planned to publish information about relevant events of the NovSU International Cooperation Department, the Department of World History and International Relations (DWHIR) and the Center for Cooperation with the Countries of Northern Europe and the Baltic States (the Baltic Center).

In addition, the journal will contain reviews of the most interesting contemporary research, including foreign ones, and annual bibliographic reviews.

The editors of the journal provide its release twice a year and grant readers with free access to the full texts of all articles on the official website of the publication (<https://journal-caurus.ru>).

M. B. Bessudnova

СТАТЬИ

УДК 902.2:671.41(470.25)
ББК 63.48+63.221(0)4(2Рос-4Пск)
DOI 10.34680/Caurus-2022-1(1)-11-25

К. В. Горлов, Е. В. Салмина, С. А. Салмин

«...И НАЧАША ПЕНЯЗМИ ТОРГОВАТИ»: О НАХОДКАХ ЛИВОНСКИХ МОНЕТ КОНЦА XIV – НАЧАЛА XV ВЕКА В ПСКОВЕ (ПО МАТЕРИАЛА МСТИСЛАВСКИХ РАСКОПОВ)*

Введение и постановка проблемы

В конце первого десятилетия XV столетия в денежном обращении Псковской республики происходят важнейшие изменения, связанные с вводом в оборот в качестве официального внутреннего средства расчета иностранной валюты. В летописных текстах под 1409 и 1424/5 гг. содержатся отрывочные сообщения, касающиеся начала и завершения данного процесса: *«Тоя же зиме въ Пскове отложиша коунами торговати и начаша пенязми торговати»* и *«Того же лета псковичи отложиша пенязми, артугы торговати, и приставиша мастеров денги ковати в чистом серебре»*¹. Почти синхронно идентичные события происходили и в Новгородской республике, где под 1410 г. летопись сообщает: *«Того же лета начаша новгородци торговати промежи себе лопьци и гроши литовьскими и артуги немечкыми, а куны отложиша...»*².

Историки и нумизматы неоднократно обращались к данному эпизоду, выделяя в нем почти одновременный отказ обеих республик от архаичной кунной системы, переход к использованию иностранной валюты и начало выпуска своих монет в «чистом серебре». На вопрос, какие именно иностранные денежные знаки обращались в Пскове с 1409 по 1425 гг. и в Новгороде с 1410 по 1420 гг., исследователи высказывали различные мнения³. При этом к изучению конкретного нумизматического материала этого периода только из Новгорода и его округа обращались В. Л. Янин, А. Н. Молвыгин и П. Г. Гайдуков⁴.

* Работа выполнена в рамках плановой темы «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» FMZF-2022-0017 (К. В. Горлов).

¹ Псковские летописи. Выпуск второй. М, 1955. С. 35, 39.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М-Л, 1950. С. 402.

³ Толстой И. И. Русская допетровская нумизматика. Монеты Великого Новгорода. Вып. 1. СПб, 1884. С. 7–18; Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М, 1963. С. 293, 294; Молвыгин А. Н. Номиналы мелких монет Ливонии с середины XIII до второй половины XVI вв. и некоторые вопросы денежного дела Новгорода и Пскова // Известия академии наук Эстонской ССР. Вып. 4. Таллин, 1963. С. 383–385; Бауер Н. П. История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. М, 2014. С. 328, 329; Бектинеев Ш. И. Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI веках. Минск, 2014. С. 183–188.

⁴ Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1951 г. // Советская археология. Вып. XVIII. М, 1953. С. 385; Молвыгин А. Н., Янин В. Л. Новгородский клад ливонских монет XV в. // Новгородский сборник. 50 лет раскопок

Монетные находки последних десятилетий в Поволховье позволили аргументированно показать, что под «грошами литовскими» следует понимать пражские гроши, выполнявшие в XV в. роль внутренней денежной единицы Великого княжества Литовского⁵. Анализ новгородских находок пфеннигов («любекских») и артигов, чеканенных в первом и втором десятилетии XV столетия в Дерпте и Ревеле, позволил И. А. Леймусу и П. Г. Гайдукову окончательно различить в первых «лопцов», а во вторых «артигов немецких»⁶.

Изучение денежного обращения Псковской республики в первой четверти XV в. традиционно базировалось на анализе письменных источников. Находки европейских монет конца XIV–XV вв. из Пскова до недавнего времени оставались без должного внимания исследователей.

В вопросе определения иностранной валюты, участвовавшей в местном денежном обращении, Н. П. Бауер для термина «пенязи» представил примеры его употребления как в качестве общего понятия денег, так и обозначения конкретных денежных единиц. Под «артугами» исследователь видел ливонские артиги, преимущественно дерптские, послужившие, по его мнению, прототипами для денег местного выпуска⁷.

А. Н. Молвыгин под «пенязями» предлагал понимать ливонские пфенниги, а под «артугами» – артиги, чеканенные в Таллине и Тарту, находки которых были известны исследователю из округа Новгорода⁸.

А. С. Мельникова летописные «пенязи» интерпретировала как собирательное название иностранных монет на Руси, оставив без комментариев упомянутые под 1425 г. «артуги» вместе с «пенязями». При этом Алла Сергеевна полагала, что в Новгороде и Пскове в первой четверти XV в. обращались одинаковые иностранные монеты⁹.

Ш. И. Бектинеев считает, что в Пскове и Новгороде в ходе денежных реформ 1409–1410 гг., отказавшись от кунной денежной системы, перешли к использованию литовских пенязей, т.е. монет, чеканенных в Великом княжестве Литовском¹⁰.

Отметим также, что термин «пенязи» фигурирует в Псковских летописях и для более позднего времени (вручение Зое Палеологине «50 рублей пенязьми»¹¹, сообщение 1476 г. *«и вдаше псковичи Иоанноу 15 роублевъ в дарови , а диакоу 5 роублевъ, а Юрьи 10 роублев не принял; и все то их не няло псковское добро, едоучи на рубежи котори ихъ провадили всъх ограбили, какъ кони и платье отъимали, и*

Новгорода / Под ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М, 1982. С. 232–238; Гайдуков П. Г. Русские полуденги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв. М, 2006. С. 95.

⁵ Горлов К. В., Гайдуков П. Г., Григорьева Н. В. Находки пражских грошей в Поволховье // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 32. / Под ред. Е. Н. Носова. Великий Новгород, 2019. С. 283–290.

⁶ Доклад по данной теме был представлен И. А. Леймусом и П. Г. Гайдуковым в ходе конференции «Великий Новгород и денежное обращение Руси в XIV–XVII вв. К 600-летию начала новгородской монетной чеканки» 8 июня 2021 г.

⁷ Бауер Н. П. История древнерусских... С. 376, 391, 392, 397.

⁸ Молвыгин А. Н. Номиналы мелких... С. 383–387.

⁹ Мельникова А. С. Псковские монеты XV в. // Нумизматика и эпиграфика. Вып. IV. М, 1963. С. 230.

¹⁰ Бектинеев Ш. И. Денежное обращение... С. 184–188.

¹¹ Псковские летописи. Выпуск второй. М., 1955. С. 191

самых перебили, и сверхъ и пенязи поймали»¹², но в данной публикации мы остановимся на хронологическом периоде, ограниченном комплексом новых археологических находок.

Новые археологические данные

В 2017–2019 гг. в Пскове на территории бывшей тепловой электростанции производились масштабные археологические раскопки, предшествующие общей реконструкции квартала. В результате раскопок была зафиксирована сложная стратиграфическая картина, интерпретация которой во многом осложнялась обезвоженностью грунта, вызванной строительной активностью в XX веке. Вместе с этим, здесь была получена многотысячная коллекция индивидуальных находок¹³.

Работы 2017–2019 гг. позволили получить коллекцию из 15 подлинных и поддельных ливонских монет конца XIV – первой четверти XV вв., позволяющую уточнить состав местного денежного обращения этого времени.

Шесть монет происходят с участка раскопа Мстиславский III, шесть монет с раскопа Мстиславский IV, две монеты – Мстиславский II, одна находка получена из отвала. Пять находок раскопа Мстиславский IV образуют скопление, территориально связанное с комплексом металлообрабатывающих мастерских, функционировавших на рассматриваемом участке с XII по XVI в.¹⁴ Монеты раскопа Мстиславский III распределены по всей исследованной площади равномерно, происходят из отложений, содержащих в себе значительное количество выплесков и лома цветного металла, на незначительном удалении от комплексов, связанных с металлообработкой. Жилая застройка, синхронная периоду обращения этих монет на территории раскопов не выявлена. Таким образом, мы можем предполагать, что выпадение монет в культурный слой происходило в результате их внутригородского обращения или в результате использования этих монет в качестве лома цветного металла. Быстрому исключению монет из денежного оборота в обоих случаях способствовала их низкая покупательная способность. Не исключено так же, что на территории «производственного квартала» производилось реплицирование (изготовление фальшивых монет этого круга). Оловянное покрытие части фальшивых экземпляров некоторым образом соотносится с распространением на этих раскопах слитков брускового олова, являющихся редкой находкой для территории Пскова.

Выпуск артигов в Ревеле был начат магистром Арнольдом фон Витингофом около 1363 г.¹⁵. На лицевой стороне таких монет нанесено изображение геральдического щита с крестом в центре, окруженного легендой MAGISTRI LIVONIE,

¹² Там же. С. 206.

¹³ Салмина Е. В., Салмина Е. В., Салмин С. А., Белоус В. А., Косовец К. С., Фисенко А. В., Щукина Т. А. Возвращение через 105 лет: раскопы 2016–2017 гг. у Мстиславской башни в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Выпуск 34. Материалы 64-го заседания (2018 г.). М.; Псков. С. 25–37.

¹⁴ Салмина Е. В., Салмин С. А. Горны на курганах (открытие средневекового металлургического квартала в Пскове при раскопках 2016–2019 гг.). // На одно крыло – серебряная, на другое – золотая... Сборник статей памяти Светланы Рябцевой. Кишинев, 2020. С. 381–388.

¹⁵ Haljak G. Livonia coins XIII–XVIII century. Part I: feudal states. Livonian coins from XIII–XVI century. Tallinn, 2010. С. 71.

помещенной между двумя точечными ободками. Обратная сторона включает крест, в углах соединения лопастей которого поставлены три точки, окаймленные надписью MONETA REVALIE, охваченной двумя ободками из точек.

Старшим среди найденных в Пскове стал артиг магистра Вильгельма фон Фримерсхайма, отчеканенный около 1375–1385 гг. На аверсе данной монеты крест, включенный в щит, реализован при помощи двух параллельных линий. Крест реверса имеет раздвоенное завершение лопастей и отличается изяществом (табл. 1, № 1; рис. 1, 1).

Следующие два артига 1413–1417/20 гг. могут принадлежать эмиссии магистров Дитриха Торка или Зигфрида Ландера фон Шпонхейма. Кресты на их лицевой стороне изображены закрытыми жирными линиями, а над щитами присутствуют знаки в виде полумесяцев, открытых на первой монете в правую, а на второй в левую стороны. Окончания лопастей крестов на оборотной стороне здесь перестают быть раздвоенными и имеют только расширения (табл. 1, № 2, 3; рис. 1, 2, 3).

С конца XIV в. в Ревеле выпускались монеты более мелкого, чем артиги, номинала – пфенниги или «любекские», получившие второе название по тождеству их веса денежным знакам Любека¹⁶. Аверс пфеннигов содержит рельеф в виде геральдического щита с крестом, окруженного легендой MONETA, заключенной между двумя точечными ободками. Изображения реверса включают крест и круговую надпись REVALIE, окаймленную точечными ободками.

Найденный на Мстиславских раскопах ревельский пфенниг принадлежит эмиссии магистра Зигфрида Ландера фон Шпонхейма и может датироваться временем 1415–1420 гг. (табл. 1, № 4; рис. 1, 4).

Следующие четыре монеты, найденные в Пскове, являются фальсификатами, эмитирующими артиги и пфенниги Ревеля двух первых десятилетий XV в. Среди них выделяется артиг высокого качества исполнения. Крест на его лицевой стороне изображен одной закрытой жирной линией, а над щитом присутствует знак в виде полумесяца, открытого в правую сторону (табл. 1, № 12; рис. 1, 5). Прототипом для данного экземпляра послужила, вероятнее всего, монета Конрада фон Фитингхофа 1407–1409 гг., по классификации Г. Хальяка соответствующая типу 34¹⁷.

Элементный анализ состава металла¹⁸ показал, что основа рассматриваемой подделки изготовлена из медного сплава с небольшими примесями мышьяка и свинца, а на ее поверхности фиксируются области темно-серого цвета, содержащие олово¹⁹ (табл. 2, №5). Изготовление нумизматических фальшивок посредством нанесения на медную основу имитации серебра в виде олова, т.е. способом лужения,

¹⁶ Haljak G. Livonia coins... С. 71.

¹⁷ Ibid. С. 81.

¹⁸ Рентгенофлуоресцентный анализ (XRF) проведен в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа, в Лаборатории технико-технологических исследований. Artax 400. Аналитик к.и.н. С. В. Хаврин. Для каждой монеты спектр снимался с поверхности из двух точек.

¹⁹ Присутствие в медном сплаве мышьяка и свинца объясняется их намеренным добавлением для облегчения плавки металла.

получило в Средневековье широчайшее распространение²⁰. Геральдические изображения и легенды нанесены на заготовку при помощи чеканного инструмента.

Еще один поддельный артиг сохранился в виде фрагмента с утратой большей части рельефов. Однако читающиеся части короткого креста на оборотной стороне с раздвоенными концами позволяют отнести его прототип, вероятно, к эмиссии Конрада фон Фитенгхофа (табл. 1, №13; рис. 1, б). Рентгенофлуоресцентный анализ показал, что монета также изготовлена путем нанесения слоя олова на медную основу (табл. 2, №6).

Присутствующие в коллекции два фальшивых пфеннига, вероятнее всего, копируют монеты Зигфрида Ландера фон Шпонхейма 1415–1420 гг. (табл. 1, №14, 15; рис. 1, 7, 8). Первый экземпляр, как и образцы старшего номинала, изготовлен при помощи нанесения на медную основу олова (табл. 2, №7). Обогащение драгоценным металлом медной заготовки второго пфеннига производилось при помощи амальгамного серебрения, о чем свидетельствует присутствие следов ртути на его поверхности (табл. 2, №8).

Еще один фальсификат заслуживает отдельного рассмотрения. В центральной части его условной лицевой стороны изображен геральдический щит с включенным в него крестом, поверх которого помещен знак в виде точки. Композицию окружает надпись, заключенная между двумя точечными ободками, в которой распознаются отдельные буквы V D I, а также разделительный знак в виде крестика с расширяющимися к концам лопастями (табл. 1, №16; рис 1, 15).

Оборотная сторона несет рельеф в виде креста с расширяющимися концами, в углах соединения лопастей которого присутствуют три точки. По краю проходит нечитаемая круговая легенда, поставленная между двумя точечными ободками. Вес монеты равен 0,220 гр, а диаметр составляет около 12 мм.

Основа денежного знака, вероятнее всего, вырезана из медной пластины, о чем говорят особенности формы ее краев. На поверхности фиксируется относительно толстый слой олова (табл. 2, №9).

Метрические показатели позволяют отнести этот фальсификат к группе поддельных регельских пфеннигов. Однако такой атрибуции противоречит оформление условной оборотной стороны, схожей с дизайном артигов 1410-х – 1420-х гг. с коротким крестом и тремя точками между лопастей. Причина появления такого поддельного артига в весе пфеннига пока остается не ясной.

Следующая серия ливонских монет, найденных в Пскове, принадлежит эмиссии епископов Дерпта. Выпуск артигов здесь начался в 60-е гг. XIV в. Иоганном I Вифхузеном²¹. На их лицевой стороне помещалось оплечное изображение епископа в митре, окруженное легендой типа TIDERIEUS EPUS между двумя точечными ободками. Обратная сторона включала композицию из скрещенных меча и ключа, над которыми располагался один из элементов фамильного герба епископов. Между рукоятями меча и ключа мог находиться символ в виде кружка, полумесяца, звезды. Рельефы опоясывала легенда MONETA TARBAT между двумя ободками.

²⁰ Бойко-Гагарин А. Фальшивомонетчество в Центральной и Восточной Европе в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Киев, 2017. С. 331–346.

²¹ Haljak G. Livonian coins... С. 220.

Среди найденных на Мстиславских раскопах дерптских артигов два принадлежат эмиссии епископа Дитриха III Дамерова 1396–1400 гг. В качестве атрибутивных признаков на этих монетах следует отметить наличие на оборотной стороне дополнительных знаков в виде ветвей в верхней части монетного поля и кружков в нижней (табл. 1, №5, 6; рис. 1, 9, 10).

Монетное поле третьего артига имеет значительные утраты связанные вероятнее всего с процессом археологизации. Сохранившиеся части рельефов, включающие фамильный знак епископа в виде повисшей ветви, а также полумесяц между рукоятями меча и ключа позволяют отнести монету к чеканке Бернхарда II Булове периода 1410–1413 гг., по классификации Г. Хальяка соответствующую типу 520²² (табл. 1, №7; рис 1, 11).

С конца XIV столетия в Дерпте выпускались фракции артига – пфенниги. Оформление их лицевой и оборотной сторон было идентичным и содержало изображение скрещенных меча и ключа, окруженных надписями типа DARPAE / DARPA между точечными ободками.

Два старших пфеннига, найденных в Пскове, принадлежат чеканке Дитриха III Дамерова 1396–1400 гг. (табл. 1, №8, 9; рис. 1, 12, 13). Еще один «любекский» относится к выпускам епископа Генриха III Врангеля 1408–1410 гг. (табл. 1, №10; рис. 1, 14).

По времени чеканки к рассмотренной группе ливонских монет примыкает виттен 1410–1413 гг. вольного имперского города Любека (табл. 1, №11; рис 1, 16). Подобные денежные знаки составляли основу монетного обращения ганзейских городов в XIII–XV вв., отличаясь устойчивым курсом. Найденный в Пскове экземпляр имеет признаки внеэкономического использования в виде отверстия.

Обращение к хронологическому составу коллекции показывает, что наиболее ранней монетой, несколько оторванной от основной группы, является ревельский артиг Вильгельма фон Фримерсхайма. Данный экземпляр пока не имеет аналогов среди находок Пскова и Новгорода. От поздних выпусков он отличается более высоким весом и содержанием серебра в сплаве (табл. 2, №1). Следующая серия из двух артигов и двух пфеннигов конца 90-х гг. XIV в. принадлежит дерптской эмиссии Дитриха III Дамерова. Находки денежных знаков этого епископа известны в Новгороде и Рюриковом городище.

Регистрация в Пскове монет Вильгельма фон Фримерсхайма и Дитриха III Дамерова может указывать на их активное проникновение в пределы республики в конце XIV – начале XV вв., т.е. до начала их использования здесь в качестве внутреннего средства расчета. Вероятнее всего, ранние ливонские монеты попадали в Псков в результате торговых контактов с Ревелем и Дерптом, хотя не исключен и захват их части в качестве военной добычи.

Ко времени летописного бытования «пенязей» в Пскове принадлежит основная группа подлинных монет магистров Дитриха Торка и Зигфрида Ландера фон Шпонхейма, а также епископов Бернхарда II Булове и Генриха III Врангеля. К ним примыкают и фальсификаты Конрада фон Фитингхофа и Зигфрида Ландера фон

²² Haljak G. Livonia coins... С. 251.

Шпонхейма. Находки монет этих эмитентов известны в Новгороде и его округе как в виде единичных экземпляров, так и в составе клада²³. Внимания заслуживает и не введенный до настоящего времени в научный оборот слепок, состоявший из четырех ливонских артигов, найденных в ходе раскопок на Земляном городище Старой Ладogi в 2011 г. Разделение и атрибуция монет позволила заключить, что одна из них принадлежит регельской чеканке Дитриха Торка или Зигфрида Ландера фон Шпонхейма 1409–1413 гг. Еще три экземпляра относятся к дерпской эмиссии Бернхарда II Бюлова ок. 1413 г.²⁴

Более поздние монеты Ливонии, отчеканенные уже после реформы 1422–1426 гг., на Мстиславских раскопах не зафиксированы, что коррелирует с летописной датой о прекращении использования иностранной валюты в Пскове после 1425 г. и началом производства собственных денежных знаков.

На протяжении чеканки в Ревеле и Дерпте артигов и пфеннигов вплоть до денежной реформы 1420-х гг. их вес и проба неоднократно изменялась в худшую сторону. Если ранние артиги Ревеля весили около 1,31–1,34 г и содержали серебра в сплаве около 50 %, то масса поздних предреформенных экземпляров понизилась до 0,96 г, а состав серебра приблизился к 36–39 %²⁵.

Изучение элементного состава коллекции ливонских монет, найденных в Пскове, при помощи рентгенофлуоресцентного анализа столкнулось с проблемой неоднородности их поверхности, связанной с процессом археологизации и реставрации. Снятие спектров из различных точек, отличающихся по цвету (например, белого и красного оттенков), показало серьезные расхождения в содержании драгоценного металла (табл. 2).

Повешенное содержание серебра в пределах 70–90% на поверхности некоторых монет (табл. 2, №1, 3, 11) связано как частичным вымыванием окислов меди природными кислотами в процессе археологизации, так и процедурой «отбеливания» монетных заготовок на одном из этапов их производства. Полученные данные в целом позволяют проследить тенденцию к понижению пробы от ранних к поздним монетам, что коррелирует с данными об ухудшении состава серебра, известными как по письменным источникам, так и по результатам естественнонаучных исследований металла монет.

Вес рассматриваемых экземпляров отличается от нормативного в меньшую сторону, что связано с процессом коррозионного воздействия во время длительного пребывания в культурном слое.

Найденные на Мстиславских раскопах пять фальсификатов, изготовленных при помощи приемов лужения и амальгамного серебрения поверхности, косвенным образом указывают на широкое распространение и популярность ливонских монет среди населения Пскова в первой четверти XV в.

²³ Янин В. Л. Печати из новгородских... С. 385; Молвыгин А. Н., Янин В. Л. Новгородский клад... С. 323–328.

²⁴ Определение монет проведено К. В. Горловым (ИИМК РАН).

²⁵ Haljak G. Tallinna ja Tartu lüübisete dateerimisest ca 1390–1420 // Räägime asjast. Tallinn, 2008. С. 78, 79; Leimus I. Das Darlehen des Ordensmeisters an die Stadt Tallinn (Reval) als Treibkraft des dortigen Münzwesens am Ende des 14. und zu Beginn des 15. Jahrhunderts // Monetary history of the Baltics in the Middle Ages. Tallinn, 2012. С. 80–90.

А. Бойко-Гагарин, ссылаясь на топографию находок фальшивых монет Дерпта и Ревеля, пришел к выводу, что одним из мощных ареалов их распространения были Псковские и Новгородские земли, ведущие активную торговлю с Ливонией. По мнению исследователя, подделка ливонских монет в русских землях могла производиться с целью сбыта их в обмен на товары или услуги в Ливонии²⁶. Находки фальшивых монет в Пскове подтверждают данное мнение, однако могут указывать и на их изготовление для местного обращения. Следует отметить, что среди фальсификатов преобладают экземпляры двух номиналов, эмитирующие ревельские выпуски. Изготовление фальшивых монет могло быть связано непосредственно с завершающим моментом их использования в русских городах. Новгородская летопись упоминает, что выведенные из употребления «артуги попродаша Немцом»²⁷, и в число возвращаемых в ливонский денежный оборот монет могло попасть значительное число местных подделок.

Как отмечалось выше, в многочисленных документах, приведенных Н. П. Бауером, термин «пенязи» употребляется как для общего обозначения денег, так и для конкретных денежных единиц. Возможно, и летописные сообщения о «пенязях» под 1409 и 1425 гг. содержат двойное значение. Первое могло обозначать собирательное название хорошо известных в Пскове денежных знаков Дерпта и Ревеля двух номиналов, принятых для местного обращения. Второе упоминание «пенязей» вместе с «артугами» позволяет говорить, что здесь речь идет о конкретных номиналах монет, под которыми, как показали находки с Мстиславских раскопов, скрываются пфенниги и артиги, чеканенные в Ревеле и Дерпте.

Важно отметить присутствие среди псковских находок пфеннигов, за которыми, по мнению П. Г. Гайдукова, скрывается самобытность денежной системы независимого Новгорода и Пскова, где в отличие от прочих центров русской монетной чеканки выпускали в качестве фракции денги не ее половинный номинал, а четвертую часть – четверетцу²⁸. До обнаруженных на Мстиславских раскопах шести подлинных и фальшивых пфеннигов другие псковские находки данных номиналов в научный оборот не вводились и связь псковских четверетц с «люббекскими» носила гипотетический характер.

Достаточно известное по письменным источникам и подтвержденное конкретными нумизматическими находками время выхода из обращения в Псковской и Новгородской республиках ливонских монет превращает их узкодатирующий культурный слой в археологический источник. Дальнейшее накопление базы находок ливонских монет в пределах Псковской республики позволит создать надежную источниковую базу, дополняющую историю торговых контактов и особенностей местного денежного обращения.

²⁶ Бойко-Гагарин А. Фальшивомонетчество в Центральной... С. 293, 300.

²⁷ Новгородская первая летопись. С. 412.

²⁸ Гайдуков П. Г. Русские полуденги... С. 94–96, 103–114.

Приложение

Рис. 1. Нумизматическая коллекция, найденная на II, III, IV Мстиславских раскопах Пскова в 2017–2019 гг.

Таблица 1. Нумизматическая коллекция, найденная на II, III, IV Мстиславских раскопах Пскова в 2017–2019 гг.

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки	Вес, г	Тип ²⁹	№ в полевой описи
1	Ливонский орден / Вильгельм фон Фримерсхайм	Артиг	ок. 1375–1385	Ревель	1,205	22	П-18-МСТ-IV-139
2	Ливонский орден / Дитрих Торк или Зигфрид Ландер фон Шпонхейм	Артиг	ок. 1413–1417	Ревель	0,510	36	П-18-МСТ-IV-54
3	Ливонский орден / Дитрих Торк или Зигфрид Ландер фон Шпонхейм	Артиг	ок. 1413–1420	Ревель	0,580	37	П-19-МСТ-II-138
4	Ливонский орден / Зигфрид Ландер фон Шпонхейм	Пфенниг	ок. 1415–1420	Ревель	0,255	58	П-18-МСТ-IV-454
5	Дерпское епископство / Дитрих III Дамеров	Артиг	ок. 1396–1400	Дерпт	0,690	495	П-17-МСТ-III-2059
6	Дерпское епископство / Дитрих III Дамеров	Артиг	ок. 1396–1400	Дерпт	0,420	496	П-17-МСТ-III-1163
7	Дерпское епископство / Бернхард II Булове	Артиг	ок. 1410–1413	Дерпт	0,470	520	П-17-МСТ-III-1949
8	Дерпское епископство / Дитрих III Дамеров	Пфенниг	ок. 1396–1400	Дерпт	0,225	499	П-17-МСТ-III-2038
9	Дерпское епископство / Дитрих III Дамеров	Пфенниг	ок. 1396–1400	Дерпт	0,130	499	П-17-МСТ-III-2062
10	Дерпское епископство / Гейнрих III Врангель	Пфенниг	ок. 1408–1410	Дерпт	0,390	513	П-18-МСТ-IV-1192
11	Вольный имперский город Любек	Виттен ³⁰	ок. 1410–1411		0,955		П-17-МСТ-IV-62
12	Поддельный артиг Ливонского ордена Конрада фон Фитингхофа		1410-е ?	?	0,790	34 ³¹	П-18-МСТ-IV-227
13	Поддельный артиг ³² Ливонского ордена Конрада фон Фитингхофа		1410-е ?	?	0,390	?	П-17-МСТ-II-768
14	Поддельный пфенниг Ливонского ордена Зигфрида Ландера фон Шпонхейма		ок. 1415–1420	?	0,160	57	П-17-МСТ-III-1021
15	Поддельный пфенниг Ливонского ордена Зигфрида Ландера фон Шпонхейма		ок. 1415–1420	?	0,240	57	П-18-МСТ-IV-229
16	Поддельный артиг или пфенниг Ливонского ордена?		1410-е – 1420-е ?	?	0,220	?	П-17-МСТ-II-824

²⁹ Типология монет указана на основании классификации Г. Хальяка (*Haljak G. Livonia coins... С. 251.*).³⁰ Монета с признаком внеэкономического использования (отверстие).³¹ Здесь и далее для поддельных монет указывается приблизительный тип прототипа в каталоге Г. Хальяка (*Haljak, 2010*).³² Фрагмент монеты.

Таблица 2. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа состава сплава нумизматической коллекции, найденной на II, III, IV Мстиславских раскопах Пскова в 2017–2019 гг.

№ ³³	Ag	Cu	As	Pb	Sn	Au	Zn	Fe	Sb	Ni	Mn	Hg
1	87–92	7–10	–	1–4	–	<0,6	Сл.	–	–	–	–	–
	48–53	47–52	–	<0,3	–	Сл.	–	–	–	–	–	–
2	68–72	25–29	–	2–3	–	<0,6	–	<0,3	–	–	–	–
	56–59	39–42	–	1–2	–	<0,5	–	Сл.	–	–	–	–
3	77–96	2–19	–	2–4	–	<0,6	–	–	–	–	–	–
	53–61	37–46	–	1,5–2	–	<0,4	–	Сл.	–	–	–	–
4	11–14	85–88	<0,2	<0,4	–	Сл.	–	<0,6	–	–	–	–
	13–16	83–86	<0,4	<0,8	–	Сл.	–	<0,3	–	Сл.	–	–
5	<0,4	94–97	<0,3	<0,6	2–5	–	–	<0,3	Сл.	Сл.	–	–
	Сл.	>98,5	Сл.	<0,3	Сл.	–	–	<0,4	–	–	–	–
6	<0,8	60–98	Сл.	<0,9	0,5–36	–	Сл.	<1	–	–	–	–
	<0,2	>98,5	Сл.	Сл.	<0,2	–	–	<0,4	–	–	–	–
7	<0,3	90–94	<0,2	<0,5	5–9	–	–	<0,4	–	Сл.	–	–
	<0,3	97–98	Сл.	Сл.	<1	–	–	<0,5	–	Сл.	–	–
8	<0,2	>99	–	Сл.	–	Сл.	–	<0,3	–	–	<0,3	Сл.
	33–35	63–66	<0,2	Сл.	2–4	Сл.	–	<0,7	–	–	<1	–
9	<0,5	68–74	2–4	1–1,5	21–26	–	Сл.	1–2	–	Сл.	–	–
	Сл.	97–99	<0,3	<0,3	<0,9	–	Сл.	<0,5	–	Сл.	–	–
10	55–57	39–41	–	2–3	–	<0,3	–	–	–	–	–	–
	57–59	39–40	–	1–2	–	<0,5	–	–	–	–	–	–
11	91–93	3,5–4,0	–	3–4	–	<0,8	–	–	–	–	–	–
	89–90	4–5	–	4–5	–	0,5–1	–	–	–	–	–	–
12	<0,6	>97	–	<0,4	–	Сл.	<1	Сл.	–	–	Сл.	–
	10–12	83–85	–	2–3	–	<0,4	<1	Сл.	–	–	Сл.	–
13	20–22	70–73	–	3–5	–	Сл.	–	–	–	–	–	–
	18–20	76–78	–	1–2	–	Сл.	Сл.	–	–	Сл.	–	–
14	16–17	80–81	–	<1	–	Сл.	Сл.	<0,4	–	Сл.	–	–
	34–36	60–62	–	<0,9	–	<0,5	Сл.	Сл.	–	Сл.	–	–
15	60–61	32–33	–	4–5	–	<0,6	–	–	–	–	–	–
	30–32	65–66	–	1–3	–	Сл.	–	<0,3	–	–	–	–
16	86–95	4–12	–	1–2	–	<0,7	Сл.	–	–	–	–	–
	67–69	30–32	–	0,5–1	–	<0,5	Сл.	–	–	–	–	–

³³ Порядковый номер в таблице 2 соответствует порядковому номеру в таблице 1 с определением монет.

Информация о статье

Работа выполнена в рамках плановой темы «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» FMZF-2022-0017 (К. В. Горлов).

Авторы: Горлов Константин Вячеславович – научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия; ORCID: 0000-0002-1373-3719; e-mail: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru

Салмина Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, Псковский государственный университет, научный сотрудник лаборатории социогуманитарной регионики, государственное бюджетное учреждение культуры Псковской области «Археологический центр Псковской области», Псков, Россия; ORCID: 0000-0001-9339-793X; e-mail: muntrik102@yandex.ru

Салмин Сергей Анатольевич – научный сотрудник государственного бюджетного учреждения культуры Псковской области «Археологический центр Псковской области», Псков, Россия; ORCID: 0000-0002-2985-4996; e-mail: solvarg@yandex.ru

Заголовок: «...и начаша пенязми торговати»: о находках ливонских монет конца XIV – начала XV вв. в Пскове (по материалам Мстиславских раскопок)

Аннотация: В конце первого десятилетия XV столетия в денежном обращении Псковской республики происходят важнейшие изменения, связанные с вводом в оборот в качестве официального внутреннего средства расчета иностранной валюты. В летописных текстах содержатся отрывочные сообщения, касающиеся начала и завершения данного процесса, с указанием «местных» названий двух номиналов европейских монет: «пенязи» и «артугы», в идентификации которых среди исследователей единого мнения нет.

В 2017–2020 гг. в ходе археологических раскопок в Пскове на Мстиславских раскопах была получена нумизматическая коллекция, в которой выделяется сегмент ливонских монет конца XIV – начала XV вв., (в том числе и поддельных экземпляров в ущерб денежному обращению) по мнению авторов статьи упомянутых в летописи. Идентификация данных монет помогает выявить денежные величины, лежащие в основе собственной эмиссии независимого Пскова, проследить международные контакты республики в начале XV в. и ввести в научный оборот высокоинформативный археологический материал.

Известное по письменным источникам и подтвержденное конкретными нумизматическими находками время выхода из обращения в Псковской и Новгородской республиках ливонских монет превращает их в археологический источник, узко датирующий культурный слой.

Ключевые слова: Псков, монеты, Дерпт, Ревель, денежное обращение

Библиографический список

- Бауер, Н. П. История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. Москва: Русское слово, 2014. 692 с.
- Бектинеев, Ш. И. Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI веках. Минск: Беларуская навука, 2014. 509 с.
- Бойко-Гагарин, А. Фальшивомонетчество в Центральной и Восточной Европе в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Киев: Украинская академия геральдики, товарного знака и логотипа, 2017. 560 с.
- Гайдуков, П. Г. 2006. Русские полуденги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв. Москва: Палеограф, 408 с.
- Горлов, К. В.; Гайдуков, П. Г.; Григорьева, Н. В. Находки пражских грошей в Поволховье // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы XXXII научной конференции (Великий Новгород, 23–25 января 2018 г.). / Под ред. Е. Н. Носова. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник. 2019. Вып. 32. С. 283–290.
- Мельникова, А. С. Псковские монеты XV в. // Нумизматика и эпиграфика. Москва: Академия наук СССР. 1963. Вып. IV. С. 222–244.
- Молвыгин, А. Н. Номиналы мелких монет Ливонии с середины XIII до второй половины XVI вв. и некоторые вопросы денежного дела Новгорода и Пскова // Известия академии наук Эстонской ССР. Таллин: Академия наук Эстонской ССР. 1963. Вып. 4. С. 379–388.
- Молвыгин, А. Н.; Янин, В. Л. Новгородский клад ливонских монет XV в. // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. / ред. Б. А. Колчин, В. Л. Янин. Москва: Наука. 1982. С. 323–328.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва-Ленинград: Академия наук СССР, 1950. 640 с.
- Псковские летописи. Выпуск второй. Москва: Академия наук СССР, 1955. 364 с.

- Салмина, Е. В.; Салмин, С. А.; Белоус, В. А.; Косовец, К. С.; Фисенко, А. В.; Щукина, Т. А. Возвращение через 105 лет: раскопы 2016–2017 гг. у Мстиславской башни в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Выпуск 34. Материалы 64-го заседания (2018 г.) / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков: ИА РАН, 2019. С. 25–37.
- Салмина, Е. В.; Салмин, С. А. Горны на курганах (открытие средневекового металлургического квартала в Пскове при раскопках 2016–2019 гг.). // На одно крыло - серебряная, на другое - золотая... Сборник статей памяти Светланы Рябцевой. Сер. "Библиотека "Stratum"" Под редакцией Р. А. Рабиновича, Н. П. Тельнова. Периодическое издание "Stratum plus" (Кишинев), 2020. С. 381–388.
- Толстой, И. И. Русская допетровская нумизматика. Монеты Великого Новгорода. Выпуск 1. Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1884. 148 с.
- Хорошкевич, А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. Москва: Академия наук СССР, 1963. 365 с.
- Янин, В. Л. Печати из новгородских раскопок 1951 г. // Советская археология. Москва: Академия наук СССР. 1953. Вып. XVIII. С. 372–385.
- Haljak, G. Tallinna ja Tartu lüübisete dateerimisest ca 1390–1420 // Räägime asjast. Tallinn: Eesti Ajaloomuuseum, 2008. Lk. 16–31.
- Haljak, G. Coins XIII–XVIII century. Part I: feudal states. Livonian coins from XIII–XVI century. Tallinn: 2010. 399 p.
- Haljak, G. Livonian coins 1363–1420 // Monetary history of the Baltics in the Middle Ages. Tallinn: Eesti Ajaloomuuseum, 2012. P. 66–79.
- Leimus, I. Das Darlehen des Ordensmeisters an die Stadt Tallinn (Reval) als Treibkraft des dortigen Münzwesens am Ende des 14. und zu Beginn des 15. Jahrhunderts // Monetary history of the Baltics in the Middle ages (12–16th c.). Tallinn: Eesti Ajaloomuuseum, 2012. P. 80–90.

Information about the article

This study was carried out as part of the planned project FMZF-2022-0017 ‘The development of the methods of recording, custody, scientific description, and actualization of archaeological collections kept in the IHMC of the RAS’ (Konstantin Vyacheslavovich Gorlov).

Authors: Gorlov Konstantin Vyacheslavovich — researcher at the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia; ORCID: 0000-0002-1373-3719; e-mail: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru

Salmina Elena Vyacheslavovna — Candidate of Historical Sciences, Pskov State University, researcher at the Laboratory of Socio-Humanitarian Regional Studies, the Archaeological Center of Pskov region (Scientific and Expert Department), Pskov, Russia; ORCID: 0000-0001-9339-793X; e-mail: muntrik102@yandex.ru

Salmin Sergey Anatolyevich — researcher at the Archaeological Center of Pskov region (Scientific and Expert Department), Pskov, Russia; ORCID: 0000-0002-2985-4996; e-mail: solvarg@yandex.ru

Title: “...i nachasha penyazmi torgovati”: About the finds of Livonian coins of the late 14th – early 15th century in Pskov (based on the materials of the Mstislavsky excavations)

Abstract: In the end of the first decade of the 15th century, important changes took place in the money circulation of the Pskov Republic, connected with the introduction of foreign currency into the circulation as an official means of payment. Chronicle texts contain fragmentary information concerning the beginning and completion of this process, indicating ‘local’ names of two denominations of European coins: ‘penyazi’ and ‘artugs’. As for their identification, there is no consensus among researchers.

In 2017–2020 during archaeological excavations in Pskov on the Mstislavsky excavation sites, a numismatic collection was obtained in which a segment of Livonian coins of the late 14th – early 15th century is distinguished (including counterfeit coins to the detriment of the monetary circulation). According to the authors of this article, it is such coins that are mentioned in the chronicles. The identification of these coins helps to identify the monetary units found in the basis of the own money issuance of independent Pskov, to trace the international contacts of the Republic in the beginning of the 15th century, and introduce an archaeological material of high information value into scientific circulation.

Known from written sources and confirmed by specific numismatic finds, the time when Livonian coins went out of circulation in the Pskov and Novgorod Republics turns them into an archaeological source that narrowly dates the cultural layer.

Keywords: Pskov, coins, Derpt, Revel, monetary circulation

References

- Bauer, N. P.* Istorija drevnerusskikh denezhnykh sistem IX v. – 1535 g. [History of Old-Russian monetary systems of the 9th century – 1535]. Moscow: Russkoe slovo Publ., 2014. 692 p. (in Russian)
- Bektineev, S. I.* Denezhnoe obrashchenie na territorii Belarusi v IX–XVI vekakh [Monetary circulation in the territory of Belarus in the 9th–16th centuries]. Minsk: Belaruskaya navuka Publ., 2014. 509 p. (in Russian)
- Boyko-Gagarin, A.* Fal'shivomonetchestvo v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope v epokhu Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni [Counterfeiting in Central and Eastern Europe in the Middle Ages and the early Modern Period]. Kyiv: Ukrainskaya akademiya geral'diki, tovarnogo znaka i logotipa Publ., 2017. 560 p. (in Russian)
- Gaydukov, P. G.* Russkie poludengi, chetverettsy i polushki XIV–XVII vv. [Russian partly-coins, chetveretsy and polushki of the 14th–17th centuries]. Moscow: Paleograf Publ., 408 p. (in Russian)
- Gorlov, K. V.; Gaydukov, P. G.; Grigor'eva, N. V.* Nakhodki prazhskikh groshey v Povolkhov'e [Finds of Prague groschens in the Volkhov region], in *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya. Materialy XXXII nauchnoy konferentsii (Velikiy Novgorod, 23–25 yanvarya 2018 g.)* [Novgorod and Novgorod Land. History and archaeology. (Proceedings of the XXXII Scientific Conference (Veliky Novgorod, January 23–25, 2018))]. Ed. E. N. Nosov. Veliky Novgorod: Novgorod Museum-Preserve Publ., 2019, iss. 32, pp. 283–290. (in Russian)
- Khoroshkevich, A. L.* Torgovlya Velikogo Novgoroda s Pribaltikoy i Zapadnoy Evropoy v XIV–XV vekakh [The trade of Veliky Novgorod with the Baltics and Western Europe in the 14th–15th centuries]. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1963. 365 p. (in Russian)
- Mel'nikova, A. S.* Pskovskie monety XV v. [Pskov coins of the 15th century], in *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and epigraphy]. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1963, iss. IV, pp. 222–244. (in Russian)
- Molvyygin, A. N.* Nominaly melkikh monet Livonii s serediny XIII do vtoroy poloviny XVI vv. i nekotorye voprosy denezhnogo dela Novgoroda i Pskova [Denominations of small coins of Livonia from the middle of the XIII to the second half of the XVI centuries and some questions of the coinage of Novgorod and Pskov]. In *Izvestiya akademii nauk Estonskoy SSR* [Proceedings of the Academy of Sciences of the Estonian SSR]. Tallin: Akademiya nauk Estonskoy SSR Publ., 1963, iss. 4, pp. 379–388. (in Russian)
- Molvyygin, A. N.; Yanin, V. L.* Novgorodskiy klad livonskikh monet XV v. [Novgorod hoard of Livonian coins of the 15th century]. In *Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok Novgoroda* [Novgorod collection. 50 years of excavations in Novgorod]. Ed. B. A. Kolchin, V. L. Yanin. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 323–328. (in Russian)
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [The Novgorod first chronicle in the earlier and later versions]. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 640 p. (in Russian)
- Pskovskie letopisi. Vypusk vtoroy* [Pskov chronicles. Second Issue]. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1955. 364 p. (in Russian)
- Salmina, E. V.; Salmin, S. A.; Belous, V. A.; Kosovec, K. S.; Fisenko, A. V.; Shchukina, T. A.* Vozvrashchenie cherez 105 let: raskopy 2016–2017 gg. u Mstislavskoj Bashni v Pskove [Return after 105 years: excavations 2016–2017 at the Mstislavskaya Tower in Pskov]. In *Arkhologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli. Ezhegodnik seminarov imeni akademika V. V. Sedova. Vypusk 34. Materialy 64-go zasedaniya (2018 g.)* [Archeology and history of Pskov and the Pskov land. Yearbook of the Seminar named after Academician V.V. Sedov. Issue 34. Materials of the 64th meeting (2018)]. Ed. N.V. Lopatin. Moscow; Pskov: IA RAN Publ., 2019, pp. 25–37. (in Russian)
- Salmina, E. V.; Salmin, S. A.* Gorny na kurganakh (otkrytie srednevekovogo metallurgicheskogo kvartala v Pskove pri raskopkakh 2016–2019 gg. [Forges on mounds (discovery of a medieval metallurgical quarter in Pskov during excavations in 2016–2019)], in *Na odno krylo — serebryanaya na drugoe — zolotaya. Sbornik statej pamyati Svetlany Ryabcevoj. Series Biblioteka Stratum. Ed. R.A. Rabinovich, N.P. Telnov. Periodicheskoe izdanie "Stratum plus"* [On one wing — silver, on the other — gold... Collection of articles in memory of Svetlana Ryabtseva. Ser. "Stratum plus"]. Kishinev, 2020, pp. 381–388. (in Russian)
- Tolstoy, I. I.* Russkaya dopetrovskaya numizmatika. Monety Velikogo Novgoroda [The Russian Pre-Peter numismatics. Coins of Veliky Novgorod]. Issue 1. Saint Petersburg: Imperatorskaya akademiya nauk Publ., 1884. 148 p. (in Russian)
- Yanin, V. L.* Pechati iz novgorodskikh raskopok 1951 g. [Seals from Novgorod excavations of 1951]. In *Sovetskaya arkhologiya* [Soviet Archaeology]. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1953, iss. XVIII, pp. 372–385. (in Russian)
- Haljak, G.* Tallinna ja Tartu lüübischete dateerimisest ca 1390–1420. Räägime asjast. Tallinn: Eesti Ajaloomuseum, 2008. Lk. 16–31. (in Estonian)
- Haljak, G.* Coins XIII–XVIII century. Part I: feudal states. Livonian coins from XIII–XVI century. Tallinn: 2010. 399 p.
- Haljak, G.* Livonian coins 1363–1420. Monetary history of the Baltics in the Middle Ages. Tallinn: Eesti Ajaloomuseum, 2012, pp. 66–79.

Leimus, I. Das Darlehen des Ordensmeisters an die Stadt Tallinn (Reval) als Treibkraft des dortigen Münzwesens am Ende des 14. und zu Beginn des 15. Jahrhunderts. *Monetary history of the Baltics in the Middle ages (12–16th c.)*. Tallinn: Eesti Ajaloomuuseum, 2012, pp. 80–90. (in German)

Для цитирования статьи:

Горлов К. В., Салмина Е. В., Салмин С. А. «...и начаша пенязми торговати»: о находках ливонских монет конца XIV – начала XV вв. в Пскове (по материалам Мстиславских раскопов). *Caurus*. 2022. Т. 1. № 1. С. 11–25. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-11-25

For citation:

Gorlov K. V., Salmina E. V., Salmin S. A. “...i nachasha penyazmi trgovati”: About the finds of Livonian coins of the late 14th – early 15th century in Pskov (based on the materials of the Mstislavsky excavations). *Caurus*. 2022. Vol. 1(1). P. 11–25. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-11-25

О. С. Гожалимова, Л. М. Иванов

ИЗМЕНЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НА ГРАНИЦЕ ЯРОСЛАВСКОГО И РОМАНОВСКОГО УЕЗДОВ В КОНЦЕ XV – НАЧАЛЕ XVI ВЕКОВ

Трансформации поселенческой структуры в средние века – результат воздействия различных факторов: естественно-географических (климат, уровень рек и др.), экономических (организация земледелия, интенсивность торговли), демографических (эпидемии, миграции и т.д.), политических (войны, изменение границ, политика светской и монастырской колонизации территории и проч.). Ярославское Поволжье, являясь частью Ростовской земли в домонгольское время, находилось в зоне активной колонизации на Великом Волжском пути. Через него проходили транспортные коммуникации на Север по Шексне и в Новгородскую землю по Мологе. Благодаря развитой речно-озерной сети в экономике длительное время была велика роль рыболовного промысла. При впадении Шексны в Волгу не позднее рубежа X–XI вв. появилось поселение Усть-Шексна, впервые упомянутое в летописи под 1071 г. В XII–XIII в. Усть-Шексна приобрела материальные признаки города, третьего по площади в Ростовской земле после Ростова и Белоозера.

Предметом нашего исследования является анализ трансформации Усть-Шексны в Рыбную слободу в конце XV – начале XVI вв. Основными источниками являются грамоты великого князя московского Ивана III, угличского князя Андрея Большого, великой княгини Марии Ярославны¹. В грамотах отражены этапы перехода земель между княжествами.

В документах о местнических делах и службах разных лиц XVI–XVII вв., отложившихся в делах Приказа Тайных дел², упраздненного после смерти царя Алексея Михайловича в 1676 г. имеется запись о взимании недоимок за прежние года с жителей обоих берегов Волги.

Местным историко-литературным памятником эпохи является «Угличский летописец»³, в котором отражены основные этапы правления князя Андрея Большого, а также его политические и территориальные притязания.

В период феодальной раздробленности и складывания централизованного Московского государства судьба каждого из уделов образовавшегося в нач. XIII в. Ярославского княжества была различной. Во многом она зависела от отношений того или иного колена ярославских князей с великим московским княжеством. Правый берег Волги в XIV в. оставался за великим князем ярославским Иваном Васильевичем, левый – за его братом князем Романом Васильевичем, основавшим в своих владениях

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XV вв.. М.–Л., 1950. (далее – ДДГ).

² Дела Тайного Приказа. Книга 2. Спб., 1908.

³ Царе-Угличский летописец, Углич, 2013.

новый город Романов⁴. Земли в нижнем течении Шексны стали уделом потомков среднего сына Романа Васильевича, получивших прозвище Шехонских. Центром удела продолжала оставаться Усть-Шексна, утратившая многие признаки города, площадь которой многократно сократилась после эпидемии «черной смерти» во 2-й пол. XIV в. Видимо неслучайно первый удельный князь этих мест, Иван Романович, вошел в родословные росписи с прозвищем «Неблагодаренный». Тем не менее, при раскопках Рыбинской археологической экспедиции на поселении Усть-Шексна найдены ордынские серебряные и медные монеты, статусные ювелирные украшения (в том числе икона-энколпий новгородского происхождения), свидетельствующие об участии в торговле и уровне жизни жителей. Во 2-й четв. XV в. территория по обеим берегам Волги стала ареной боевых действий феодальной войны потомков «дома Калиты», отразившееся во 2-м упоминании Усть-Шексны в русских летописях под 1446 г. В это же время великая княгиня Московская, жена Василия Темного Мария Ярославна и начинает скупку земель по левому берегу Волги и нижнему течению Шексны. В духовной Василия Темного в числе ее «куплей» фигурируют волости Усть-Шексна и Романов городок⁵.

2-я половина XV в. ознаменовалась борьбой за укрепление влияния Москвы над русскими территориями. В 1470–1480-х гг. одним из ключевых конфликтов стало противостояние сыновей Василия Темного – великого князя Ивана III и его младшего брата князя угличского Андрея Большого. Одной из точек этой борьбы стали земли, расположенные на левом и правом берегах Волги, на границе Ярославского и Угличского княжеств. Левобережье было владением угличского князя Андрея. Романов городок и Усть-Шексну ему подарила мать Мария Ярославна, стремившаяся погасить споры князей относительно распределения земельных владений. Влияние матери на своих детей хорошо отражает их первое dokonчание 1472 г., заключенное не только по благословению митрополита, но и «по слово матери нашии великие княгини на сем на всем»⁶. Конфликт начался осенью 1472 г. из-за присоединения Иваном III к московским владениям выморочного удела их родного брата – Юрия Васильевича Дмитровского. Для разрешения конфликта в период до сентября 1473 г. (заключения второй договорной грамоты между князьями) и было оформлен дар великой княгини. В результате этого пожалования в руках Андрея, помимо переданных отцом Углича, Устюжны, Звенигорода, Бежецкого Верха, оказались одни из лучших рыбных ловель своего времени по Волге от Пушмы до Ити, а также по нижнему течению Шексны. Ссылки на распоряжения угличского князя рыбными ловлями в этих местах дошли в грамотах ряду монастырей – например, Покровскому Угличскому монастырю, получившего по инициативе Андрея в пожалование монастырь «Петр Святой на усть Шексны», были также пожалованы и рыбные ловли на Волге в 1485/86 гг.⁷.

⁴ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XV вв., М., 1984. С.298–300, рис.11

⁵ ДДГ, № 61. С.196

⁶ ДДГ, № 66. С.214

⁷ РГАДА Ф.281. Грамоты коллегии экономии. № 9722/44

Правобережье первоначально входило в удел ярославских князей. А после прекращения местной династии в 1471 году, окончательно вошло в состав Великого Московского княжества. Иван III, активно «прибирая к рукам» соседние княжества, на присоединенных землях, поближе к рубежам новых владений, ставил «государевы слободы». Ставить слободы на границах своих владений – давняя традиция на Руси. Таким образом стимулировался переход населения – ведь дефицит рабочих рук был давним тормозом экономического развития и снижал доходы владельца той или иной территории⁸. С учетом влияния и позиции Марии Ярославны, у великого князя московского оставалась возможность лишь экономически противостоять своему среднему брату. В период арбитража межкняжеских конфликтов со стороны великой княгини в 1473–1485 гг. с наибольшей вероятностью на правобережье могли появиться Рыбная и Борисоглебская слободы. Рыбная слобода, предшественница города Рыбинска, впервые упоминается в 1504 году в духовной грамоте великого князя Ивана III: *«Да сыну же своему Василью даю...Усть - Шоксны по обе стороны погосты и з деревнями княж Васильевские и княж Семеновские Шохонских, и с езы, и с рыбной ловлею, и со всеми пошлинами....город Ярославль с волостями, и с путями, и з селы...да Инопаж и з Сельцом, и с езом, что на Волзе под Рыбною слободою противу Инопажа и Сельца»*⁹.

Зимой 1477/78 г. Андрей Большой принял участие во втором походе Ивана III на Новгород. Младшие братья Ивана III второй раз не получили новых земель. Как следствие, в августе 1479 г. Андрей Большой и Борис Волоцкий не приехали на освящение Успенского собора в Московском Кремле, а в начале 1480 г. Андрей Большой и Борис Волоцкий отъехали к литовскому рубежу в Великие Луки. Их вероятной целью было требование арбитража польского короля Казимира, в соответствии с правилом, установленным завещанием их отца – Василия Темного¹⁰. Мать снова склонила братьев к переговорам, которые продолжались лето и осень 1480 г., на фоне похода хана Ахмата на Русь и стояния на Угре. По их результатам третьим dokonчанием между братьями состоялась передача Андрею Можайска в феврале 1481 года. Мария Ярославна умерла в июле 1485 г., и мирить братьев стало некому. Можно считать это верхней датой возможного учреждения Иваном III Рыбной и Борисоглебской слобод. В ноябре 1486 г. между братьями была заключена последняя договорная грамота¹¹.

То, что учреждение Иваном III слобод напротив владений Андрея Большого было инструментом борьбы за людские и экономические ресурсы (рыбные ловли, места взимания пошлин и проч.), подтверждается известием литературно-исторического памятника XVIII в. – «Угличским летописцем». Он содержит в своем составе не дошедшую до нас «Повесть о князьях Угличских» с записями XIII–XV вв. Записи «Повести» проникнуты симпатией к угличскому князю Андрею Большому, именуемого «святым и благоверным». Описание в нем владений угличских князей кон. XIII в. содержит перечень населенных мест и волостей, которыми владел, либо на

⁸ Смирнов П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.–Л., 1947. Т. 1. С. 47.

⁹ ДДГ, № 89. С. 355–356.

¹⁰ ДДГ, № 61, С.197

¹¹ ДДГ, № 82, С.322

которые претендовал Андрей Большой: «Имеяше же к тому благоверный князь Роман Владимирович при своем богохранимом княжении и прочие еще придельныя пять грады, яко же в житии его упоминаемые... Кашин-1, и Бежецкий-2, Железноустюг-3, Дмитров-4, и Звенигород-5, також к сим прилагаем и новозданный сей град Романов-6, самый же начальствуемый над ними бысть - державный и пресловущий град Углич-7. К тому же и великопосадныя три сия слободы его же ... 1- Борисоглебская, 2-Рыбенская, 3- Моложская, тако же от Рыбенские вверх по Волге реке, в 20 верстах отстоящая по ону страну реки Волги, на реце Мологе, стоящая и ныне...»¹². О причинах претензий Андрея на земли покойного брата Юрия (г. Дмитров) мы уже указывали выше. Но прав на Рыбную и Борисоглебскую слободы Ивана III автор летописца из окружения Андрея не мог бы заявить даже иносказательно, если речь не шла бы о его бывших подданных, перешедших к другому князю.

В ноябре 1493 г. Андрей Большой, схваченный годом ранее старшим братом, умер в заключении, а его удел был ликвидирован. Духовная Ивана III 1504 г. фиксирует передачу Василию III рыболовных угодий (езов) по левому берегу в бывших владениях Андрея. Логично предположить, что это должно было стимулировать переход населения с левого берега на правый в великокняжеские слободы. Археологическими раскопками А. Н. и И. И. Рыкуновых в Рыбинске на обоих берегах Волги для конца XV – начала XVI вв. выявлено сокращение культурного слоя на левом берегу на месте центра волости Усть-Шексна, и резкое увеличение площади культурного слоя в Рыбной слободе до десяти современных кварталов в историческом центре¹³. На «Карте русских княжеств» 1526 г. в качестве города при впадении Шексны в Волгу указана в качестве города Ribena Slaboda¹⁴.

Особенности перехода населения с левого берега на правый в конце XV – начале XVI вв. отразились и на системе управления Рыбной и Борисоглебской слободами. Ее помогает реконструировать один из документов, отложившихся в делах Приказа Тайных дел, упраздненного после смерти царя Алексея Михайловича в 1676 г. В одном из документов о местнических делах и службах разных лиц XVI-XVII вв. (документ VI) сохранилась и была в 1908 году опубликована запись, содержащая второе после 1504 г. упоминание Рыбной слободы: «Лета 7035-го [1527/1528] году посланы на Романовъ для денежного збору изъ Дворца въ Борисоглебскую и въ Рыбную слободу для рыбныхъ ловель и техлавыхъ [тягловых] правежей Стефанъ Федоровъ сынъ Рагазинъ да князь Михаила Казловскои, да Степанъ Волковъ; а велено им о спорныхъ делахъ писать на Романовъ к воеводе, к Михайлу Тухачевскому, да к губному старосте, к князь Степану Казловскому»¹⁵. Публикаторы документов Тайного приказа включили в указатель географических наименований, упомянутых в документе, только Борисоглебскую слободу, забыв указать Рыбную. В результате более столетия запись оказалась не известной для исследователей рыбинской истории; нет на нее ссылок и в работах по истории Борисоглебской слободы и г. Романово-Борисоглебска.

¹² Царе-Угличский летописец, Углич, 2013. С.62

¹³ Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н., Иванов Л. М. Тысячелетия вокруг устья Шексны, Рыбинск, 2004. С.217–218, 220–221

¹⁴ Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV- нач. XVI вв. М. 1974. С.86–108

¹⁵ Дела Тайного Приказа. Книга 2. СПб., 1908. Стлб.52–53

Старший научный сотрудник Института русского языка им. Виноградова Л. Ю. Астахина, анализируя оригинал записи, отмечает, что при составлении предисловия к «Словарю русского языка XI–XVII вв.», начиная с 11 выпуска, авторы стали отмечать в Предисловии, какие слова они не включают в Словарь и почему. В 29-м выпуске упоминается термин «техлавый» – слово искажено, нужно читать тягловых¹⁶.

Сам документ VI представляет собой рукопись XVII века на 1 листе. Помимо известия 1527/28 гг., в нем содержались записи 1552–1608 гг., касающихся дворян Пушкиных, Кондыревых и ряда других. Судя по тексту публикации, документ является черновой копией переписанных фрагментов нескольких документов. Сохранность фрагментов разная, но текст известия начала XVI века сохранилось наиболее полно. Местнические дела с упоминанием дворян Пушкиных и Головиных содержит также изданный в делах Тайного приказа документ VIII 1554–1583 годов¹⁷, связь их между собой, либо с другими документами еще предстоит исследовать. Редактор второго тома И. Я. Гурлянд, в своей работе «Приказ великого государя тайных дел» акцентировал внимание, что часть фонда документов Приказа Тайных дел состоит из документов, по каким-либо поводам затребованных в Приказ из других учреждений¹⁸. Факт переписывания для составления документа VI нескольких более ранних документов, вероятно, мог привести к искажениям в именах упомянутых в нем лиц. Из других документов подтверждается факт службы Михаила Богдановича Тухачевского воеводой в Романове во 2-й четверти XVI в. Например, Н. С. Тухачевский в прошении на высочайшее имя 1806 г. писал: «Сын Богдана Михаил в царствование царя и великого князя Ивана Васильевича... был воеводой на Романове, и потом многие Тухачевские были на службе государевой, во многих посылках при ратных и посольских делах...»¹⁹. Что касается князей Козловских, то они хорошо известны в записях Дворовой тетради по Романову 50-х гг. XVI в., но в ней значатся сыновья не Степана, а Семена Козловского²⁰. Идентификация других упомянутых в документе VI лиц в иных источниках является задачей будущих исследований.

Согласно обнаруженной записи 1527–1528 гг., одна из целей посылки служилых людей в слободы – «тягловые правежи», то есть взыскание недоимок самым распространенным способом – через телесное наказание должников. При этом целью правежа зачастую было не погашение недоимки или погашение долга, а демонстрационный эффект²¹. Из «Записок о Московии» австрийского посла Сигизмунда Герберштейна следует, что предшествующие записи документа VI 1525–1526 годы сопровождалась последовательными природными катаклизмами – сначала

¹⁶ Астахина Л. Ю. О достоверности лексики в лексикографических источниках // Проблемы истории, филологии, культуры, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Институт археологии РАН, Магнитогорск, 2011. с. 334

¹⁷ Дела Тайного Приказа. Книга 2. СПб., 1908. Стлб. 64–67

¹⁸ Гурлянд И. Я. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902. С. 20

¹⁹ Минаков С. Т. Аристократ в демократии // Вестник Брянского университета, №2–2, 2012. С. 59.

²⁰ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI века. М., 1950 г. С. 145.

²¹ Иванов А. А., Матиенков Т. Л., Эриашвили Н. Д. О месте и значении правежа как меры исполнительного производства в истории российского общества: историко-правовой и цивилистический аспекты // Вестник Московского университета МВД России, №1/2016. С. 20

обширной засухой, затем сильными морозами²². Вполне вероятно, что климатические катаклизмы могли прямо повлиять на способность части населения Борисоглебской и Рыбной слобод в полном объеме нести тягло и в результате накопить недоимки. Кроме этого, посылка служилых людей касалась слободских рыбных ловель, улов с которых посылался ко двору великого князя Василия III. Его различные части, созданные для управления великокняжеским хозяйством, и назвались «дворцами».

Для рассмотрения нашего вопроса наиболее интересной представляется информация документа о посылке служилых людей не прямо в слободы, а «на Романов». А также упоминание во второй части записи о необходимости доклада по спорным делам ведавшему левым берегом Волги романовскому воеводе. И это при том, что и Рыбная, и Борисоглебская слободы, в отличие от Романова, находятся на правом берегу Волги, на территории Ярославского уезда, то есть, на первый взгляд, должны управляться из Ярославля. Но в других источниках XVI века мы также неоднократно наблюдаем помещение Рыбной слободы в состав Романовского уезда и Пошехонья – то есть в пределы земель по левому берегу Волги:

– «Лета 7072-го (1563) того же месяца ноября в 26 день царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси менял со князем Володимиром Ондреевичем землями: выменил у князя Вышегород на Петрове и с уезды да в Можайском уезде княжие волости, волость Олешню, волость Воскресенскую, волость Петровскую, а променил государь князю Володимиру город Романов на Волге и с уездом, опричь Рыбные слободы и Пошехония»²³;

– (1572 г.) «Да сына же своего Ивана благословляю, даю ему Пошехонье, со всеми волостями, и с путми, и селы, и с Рыбною слободою, и с Борисоглебской волостью против Романова города и с Пешехонским уезды, и езы, и со езовыми деревнями, и со всеми пошлинами и доходы, со всем по тому, как было при мне...» (Духовная грамота Ивана Грозного)²⁴.

Из рассмотрения в комплексе документа 1527/28 гг. и вышеприведенных известий следует, что Рыбная и Борисоглебская слободы продолжала не только числиться в числе левобережных волжских и пошехонских владений сначала Василия III и затем Ивана IV, а управлялась длительное время воеводской администрацией с левого берега Волги. Это могло происходить благодаря как наличию большого количества переданных в нее от Усть-Шексны и Романова рыбных ловель (езов), так и перешедших в нее вслед за передачей езов рыбных ловцов. Вероятно, на левом берегу Волги в бывших владениях Андрея Большого за переданными в Рыбную и Борисоглебскую слободы угодьями оставались и участки закрепленного «езового» леса – для их возобновления и ремонта после весеннего ледохода. Закрепление определенных участков леса за определенными езами известно по материалам Белозерского уезда²⁵. Сведения об управлении слободами из центра Ярославского

²² Герберштейн Сигизмунд Записки о Московии. М, 2008. Т. 1. С.289–291

²³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), Т. 29. С.325

²⁴ ДДГ № 104. С.436

²⁵ Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство СПб, 1910, Т.1. Вып. 2. С.115

уезда появляются лишь в уставной грамоте ц. Федора Иоанновича «крестьянам и оброчникам» Борисоглебской слободы 1584 г.²⁶

Подведем итоги.

Несмотря на то, что документы по организации Рыбной и Борисоглебской слобод отсутствуют (жалованные грамоты, ограничивающая район собирания переселенцев и обещанные им льготы, и предотвращавшие самосуд соседей над доверенными людьми князя – «слободчиками»)²⁷, очевидна связь организации слобод с экономическим противостоянием Ивана III и Андрея Большого Угличского, чьи владения располагались на противоположных берегах Волги.

Главным объектом противостояния были рыбные ловли, которые после ликвидации удела угличского князя перешли под контроль Ивана III, а затем от него к Василию III. Организация добычи осетровых на езах требует комплекса ресурсов – мест лова, участков леса для сооружения езов, населения для осуществления «битья езов» и ловли рыбы на них. Поэтому даже после присоединения угличского самостоятельного удела к великокняжескому московскому, управление таким комплексом осталось на левом берегу в Романове, о чем свидетельствует документ 1527/28 гг. из дел Тайного приказа и отнесение Рыбной и Борисоглебской слобод к Пошехонью в документах 1563 и 1572 годов.

Такая организация управления предопределила передачу людских ресурсов, мест добычи и ряда других функций от Усть-Шексны к Рыбной слободе на протяжении большей части XVI века, при Василии III и Иване IV. При этом произошел взрывной рост новой слободы, зафиксированный при археологических раскопках в историческом центре Рыбинска, а также в картографических источниках 1-й половине XVI века. Старый же центр волости Усть-Шексна окончательно приобрел сельский характер, став селом Васильевским.

Ввиду того, что за городом Романовым сохранились ключевые административные функции и после организации напротив него Борисоглебской слободы, то трансформация поселенческой структуры не была такой резкой. Переход части населения не привел к превращению прежнего центра в сельское поселение, а, наоборот, стимулировал сохранение конфликта между старым и новым центром, отразившийся в документах XVII в.

Информация о статье

Автор: Гожалимова Оксана Сергеевна – заместитель директора по экспозиционно-выставочной работе, Государственное автономное учреждение культуры Ярославской области «Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», Рыбинск, Россия; SPIN-код РИНЦ: 7715-8621; e-mail: istor@rybmuseum.ru

Иванов Леонид Михайлович – Рыбинская археологическая экспедиция, Рыбинск, Россия; e-mail: lmivanov@yandex.ru

Заголовок: Изменения территориально – поселенческой структуры на границе Ярославского и Романовского уездов в конце XV – начале XVI века

²⁶ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / Изд. под ред. прив.-доц. А. И. Яковлева. М.: Ист.-филол. фак. Имп. Моск. ун-та, 1909. № 14. С. 39–42

²⁷ Смирнов П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.–Л., 1947. Т. 1. С. 52.

Аннотация: В статье рассматривается территория правого и левого берега Волги в период противостояния великого князя московского Ивана III и князя Андрея Большого Угличского. Примером борьбы служит основание Рыбной и Борисоглебской слобод напротив Усть-Шексны и Романова. На основании письменных источников и археологических исследований очевидна связь организации слобод с экономическим противостоянием князей. Главным объектом противостояния были рыбные ловли, которые после ликвидации удела угличского князя перешли под контроль Ивана III. Организация добычи осетровых на езах требует комплекса ресурсов – мест лова, участков леса для сооружения езов, населения. После присоединения угличского удела к великокняжескому московскому, управление таким комплексом осталось на левом берегу в Романове, о чем свидетельствует документ 1527/28 гг. из дел Тайного приказа и отнесение Рыбной и Борисоглебской слобод к Пошехонью в документах 1563 и 1572 гг.

Ключевые слова: Рыбная слобода, Усть-Шексна, Андрей Большой Угличский, Иван III, тягловые правежа, рыбный оброк, Приказ Тайных дел

Библиографический список

- Астахина, Л. Ю.* О достоверности лексики в лексикографических источниках // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Институт археологии РАН, 2011. С. 331-335
- Герберштейн, С.* Записки о Московии. Москва: Памятники ист. мысли, 2008. 774 с.
- Гурлянд, И. Я.* Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902. 390 с.
- Дела Тайного приказа / под ред. С. А. Белокурова, И. Я. Гурлянда; Императорская археографическая комиссия. С.-Петербург: Тип. Гл. упр. уделов. 1908. Кн. 2. 960 с.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. / Акад. наук СССР, Ин-т истории; [подготовил к печати Л. В. Черепнин; отв. ред. С. В. Бахрушин]. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 585 с.
- Иванов, А. А.; Матиенко, Т. Л.; Эриашвили, Н. Д.* О месте и значении правежа как меры исполнительного производства в истории российского общества: историко-правовой и цивилистический аспекты// Вестник Московского университета МВД России, 2016. № 1. С.19–23
- Кучкин, В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XV вв. М.: Наука, 1984. 349 с.
- Минаков, С. Т.* Аристократ в демократии // Вестник Брянского университета. 2012. №2–2. С. 59–63
- Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / Изд. под ред. прив.-доц. А.И. Яковлева. Москва: Ист.-филол. фак. Имп. Моск. ун-та, 1909. №14. 208 с.
- Никольский, Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Санкт-Петербург. Т. 1. Вып. 2: О средствах содержания монастыря. 1910. 696 с.
- Полное собрание русских летописей, Том XXIX. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.; Наука, 1965. 391 с.
- Рыбаков, Б. А.* Русские карты Московии XV – нач. XVI вв. М.: Наука, 1974. 111 с.
- Рыкунова, И. И.; Рыкунов, А. Н.; Иванов, Л. М.* Тысячелетия вокруг устья Шексны. Рыбинск: Рыбин. гос. ист.-архитектур. и художеств. музей-заповедник. 269 с.
- Смирнов, П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.–Л.: Акад. наук СССР, 1947. Т. 1. 490 с.
- Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печати А. А. Зимин. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 456 с.
- Царе-Угличский летописец / подгот. текста, послесл. и коммент.: И. В. Сагнук. Углич, Ярославская обл.: Издание Угличского родословно-краеведческого о-ва им. Ф. Х. Кисселя, 2013. 607 с.

Information about the article

Author: Gozhalimova Oksana Sergeevna — Deputy Director for exposition and exhibition work, State Autonomous Cultural Institution of the Yaroslavl Region “Rybinsk State Historical-Architectural and Art Museum-Reserve”, Rybinsk, Russia; SPIN-code: 7715-8621; e-mail: istor@rybmuseum.ru

Ivanov Leonid Mikhailovich, Rybinsk Archaeological Expedition, Rybinsk, Russia; e-mail: lmivanov@yandex.ru

Title: Changes in the territorial and settlement structure on the border of Yaroslavl and Romanov uyezds at the end of the 15th – beginning of the 16th century

Abstract: The article considers the territory of the right and left banks of the Volga during the period of confrontation between the Grand Prince of Moscow Ivan III and the Uglich prince Andrey Bolshoy. An example of the conflict is the foundation of Rybnaya and Borisoglebskaya slobodas opposite Ust-Sheksna and Romanov. On the basis of written resources and archeological research, a connection between the slobodas organization and the economic confrontation of the princes is obvious. The main object of the counteraction was fishery which after the liquidation of the Uglich prince's district came under the control of Ivan III. The organization of sturgeon fishing on fishgarths demands a complex of resources including fishing grounds, wood for fishgarths, people. After the annexation of the Uglich district to the Grand Ducal Moscow one, the management of such a complex remained on the left bank in Romanov, as evidenced by the document of 1527/28 from the cases of the Secret Affairs Department. The adherence of Rybnaya and Borisoglebskaya slobodas to Poshekhonye is testified in documents of 1563 and 1572.

Keywords: Rybnaya sloboda, Ust-Sheksna, the Uglich prince Andrey Bolshoy, Ivan III, pavezh (collection of debt), fishing quitrent, the Secret Affairs Department

References

- Astakhina, L. Y.* O dostovernosti leksiki v leksikograficheskikh istochnikah [About the authenticity of vocabulary in lexicographical resources], in *Problemy istorii, filologii, kultury = Problems of history, philology, culture*. Magnitogorsk, Nosov Magnitogorsk State Technical University, the Institute of Archaeology of RAS, 2011, pp. 331–335. (in Russian)
- Gerbershteyn, S.* Zapiski o Moskovii [Notes on Moscovia]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2008. 774 p. (in Russian)
- Gurlyand, I. Y.* Prikaz velikogo gosudarya tainykh del [The Great Sovereign's Department of Secret Affairs]. Yaroslavl, 1902, 390 p. (in Russian)
- Dela Taynogo prikaza [The cases of the Secret Affaires Department]. Ed. S.A. Belokurov, I. Ya. Gurlyand; Imperial Archaeographic Commission. Saint Petersburg: Gl. Upr. Udelov Publ., 1908. Book 2. 960 p. (in Russian)
- Dukhovnyye i dogovornyye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. [Ecclesiastical and contractual deeds of great and apanage princes of the XIV–XVI centuries]. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 585 p. (in Russian)
- Ivanov, A. A.; Matienko, T. L.; Eriashvili, N. D.* O meste i znachenii pravezha kak mery ispolnitel'nogo proizvodstva v istorii rossiyskogo obshchestva: istoriko-pravovoy i tsivilisticheskiiy aspekty [About the place and importance of pravezh as a measure of enforcement action in the history of Russian society], in *Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii = Bulletin of Kikot Moscow University of the Ministry of Interior of Russia*, 2016, no.1, pp. 19–23. (in Russian)
- Kuchkin, V. A.* Formirovaniye gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XV vv. [The formation of north-eastern Rus state territory in the X–XV centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 349 p. (in Russian)
- Minakov, S. T.* Aristokrat v demokratii [Aristocrat in democracy], in *Vestnik Bryanskogo Universiteta = The Bryansk State University Herald*, 2012, no. 2–2, pp. 59–63. (in Russian)
- Namestnich'i, gubnyye i zemskiye ustavnnyye gramoty Moskovskogo gosudarstva [Vicegenent, judicial and zemsky statutory charters of the Moscow State]. Ed. A. I. Yakovlyev. Moscow: Ist.-filol. fak. Imp. Mosk. un-ta Publ., 1909, no. 14. 208 p. (in Russian)
- Nikolskiy, N. K.* Kirillo-Belozerskiy monastyr' i yego ustroystvo do vtoroy chetverti XVII veka (1397–1625) [Kirillo-Belozersky monastery and its organization until the 2nd quarter of the 17th century (1397–1625)]. Saint Petersburg, 1910, vol. 1, iss. 2: O sredstvakh soderzhaniya monastyrya [About the maintenance of the monastery]. 696 p. (in Russian)
- Polnoe sobraniye russkikh letopisey, Tom XXIX. Letopisets nachala tsarstva tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'yevicha. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedevskaya letopis'. [Complete collection of Russian chronicles, Vol. XXIX. The Chronicler of the beginning of the kingdom of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich. Alexander Nevsky Chronicle. The Lebedev Chronicle]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 391 p. (in Russian)
- Rybakov, B. A.* Russkiye karty Moskovii XV – nach. XVI vv. [Russian maps of Moscovia of XV – early XVI century]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 111 p. (in Russian)
- Rykunova, I. I.; Rykunov, A. N.; Ivanov, L. M.* Tysyacheletiya vokrug ustya Sheksny [Millenia around the mouth of the Sheksna]. Rybinsk: Rybiskiy Dom pechati Publ., 2004. 269 p. (in Russian)
- Smirnov, P. P.* Posadskiye lyudi i ikh klassovaya bor'ba do serediny XVII veka [Posad people and their class struggle until the middle of the XVII century]. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1947, vol. 1. 490 p. (in Russian)

Tysyachnaya kniga 1550 godov i Dvorovaya tetrad' 50-kh godov XVI veka [The Thousand Book of 1550 and the Court Notebook of the 50s of the 16th century]. Ed. A. A. Zimin. Moscow; Leningrad: Akademia nauk SSSR Publ., 1950. 456 p. (in Russian)

Tsare-Uglichskiy letopisets [The Tsar-Uglich Chronicler]. Ed. I. V. Sagnak. Uglich: Izdaniye Uglichskogo rodoslovno-kraevedcheskoye obschestva imeni F. H. Kisselya Publ., 2013. 607 p. (in Russian)

Для цитирования статьи:

Гожалимова О. С., Иванов Л. М. Изменения территориально – поселенческой структуры на границе Ярославского и Романовского уездов в конце XV – начале XVI века. *Caurus*. 2022. Т. 1. № 1. С. 26–35. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-26-35

For citation:

Gozhalimova O. S., Ivanov L. M. Changes in the territorial and settlement structure on the border of Yaroslavl and Romanov uezds at the end of the 15th – beginning of the 16th century. *Caurus*. 2022. Vol. 1(1). P. 26–35. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-26-35

А. И. Раздорский

ТОВАРНЫЙ ОТПУСК «ЗА СВИЦКОЙ РУБЕЖ» ПО ДАННЫМ ТАМОЖЕННОЙ КНИГИ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА 1677/78 Г.*

Таможенные книги являются важнейшими источниками по истории внутренней и внешней торговли России XVII – первой половины XVIII века. Эти документы содержат сведения о географии торговых связей, ассортименте, ценах и объемах поставок товаров, номенклатуре, правилах взимания и размерах таможенных пошлин, а также данные о социальном и персональном составе участников торговых операций. В настоящее время в архивах, а также в некоторых библиотеках и музеях выявлено свыше 4 тыс. таможенных книг по более чем 300 населенным пунктам Европейской части России и Сибири.

Одним из важнейших торговых центров Московского государства был Великий Новгород. Долгое время по этому городу была известна только одна таможенная книга — за 1714 год¹. Бытовало мнение, что новгородских таможенных книг за XVII в. не сохранилось. Только сравнительно недавно в научный оборот были введены таможенные книги Великого Новгорода периода Смуты, хранящиеся ныне в Государственном архиве Швеции среди документов так называемого Новгородского оккупационного архива².

В 2019 году в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) нам впервые довелось ознакомиться с таможенной книгой Великого Новгорода 1677/78 г., сведения о которой в исторической литературе до недавнего времени отсутствовали. Этот уникальный исторический источник хранится в фонде Новгородского стола Разрядного приказа³.

Впервые эта таможенная книга была обнаружена еще в середине 1890-х годов историком и археографом Н. Н. Оглоблиным среди документов Сибирского приказа. Об этом свидетельствует наклейка на задней стороне передней крышки ее переплета: «*НВ. Сия книга найдена оказалась между книгами Сибирского приказа, при разборке в 1895 году сего приказа Н. Н. Оглобленным [sic]. Вследствие чего, по своему содержанию, присоединена к книгам Новгородского стола под № 76*».

Книга, после того, как Оглоблин переместил ее из фонда Сибирского приказа в фонд Разрядного приказа, выпала из поля зрения исследователей. В опись книг

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-09-00057 А «Таможенная книга Великого Новгорода 1677/78 года: Исследование. Текст. Комментарии».

¹ Об этом источнике см.: *Кафенгауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в.: (По материалам внутренних таможен). М., 1958. Гл. 2.

² Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов. СПб., 1996; Новгородская таможенная книга 1614/15 г. / Публикация Г. М. Коваленко // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 384–466.

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-в. Кн. 76.

Новгородского стола Разрядного приказа она не попала, поскольку эта опись была опубликована в 1894 году – еще до того, как данный документ был обнаружен в фонде Сибирского приказа. В подготовленное же Оглоблиным «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа», изданное в 1897 году, она опять-таки не вошла, так как, во-первых, не соответствовала «Обозрению» по географическому признаку и, во-вторых, находилась к тому времени уже в собрании книг Новгородского стола. Таким образом этот уникальный памятник оказался фактически исключенным из научного оборота.

Вновь обнаружить новгородскую таможенную книгу 1677/78 г. удалось благодаря приписке, сделанной в одном из экземпляров 9-й книги «Описания документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», находящемся непосредственно в архивохранилище РГАДА: «76. 7186/1678–79. Книги таможенные новгородские, 766 л.». К приписке сделано рукописное примечание: «Найдена Н. Оглоблиным в книгах Сибирского приказа в 1895 г.».

В настоящее время автор статьи совместно с научным сотрудником Отдела рукописей Российской национальной библиотеки И. А. Поляковым готовит публикацию текста новгородской таможенной книги 1677/78 г. В издании будет представлен также исследовательский раздел, в котором анализируются различные аспекты торговли Великого Новгорода в 1677/78 г. К тексту источника будут составлены вспомогательные указатели (именной, географический, предметный) и биографические и терминологические комментарии. На основе подготовленного к публикации текста таможенной книги сформированы регесты, в которых в переработанном и систематизированном виде приведена основная статистическая и фактологическая информация, содержащаяся в документе⁴.

Таможенная книга Великого Новгорода 1677/78 г. головы Андреяна Жулева насчитывает 816 листов форматом в четвертку, из которых пронумерованы 766. Большую часть книги составляют расположенные в календарном порядке записи о взимании рублевой таможенной пошлины с торгующих, сведенные в месячные блоки, каждый из которых состоит из двух разделов. В первом разделе зафиксированы сведения о сборе в течение месяца пошлин с различных товаров, предназначенных к продаже в Великом Новгороде, а также с денег, явленных на покупку, во втором разделе представлены данные о сборе за месяц пошлин с партий зернового и смолотого хлеба. В конце каждого месячного блока указана сумма пошлин, собранных с мелочной торговли и с «весчих» товаров, а также приведены записи о расходах, произведенных на обеспечение деятельности местной таможни⁵.

Кроме того, в таможенной книге имеется еще несколько разделов («книг»), среди которых особый интерес представляют «Книги новгородского таможенного збору рублевых пошлин с товарных отпусков за свицкой рубеж нынешнего 186-го году», насчитывающий 48 листов (л. 556–603 об.) и «Книги таможенных рублевых пошлин збору Сяского устья нынешнего 186-го году», насчитывающий 11 листов (л. 604–614). В этих разделах зафиксированы товарные партии, отправленные в

⁴ О методике регестирования таможенных книг см.: *Раздорский А. И.* О составлении и публикации регестов таможенных книг XVII–XVIII вв. // *Отечественные архивы.* 2007. № 1. С. 31–40.

⁵ Подробнее см.: *Раздорский А. И.* Таможенная книга Великого Новгорода 1677/78 г. как исторический источник // *Вестник архивиста.* 2020. № 2. С. 331–342.

шведские владения через новгородскую таможенную и подведомственную ей таможенную заставу при впадении в Ладожское озеро реки Сясь.

Отдельные записи этих разделов выглядят, например, так: «Июня в 14 день старорушанин посадцкой человек Сенька Мартинов повез за рубеж в Канцы привозного товару объявке июня 13-го числа семдесят пять пуд пеньки чистой, тритцать три пуда пеньки сырцу, семь пуд пакли, дватцать досок дубовых столовых, ценою на сорок на два рубля. Пошлин взято два рубля три алтына две денги» (л. 566 об.–567); «В 19 день Федотко Осипов повез за рубеж в Ругодив товару новгородцкой купли на пятнатцать рублей с полтиною рыб свежих болшины и дробли, четверть луку, два пуда хмелю, ценою всего на осьмнатцать рублей с полтиною. Пошлин взято тритцать алтын пять денег» (л. 582 об.); «Тихфинцы торговые люди Сидорко Федоров сын Воробьев повез за рубеж сто тритцать пять пуд пеньки сырцу, сто аршин крашенин, десять косяков мыла, полшеста пуда сала топленого, триста аршин хрящу, пять пуд лну чистого, цена шестьдесят три рубли. Пошлин взято три рубли пять алтын» (л. 609 об.).

С 1 сентября 1677 года по 31 августа 1678 года из Великого Новгорода «за свицкой рубеж» была отправлена 91 товарная партия. Совокупная стоимость отпущенных товаров по новгородской таможенной оценке составила 19400 руб. 25 коп.

Почти половина товарных партий (42 из 91) была отправлена в мае и июне, 16 партий ушли в шведские владения в январе. При этом в апреле отмечена лишь одна товарная партия, в октябре их не было совсем. Такая ситуация объясняется весенней и осенней распутицей.

В стоимостном выражении преобладали товарные партии, суммарная оценка которых находилась в пределах от 20 до 100 руб. (см. табл. 1). Вместе с тем отмечено четыре крупные партии, совокупная стоимость которых превышала 1000 руб. Особенно выделяется партия поташа, отправленная 4 мая 1678 года с приказчиком московского купца, члена Гостиной сотни Кондратия Добрынина. Таможенная оценка поташа общим весом 7717,75 пуда составила 4630 руб. 65 коп., то есть на одну эту партию пришлась примерно 1/5 часть всего годового товарного отпуска из Великого Новгорода «за свицкой рубеж» в стоимостном выражении.

Таблица 1. Распределение товарных партий, отправленных в шведские владения из Великого Новгорода в 1677/78 г. в стоимостном выражении

Стоимость товарной партии (руб.)	Количество товарных партий
> 10	6
10–20	11
20–50	23
50–100	20
100–200	16
200–500	6
500–1000	5
< 1000	4
Всего	91

Пункты отправки товаров в таможенной книге в большинстве записей не конкретизированы, указано только, что они отпущены «за свицкой рубеж». В девяти записях отмечено, что товары отправлены в Канцы (Ниеншанц), в семи — в Ругодив (Нарву). В одной записи зафиксирован отпуск товаров сразу в два пункта — в Канцы и Стекольну (Стокгольм).

Среди владельцев товарных партий, отправленных в шведские земли через новгородскую таможенную, подавляющее большинство составляли новгородцы, которым принадлежало 77 партий. Владельцем еще одной партии был житель Сумерского погоста (Сомро), относившегося к Залесской половине Шелонской пятины, и еще одной — крестьяне деревень Новгородского уезда. Кроме местных жителей товары в Швецию через Великий Новгород отправляли торговцы из Москвы, Нижнего Новгорода, Гдова, Кашинского уезда, Старой Руссы (см. табл. 2). Одна партия была отправлена (по московской отпускной таможенной выписи московского иноземца гостя Томаса Келдермана) шведским подданным, записанным в таможенной книге как Андрей Арманов.

Таблица 2. Распределение товарных партий, отправленных в шведские владения из Великого Новгорода в 1677/78 г. по местожительству торговцев

Местожительство	Количество партий	Совокупная стоимость (руб.)
Великий Новгород	77	7775,1
Гдов	1	93,85
Кашинский уезд	1	10
Москва ⁶	6	9126,75
Нижний Новгород	1	103,7
Новгородский уезд (д. Три Отрока, с. Ракома, д. Черемна)	1	610,3
Сумерский погост	1	186,65
Старая Русса	1	42
Швеция	1	1437,5
Не указано	1	14,4
Всего	91	19400,25

Большинство владельцев товарных партий, отправленных в шведские земли, являлись новгородскими посадскими людьми. Встречаются также крестьяне — частновладельческие, дворцовые и монастырские, а также ямщики из Великого Новгорода и Москвы. Из представителей привилегированного купечества в «Книге товарных отпусков за свицкой рубеж» упоминаются новгородский гость Максим Воскобойников, согласно переписной книге Великого Новгорода 1678 г. живший на посаде на Славковой улице⁷, москвич, член Суконной сотни Иван Борин, а также московский гость Филипп Ануфриев и уже упоминавшийся член Гостиной сотни

⁶ В том числе четыре партии на 7397 руб. 95 коп., отпущенные с приказчиками московских торговых людей, местожительство которых не обозначено.

⁷ Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII вв.: сборник документов / Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 118.

Кондратий Добрынин, которые действовали в Великом Новгороде через своих приказчиков (см. табл. 3).

Таблица 3. Распределение товарных партий, отправленных в шведские владения из Великого Новгорода в 1677/78 г. по социальному статусу торговцев

Местожительство	Количество партий	Совокупная стоимость (руб.)
Гости	1	239,45
Члены Суконной сотня	1	528
Приказчики торговых людей	3	5765,95
Крестьяне		
– дворцовые	1	610,3
– монастырские	1	14,4
– частновладельческие	1	10
Посадские люди	78	9305,8
Ямщики ⁸	3	1302,2
Иноземцы	1	1437,5
Не указано	1	186,65
Всего	91	19400,25

Среди товаров, отправлявшихся из Великого Новгорода «за свицкой рубеж», упоминаются пенька и пакля, лен, выделанные кожи (преимущественно красная юфть, шедшая на изготовление головок и голенищ сапог, а также подошвенная кожа), медвежьи, козлиные и лосиные шкуры, щетина, овечья шерсть, войлок, пушнина (в основном дешевые заячьи, беличьи и волчьи меха, а также выхухоли⁹; соболь встретился только в четырех товарных партиях); холст (в основном крашенина, в том числе «парусная», а также грубый толстый хост-«хрящ»), сукно; мыло; продукты питания: овощи и ягоды, орехи, пряники (особо упоминаются «пряники-валенки»), хмель, уксус, топленое сало, свежая рыба (в основном судак и лещ), черная икра (в одной партии), свиное и говяжье мясо, просо и пшено, гречневая крупа, мед, сливочное масло; предметы одежды и обуви: рукавицы (в основном «коневые») и сапоги; сальные свечи; деготь; краска; конская грива; предметы конской сбруи, поташ. В одной партии отмечены книги — три Часослова в переплете (подробнее см. табл. 4).

Таблица 4. Ассортимент и количество (объем) товаров, отправленных в шведские владения из Великого Новгорода в 1677/78 г.

Название товара	Количество товарных партий	Количество (объем)	Единица измерения
ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ			
Вишня	1	2	бочонок

⁸ Одна партия зарегистрирована в таможне ямщиком совместно с приказчиком.

⁹ Выхухоль добывали не только как пушного зверя, но и ради пахучего маслянистого мускуса, выделяемого особыми железами животного, расположенными у него в хвосте. На Руси высушенными выхухолевыми хвостами перекладывали белье, использовали их как противомолевое средство (*Бородин Л. П. Русская выхухоль. Саранск, 1963. С. 189*).

Икра черная	1	1,5	пуд
Крупа гречневая	1	1	осмина
Лук	19	54,125	четверть
Масло коровье	1	1	пуд
Мед	5	45	пуд
то же		4	берковец
то же		1	лубок
Мясо			
– говяжье	2	13	берковец
– свиное	6	285,5	пуд
то же		4	берковец
то же		76	полть
то же		230	туша
Огурцы	2	8,5	бочка
Орехи	12	31	четверть
Просо	6	4,75	четверть
Пряники	16	...	(на 30 руб. 41 коп.)
– «полуденежные»	1	2500	шт.
Пшено	3	1,75	четверть
Рыба			
– лещ	2	4	воз
– «свежая» (без определения)	6	2,5 ¹⁰	воз
– судак	4	5	воз
– то же		1	облук
– щука	1	7	берковец
Сало			
– медвежье	1	1	берковец
– топленое	11	1254,1	пуд
то же		8	берковец
– без определения	1	15	гривенка
Хмель	16	299,375 ¹¹	пуд
Хрен	1	2	пуд
Чеснок	5	0,625	четверть
то же		3	подъем
Уксус	15	336	ведро
ПРОДУКЦИЯ РАСТЕНИЕВОДСТВА			
Лен	3	23	пуд
Пакля	10	1091,25	пуд
то же		26,5	берковец
Пенька			
– сырец	20	12886	пуд
то же		123	берковец
– сырец с паклей	1	95	тючок
– сырец «с полубраком»	2	324,5	пуд
– чистая	14	7273,5	пуд
то же		11	берковец
– без определения	1	57	берковец
– «полубрак»	3	150	пуд
то же		4	берковец
– «полубрак» с паклей	1	16	берковец
ПРОДУКЦИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА			

¹⁰ Кроме того, три партии без указания объема на 17 руб. 20 коп. и одна партия без указания объема и стоимости.

¹¹ В одном случае вес указан с рогожами.

Войлок	1	150	шт.
Грива конская	5	37,5 ¹²	пуд
Кожа			
– белая	4	1	пуд
то же		11	юфть
то же		3	шт
– красная юфть	18	415,675	пуд
то же «полувалье»	2	19	шт.
– «задубная»	5	103	шт.
– «мастерская»	2	13	шт.
– «полувалье»	1	8,5	пуд
– «с выметом»	1	0,75	пуд
– хазы	3	46	шт.
Козлина	6	383	шт.
Подшвы	7	230	пара
то же		625	шт.
Хвосты конские	1	60	шт.
Шерсть овечья	3	19	пуд
Щетина	1	10	пуд
ПРОДУКЦИЯ ОХОТНИЧЬЕГО ПРОМЫСЛА			
Лосина	2	11	шт.
Медведня ¹³	7	105	шт.
Меха			
– белка	6	74	шт.
– волк	11	239	шт.
– выхухоль	4	1107	шт.
– горностай	1	1	шт.
– заяц	8	247	шт.
– кот	6	1442	шт.
– куница и недокунь	4	76	шт.
– лапы волчьи	5	367	шт.
– лиса и недолись	2	26	шт.
– норка	1	50	сорок
– росомаха	1	4	шт.
– рысь	1	6	шт.
– соболь	2	35	шт.
то же		31	сорок
– хорек	8	119	шт.
– хвосты			
куны и недокуны	6	1170	шт.
собольи	2	186	шт.
ТКАНИ			
Крашенина	13	11363	аршин
то же		36	конец
Сукно	1	100	аршин
Точиво	1	280	аршин
Холст	1	175	аршин
Хрящ	3	440	аршин
ПРОДУКЦИЯ ПРОМЫСЛОВ			
Деготь	1	3	лагун
Краска крутик	1	2	фунт

¹² В одном случае вес не указан (партия на 1 руб.).

¹³ В том числе 28 «одевальных» и 24 «рукавичные».

Мыло ¹⁴	27	723	косяк
то же		20	полукосяк
то же «двуденежное» кусковое		600	шт.
Поташ	2	10437,75	пуд
Свечи сальные	3	2000	шт.
то же		3	пуд ¹⁵
ОДЕЖДА И ОБУВЬ			
Кушаки	1	10	шт.
Пояса	2	140	шт.
Рукавицы	13	489 ¹⁶	пара
то же		302 ¹⁷	шт.
Чересы	1	14	шт.
Сапоги	3	41	пара
ПРЕДМЕТЫ БЫТОВОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО И ОБИХОДА			
Доски дубовые столовые	1	20	шт.
Завесы	1	14	шт.
Нашивки	1	10	портище
Мошоны	2	76	шт.
Плети	3	180	шт.
Ремни	1	100	шт.
Рогожи	2	1060	шт.
Стопки	1	...	(на 1 руб.)
Тюфяки	1	4	шт.
Узды	4	204	шт.
Шлеи	1	1	шт.
Книги (Часослов)	1	3	шт.

Частотный анализ состава товарных партий показывает, что в ассортименте товаров, отправлявшихся из Великого Новгорода в шведские владения, преобладающее значение имела пенька, кожи, мыло, лук, пушнина, пряники, хмель, холсты, уксус, сало и рукавицы (см. табл. 5). Ведущую роль в товарном отпуске «за свицкой рубеж» играла пенька — чистая и сырец. В некоторых записях таможенной книги отмечено, что в Великий Новгород из других мест была доставлена пенька-сырец, которая была «трепана» уже здесь и отправлена затем в шведские земли в чистом виде.

Таблица 5. Количество партий отдельных видов товаров, отправленных в шведские владения из Великого Новгорода в 1677/78 г.

Название товара	Количество товарных партий
Пенька	31
Кожи и шкуры	29
Мыло	27
Лук	19
Меха	18

¹⁴ Кроме того, пять партий без указания объема на общую сумму 5 руб. 50 коп.

¹⁵ Кроме того, одна партия без указания объема на 2 руб.

¹⁶ В том числе 489 пар коневых и 4 пары волчьих.

¹⁷ В том числе 200 шт. коневых и 2 шт. росомашьих.

Пряники	17
Ткани	16
Хмель	16
Уксус	15
Рукавицы	13
Сало	13
Орехи	12
Рыба	11
Пакля	10
Мясо	7
Подошвы	7
Просо	6
Грива конская	5
Мед	5
Чеснок	5
Узды	4
Лен	3
Плети	3
Пшено	3
Сапоги	3
Свечи	3
Шерсть овечья	3
Мошоны	2
Огурцы	2
Поташ	2
Пояса	2
Рогожа	2
Вишня	1
Войлок	1
Деготь	1
Доски	1
Завесы	1
Икра черная	1
Краска	1
Крупа гречневая	1
Кушаки	1
Масло коровье	1
Нашивки	1
Ремни	1
Стопки с потальею	1
Тюфяки	1
Хвосты конинные	1
Хрен	1
Часослов	1
Чересы	1
Шлеи	1
Щетина	1

В «Книгу товарных отпусков за свицкой рубеж» внесены также четыре записи об отправке жителями Сумерского погоста в шведские владения пеньки, которая было провезена ими мимо Великого Новгорода. В документе об этом говорится следующим образом: *«В нынешнем же во 186-м году в Великом Новегороде в таможенной избе голове Андреяну Жюлеву с целовальники ведомо учинилось, что по зимнему по*

последнему пути у сомрян провезено мимо Великого Новгорода Новгородским уездом пенька, и та пенька положена на водяном пути на Луге реки в Новгородском уезде, а повезут по Новгородскому ж уезду через Онежецкую заставу за свицкой рубеж, а где б тое пеньки отпуск был за свицкой рубеж, про то в новгородской таможене неведомо, только им, сомряном, с тою пенькою в Сомре б не быть, потому что Сомро стало в стороне от Луге реки пятнатцать верст. И <...> посылан был на тое Онежецкую заставу таможенного пошлинного збору целовальник Фетька Васильев, а велено было ему у сомрян пеньку пересмотреть и перевесить и переписать и их допросить, где оне тое пеньку покупали и пошлину платили и выписи у них на тое пеньку ест ли. И по тому великого государя указу таможенного збору целовальник Фетька Васильев будуче на Онежецкой заставы пеньку у сомрян досматривал и переписал, и их допрашивал» (л. 596 об.–597 об.). Выяснилось, что три партии пеньки были куплены в Старой Руссе (на них торговцами были представлены таможенные выписи об уплате пошлин), а одна приобретена в Великом Новгороде на «товарные деньги» (вырученные от продажи других товаров). Товар был досмотрен и перевешен и с него взяты пошлины в новгородский таможенный сбор, поскольку «тое пеньку везли покупную из Старой Русы по старорусским таможенным выписем и покупную ж в Новгороде, а не из уезду» (л. 598).

Суммарная таможенная оценка четырех товарных партий, в составе которых насчитывалось в общей сложности 2024,875 пуда и 70 берковцев чистой пеньки и 3588,5 пуда и 30 берковцев пеньки-сырцу, составила 2568 руб. 60 коп. Вся пенька после уплаты пошлин была отпущена «за свицкой рубеж».

Через таможенную заставу на Сясьском устье с 1 сентября 1677 г. по 31 августа 1678 г. было отправлено 26 товарных партий, совокупная стоимость которых составила 6407 руб. 80 коп. Все отправки были произведены за период с 10 мая по 9 июня, в том числе 22 партии за первые девять дней июня. В стоимостном выражении преобладали партии совокупной стоимостью от 100 до 500 руб. Отмечена только одна партия, таможенная оценка которой оказалась выше 1000 руб. Все партии были отправлены «за свейский рубеж» без конкретизации по пунктам назначения.

Из 26 партий, отправленных через Сясьскую заставу, 23 (на общую сумму 4760 руб. 80 коп.) принадлежали тихвинским торговым людям. Это вполне объяснимо: река Тихвинка является притоком Сяси и этим водным путем тихвинцы имели возможность напрямую выходить на Ладогу. Владельцем одной партии (на 29 руб.) был крестьянин Новодевичьего монастыря из Сермяжской волости, относившейся к Обонежской пятине, одной — торговый человек из Ярославля Иван Черный, повезший в Швецию товаров на 1400 руб., и одной (на 218 руб.) — дворцовый крестьянин Семен Пойков, точное местожительство которого не установлено.

Ассортимент товарных партий, отпущенных через Сясьскую заставу, был уже, чем у проходивших новгородскую таможеню, но основной состав товаров примерно тот же: пенька, холст, сукно, топленое сало, сальные свечи, пряники, кожи, рукавицы, лен, пушнина, шкуры, мыло, хмель, конская грива, рогожи. Из товаров, не отмеченных в новгородской таможене, упоминаются две партии воска (см. табл. 6).

Таблица 6. Ассортимент и количество (объем) товаров, отправленных в шведские владения через Сясьское устье в 1677/78 г.

Название товара	Количество товарных партий	Количество (объем)	Единица измерения
ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ			
Пряники ¹⁸	2	32	пуд
Сало топленое	17	2342,5	пуд
Хмель	2	29	пуд
ПРОДУКЦИЯ РАСТЕНИЕВОДСТВА			
Лен			
– сырец	1	10	пуд
– чистый	7	144	пуд
– без определения	1	10	пуд
Пенька			
– сырец	23	4906	пуд
– чистая	3	198,5	пуд
ПРОДУКЦИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА			
Войлок	2	226	шт.
Грива конская	1	1	пуд
Кожи			
– белая	2	5	пуд
– то же		2	шт.
– «задубная»	10	408	шт.
– юфть белая	4	85	пуд
– юфть красная	5	464,5	пуд
Козлина	2	96	шт.
Хвосты «задубные»	1	6	шт.
Хазы коневые	1	40	шт.
ПРОДУКЦИЯ ОХОТНИЧЬЕГО ПРОМЫСЛА			
Меха			
– волк	1	4	шт.
– выхухоль	2	240	шт.
– заяц	1	1	шт.
– кот	7	787	шт.
– росомаха	1	2	шт.
– хорек	1	20	шт.
Лосина	1	5	шт.
Медведня	5	34	шт.
Оленина	1	4	шт.
ТКАНИ			
– крашенина	14	19776	аршин
– рядня	1	2000	аршин
– сукно сермяжное	5	300	аршин
– точиво	1	500	аршин
– холст	1	150	аршин
– хрящ	7	3300	аршин
ОДЕЖДА И ОБУВЬ			
деяницы ¹⁹	2	30	пара
то же		70	шт.

¹⁸ В том числе 32 пуда «валечек пряничных» и одна партия пряников без указания объема на 1 руб.¹⁹ Вязаные рабочие рукавицы (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 241).

епанчи	1	3	шт.
рукавицы	9	170	пара
то же		3270	шт.
ПРОДУКЦИЯ ПРОМЫСЛОВ			
Воск	2	28	пуд
Мыло	3	33	косяк
Свечи сальные ²⁰	2	2	пуд
ПРЕДМЕТЫ БЫТОВОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО И ОБИХОДА			
Полсть ²¹	2	4	шт.
Попоны	1	10	шт.
Рогожи	1	30	шт.

В товарном отпуске через Сясьскую заставу, как и в Новгороде, ведущую роль играла пенька, а также такие товары как холст, топленое сало, кожи и рукавицы (см. табл. 7).

Таблица 7. Количество партий отдельных видов товаров, отправленных в шведские владения через Сясьское устье в 1677/78 г.

Название товара	Количество товарных партий
Пенька	25
Ткани	20
Сало	17
Кожи	14
Рукавицы	9
Лен	8
Меха	8
Мыло	3
Войлок	2
Воск	2
Деяница	2
Полсть	2
Пряники	2
Свечи сальные	2
Хмель	2
Грива	1
Епанча	1
Попоны	1
Рогожи	1
Хвосты задубные	1

В заключение отметим, что в «Книге товарных отпусков за свицкой рубеж» получила освещение попытка отправки в шведские владения контрабандного товара, которая была выявлена новгородскими таможенниками. 17 февраля 1678 г.

²⁰ Кроме того, одна партия без указания объема на 5 руб.

²¹ «Словарь русского языка XI–XVII вв.» приводит три значения этого слова: 1) «войлок, войлочный ковер»; 2) «завеса, полог»; 3) «четвероугольное покрывало, свалыное из шерсти или сшитое из меховых шкур, употреблявшееся для езды в санях зимой; иногда шивалось в виде мешка разной величины» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990. С. 256).

таможенному голове Андреяну Жулеву с целовальниками стало известно, что новгородский посадский человек Яков Парамонов отправил за рубеж без таможенного досмотра и регистрации 38 возов со свининой, воз мыла, воз хмеля и 296 сухих «задубных» кож. Товар он провез ночью через караул и запертые городские ворота. Воротник, караульщики и извозчики, ехавшие с товаром, были подвергнуты допросу в приказной палате. В погоню за контрабандистом по приказу таможенного головы были отправлены два целовальника и подьячий. Товар они догнали в 12 верстах от Великого Новгорода. Извозчики, сопровождавшие товар, сказали, что они везут его «за свицкой рубеж» и возвращаться обратно отказались. По государеву указу и по приказу новгородского воеводы Юрия Одоевского с товара, общая стоимость которого была определена в 213 руб., было предписано взыскать пошлины в размере 10 руб. 65 коп. Однако поскольку Парамонов находился в отъезде, взысканы они не были и остались за ним в доимке.

Информация о статье

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-09-00057 А «Таможенная книга Великого Новгорода 1677/78 года: Исследование. Текст. Комментарии».

Автор: Раздорский Алексей Игоревич – кандидат исторических наук, заведующий сектором исторической библиографии, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия; SPIN-код РИНЦ: 5706-6482; e-mail: razdor@nlr.ru

Заголовок: Товарный отпуск «за свицкой рубеж» по данным таможенной книги Великого Новгорода 1677/78 г.

Аннотация: В статье на основе сведений, содержащихся в таможенной книге Великого Новгорода 1677/78 г. проанализирован ассортимент, стоимость и объемы товарных партий, отправленных из Великого Новгорода и через таможенную заставу в устье реки Сясь в шведские владения. Рассмотрены сезонные колебания в динамике товарных поставок, географический и социальный состав торговцев. Описан зафиксированный в таможенной книге случай отправки в Швецию товарной партии контрабандой.

Ключевые слова: экономическая история, история торговли, русско-шведские отношения, таможенные книги, Великий Новгород

Библиографический список

- Бородин Л. П.* Русская выхухоль. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1963.
- Кафенгауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в.: (По материалам внутренних таможен). М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 355 с.
- Новгородская таможенная книга 1614/15 г. / Публ. Г. М. Коваленко // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 384–466.
- Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII вв.: Сборник документов / Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 664 с.
- Раздорский А. И.* О составлении и публикации регестов таможенных книг XVII–XVIII вв. // Отечественные архивы. 2007. № 1. С. 31–40.
- Раздорский А. И.* Таможенная книга Великого Новгорода 1677/78 г. как исторический источник // Вестник архивиста. 2020. № 2. С. 331–342. DOI 10.28995/2073-0101-2020-2-331-342.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 403 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М.: Наука, 1990. 294 с.
- Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов. СПб.: ПиК, 1996. 288 с.

Information about the article

The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the project no. 20-09-00057 А “Customs Book of Veliky Novgorod of 1677/78: Research. Text. Comments”.

Author: Razdorsky Aleksey Igorevich — Candidate of Historical Sciences, Head of the Sector of Historical Bibliography, the National Library of Russia, St. Petersburg, Russia; SPIN-code: 5706-6482; e-mail: razdor@nlr.ru

Title: Goods release abroad according to the Customs Book of Veliky Novgorod of 1677/78

Abstract: Based on the information contained in the Customs Book of Veliky Novgorod of 1677/78, the article analyzes the assortment, cost, and volumes of consignments sent from Veliky Novgorod and through the customs gate at the mouth of the river Syas to the Swedish possessions. Seasonal fluctuations in the dynamics of commodity deliveries, geographical and social composition of merchants are considered. The case of smuggling a consignment to Sweden recorded in the Customs Book is described. The general source characterization of the Customs Book of Veliky Novgorod of 1677/78 is given.

Keywords: economic history, history of trade, Russian-Swedish relations, customs books, Veliky Novgorod

References

- Borodin, L. P.* Russkaja vyuhol' [Russian muskrat]. Saransk: Mordovskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1963. (in Russian)
- Kafengauz, B. B.* Ocherki vnutrennego rynka Rossii pervoi poloviny XVIII v.: (Po materialam vnutr. tamozhen) [Essays on the Russian domestic market in the first half of the 18th century: (According to the materials of internal customs)]. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1958. 355 p. (in Russian)
- Novgorodskaya tamozhennaya kniga 1614/15 g. [Novgorod Customs Book of 1614/15], in *Novgorodskii istoricheskii sbornik* [Novgorod historical collection]. Publ. G. M. Kovalenko. Iss. 10. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2005, pp. 384–466. (in Russian)
- Pistsovye i perepisnye knigi Novgoroda Velikogo XVII — nachala XVIII vv: sbornik dokumentov [Scribal and census books of Veliky Novgorod in the 17th — early 18th centuries: Collection of documents]. Comp. I. Yu. Ankudinov. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2005. 664 p. (in Russian)
- Razdorskii, A. I.* O sostavlenii i publikacii registov tamozhennykh knig XVII–XVIII vv. [On the compilation and publication of registers of customs books of the 17th–18th centuries], in *Otechestvennye arhivy = Domestic archives*, 2007, no. 1, pp. 31–40. (in Russian)
- Razdorskii, A. I.* Tamozhennaya kniga Velikogo Novgoroda 1677/78 g. kak istoricheskii istochnik [Customs Book of Veliky Novgorod of 1677/78 as a Historical Source], in *Vestnik arhivista = Herald of an Archivist*, 2020, no. 2, pp. 331–342. (in Russian) DOI: 10.28995/2073-0101-2020-2-331-342
- Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Iss. 4. Moscow, Nauka Publ., 1977. 403 p. (in Russian)
- Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Iss. 16. Moscow, Nauka Publ., 1990. 294 p. (in Russian)
- Tamozhennye knigi Velikogo Novgoroda 1610/11 i 1613/14 godov [Customs books of Veliky Novgorod of 1610/11 and 1613/14]. St. Petersburg: PiK Publ., 1996. 288 p. (in Russian)

Для цитирования статьи:

Раздорский А. И. Товарный отпуск «за свицкой рубеж» по данным таможенной книги Великого Новгорода 1677/78 г. *Caurus*. 2022. Т. 1. № 1. С. 36–49. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-36-49

For citation:

Razdorsky A. I. Goods release abroad according to the Customs Book of Veliky Novgorod of 1677/78. *Caurus*. 2022. Vol. 1(1). P. 36–49. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-36-49

А. А. Рогожин

ШВЕЦИЯ И «РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ОПЫТ» КНЯЗЯ Б. И. КУРАКИНА (1676–1727)

«Междоусобице» и политический кризис 1730 года привели к различным интерпретациям историков, оценкам причин и последствий этих событий. Наиболее популярной остается «республиканская» интерпретация 1730 года, но шаги в сторону от первоначальных трактовок привели к тому, что исследователи в работах последних лет все чаще ее оспаривают, хотя и с новых позиций и не возвращаясь к привычной «олигархической версии». Вместо этого предлагается обратить внимание на традиционность политического языка, описывающего происходившие события, и на потенциал к превращениям в границах выстроенной в 1710–1720-е годы административной системы¹. Споры остаются и относительно перечня источников идей «верховников». В числе прочих назывались имена разной степени известности, но особую роль с XIX века играла «шведская модель». В работах П. К. Щебальского, Д. А. Корсакова и особенно П. Н. Милюкова представлена преемственность между политической организацией Швеции второй половины XVII – начала XVIII века и проектами Верховного тайного совета². Эту точку зрения оспаривал Г. А. Протасов³, но спустя несколько десятилетий к этой трактовке вернулись С. А. Седов и С. В. Польской⁴. Последний видел в шведских событиях 1718–1720 годов не столько источник для прямого цитирования, сколько «*пример осуществления легитимного перехода власти от абсолютной монархии к монархии ограниченной законами*»⁵.

Мы предлагаем подойти к этому вопросу иначе, и разговор о трактовках событий 1730 года начать, отступив назад во времени и обратившись к политическим представлениям человека, который, собственно, скончался за несколько лет до «междоусобицы». Известный русский дипломат князь Б. И. Куракин в своих записках оставил свой образ «шведского правления», который, пусть и с некоторыми оговорками, имеет свою ценность в прояснении политических реалий 1730 года. В

¹ Куракин И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля: события, люди, документы. М., 2010. С. 35–39, особенно С. 113–116; Бугров К. Д. Политический кризис 1730 г. и идеология провиденциального монархизма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 2 (427). С. 96–104.

² Щебальский П. К. Вступление на престол императрицы Анны. М., 1859. С. 5–64; Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 279–286; Милюков П. Н. Верховники и шляхетство. Ростов-на-Дону, 1905. С. 3–40. См. историографию, в том числе в вопросе о шведских источниках, в Куракин И. В., Плотников А. Б. 19 января–25 февраля ... С. 7–23.

³ Протасов Г. А. «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Ученые записки. Тамбовский государственный педагогический институт. Вып. XV. Тамбов, 1957. С. 215–231.

⁴ Седов С. А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 52–53; Польской С. В. «Шведский образец» и попытка ограничения самодержавия в России в 1730 г. // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII–XX вв. Самара, 2001. С. 174–178.

⁵ Там же. С. 178.

конце концов, в числе «верховников» был приятель и «сродственник» Б. И. Куракина, князь Д. М. Голицын, а сын князя, А. Б. Куракин, был одним из составителей «Проекта тринадцати»⁶. Представления Б. И. Куракина, появившиеся благодаря его службе при европейских дворах, не могут быть просто перенесены на других людей, несмотря на очевидные параллели в их интеллектуальном становлении, но все же могут стать ориентиром, началом для дальнейшей работы в этом направлении. Вероятно, прояснив, как воспринималось «шведское правление» одним из вестернизированных представителей русской правящей элиты, можно с несколько иного ракурса оценивать роль «республиканского опыта» для «верховников» и их оппонентов.

Для того чтобы правильно понять представления Б. И. Куракина, стоит прояснить политический лексикон эпохи. Насколько вообще для него могла существовать «конституционная монархия»? Наряду с оперированием триадой форм правления, встречающейся в основном в эрудитской среде, среди работников Посольского приказа, а затем и среди дипломатов петровской эпохи, приобрела популярность типология форм правления, основанная на оппозиции «короны» и «республики». В этом ряду «республика» стала антитезой «монаршическому» правлению. Во второй половине XVII – начале XVIII века «республика» использовалась для наименования формы правления в государствах, где власть принадлежит выборным представителям населения, таких как Венеция, Голландия или Англия эпохи революции⁷. В петровскую эпоху такой способ описания политической организации европейских государств стал особенно распространенным, не в последнюю очередь благодаря проповедям и сочинениям Феофана Прокоповича⁸. Насколько можно судить, Б. И. Куракин с готовностью воспринял именно этот способ описания «правлений» европейских государств и последовательно использовал в своих записках понятия «корона» и «республика». В качестве синонима для первой использовалось, хотя и редко, также «домению абсолюто», а вторая под пером князя могла превращаться во «владение посполитое» или «народное правление. В целом, это противопоставление стало частым риторическим приемом в его записках, отправной точкой для описания тех или иных политических общностей⁹.

Для князя «республикой» было государство, предполагавшее выборных представителей от населения, которые не только ограничивали правителя, но и выбирали его. Наследование трона, несмотря на реальные ограничения в оправлении власти, сразу же отсылало в системе представлений князя к «монаршическому правлению», а не «республике». В письме П. П. Шафирову от октября 1714 года он описывал ситуацию в Англии после восшествия ганноверского курфюрста на английский престол под именем Георга I. Новый *«король аглинский при первом своем прибытии партию вигову принял и в правление все допустил, но торисов всех отставил»*, но это только расстроило политическое равновесие. Переговоры

⁶ Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января-25 февраля ... С. 219–220.

⁷ Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. Т. 6 (153). С. 18–53.

⁸ Бугров К. Д., Киселев М. А. Республиканская идея в России в век Просвещения // Res Publica. Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / Под ред. К. А. Соловьева. М., 2021. С. 325–331.

⁹ Архив князя Ф.А. Куракина (далее – АКФАК). Т. III / под ред. М. И. Семевского и В. Н. Смольянинова. СПб., 1892. С. 240.

английского правительства с боровшимися в войне «за испанское наследство» государствами шли только через разрешение парламента, *«все те дела топерь зависят на парламенте аглинском»*. Власть английского короля в этом важнейшем вопросе призрачна, потому что все *«смотрят, которой партии парламент будет сего года, – ежели торисовой, то намерения короля в тех делех и его консилиа в ничто обращено будет»*¹⁰. Однако эта ограниченность власти не препятствовала постоянному именованию Англии «короной», в отличие от Речи Посполитой. Судя по всему, именно наследственная природа королевской власти, несмотря на существующие границы, позволяла считать Англию монархией, а не республикой.

Способность «народа» принимать решения и направлять политику своего государства также становились принципиальными основаниями республики. В частности, именно этими особенностями Б. И. Куракин оправдывал свой относительный неуспех в регулировании голландской печати. По указу Петра I он должен был добиться от голландских печатников, чтобы «в газетах печатать российским, а не московской нации», но в известиях, исходивших не от самого князя, часто использовалось прежнее именование. Попытки запретить «курантиром» печатать такие новости не привели быстро к результату, потому что «сие в краткое время установить невозможно, а особливе здесь в вольном правлении»¹¹. «Вольное правление» уже в силу типологических особенностей не позволяло пойти привычным путем и решить вопрос о запрете через юридический акт правителя. «Народ» пользовался «свободой», которую невозможно было представить в рамках организации власти в любой «короне». Принадлежность решающего голоса «народу» была важнейшей чертой республики. В письме 1713 года о «противностях в навигации» голландским торговым кораблям со стороны русских каперов, князь советовал Г. И. Головкину разрешить неприятную ситуацию через выплату денег, чтобы перетянуть на свою сторону «народное мнение», потому что *«как вам известно, что народное мнение в републиках есть действительное»*¹².

Стоит отметить еще один ресурс «республиканского опыта» князя, который транслировался через его исторические наброски. Понятие «республики» Б. И. Куракин использовал в подготовительных материалах к планируемой историческому сочинению, от которого до нас дошел или был написан только отрывок о правлении Петра I, названный публикаторами XIX века «Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних его людях»¹³. «Республиками» князь называл Новгород и Псков и планировал посвятить их истории отдельные главы в своей «Гистории». Это тем более примечательно, что все события русской истории до Ивана III должны были быть описаны в 11 главах, из которых две повествовали бы о «республике Новгороцкой» и «республике Псковской»¹⁴. Тем не менее, сама по себе «республиканская» интерпретация Новгорода и Пскова была далеко не очевидна для русской культуры конца XVII – начала XVIII века. Во второй половине XVIII века

¹⁰ АКФАК. Т. X / Под ред. В.Н. Смольянинова. М., 1902. С. 225.

¹¹ АКФАК. Т. IX / Под ред. В.Н. Смольянинова. Астрахань, 1901. С. 121.

¹² Там же. С. 26.

¹³ См. план сочинения в АКФАК. Т. I / Под. ред. М.И. Семевского. СПб., 1890. С. 79–94.

¹⁴ Там же. С. 79.

Новгород превратится в символ республиканской свободы для России, а история Вадима Новгородского будет прочитываться как история русского Катона, боровшегося против «монархии» Рюрика. Но в начале столетия такой подход был скорее исключением, нежели правилом. К. Д. Бугров самой ранней версией республиканской интерпретации Новгорода считал «Ядро Российской истории», написанное около 1715 года¹⁵. Судя по всему, интерпретация Б. И. Куракина строится на сходных исторических источниках, но независима от «Ядра Российской истории».

Какую роль в представлениях Б. И. Куракина играла Швеция и как она встраивалась в систему противопоставлений «короны» и «республики»? Судя по всему, первоначально князь оценивал Швецию исключительно как «корону», в которой нет социальной группы, способной противопоставить себя правителю. Это он отмечал в своей ранней заметке, написанной в Вене в 1708 году. В этот период его интересовала история европейского дворянства, и он рассчитывал когда-либо написать работу о ценности древнего происхождения известных родов¹⁶. В свете этого интереса понятно обращение Б. И. Куракина к истории шведского дворянства. Описывая историю отношений дворянства и королевской власти в конце XVII века, он считал, что в Швеции нет аристократии как таковой, *«ни принцов, ни графов, ни баронов николи не бывало»*, есть только рядовое дворянство, которое приобрело свое имущество благодаря щедрости правителя. Это принципиально разнилось с ситуацией в России и Речи Посполитой, где князя *«все от кровей сродников своих наследственники»* и *«владельцы властные своих добр»*, *«их принципальства аппо preso per forza»*. Более того, даже рядовое «шляхетство» *«наследники и владельцы властные своим землям и служником»*, а *«каждый шляхтич имеет авторити и супремат властную над подданными от своего наследствия, come rediitari»*¹⁷.

На таком фоне Швеция воспринималась как страна, в которой не существует ограничения абсолютной власти короля. Однако постепенно все больше и больше интересуясь европейскими реалиями, изучая в рамках дипломатической службы особенности политической организации европейских государств, Б. И. Куракин начал корректировать свои первоначальные представления и оценки. В начале XVIII века можно было уже не просто писать о «короне» и «республике» как двух сторонах оппозиции, но и анализировать процесс перехода от первой ко второй. Именно здесь шведские события 1710-х годов стали наиболее востребованными, став основой специфического «республиканского опыта» для князя, т.е. наиболее понятной и известной попыткой ограничить «самодержавие», за которой можно было наблюдать практически *de visu*. В этом и состояла ценность шведских политических интриг и борьбы в этот период, потому что они позволяли видеть в «республике» не уже готовое состояние, как это было в случае Голландии, Венеции или Речи Посполитой, а различные элементы в становлении, «республику» как процесс, который требует со стороны правящей элиты некоего консенсуса и хотя бы относительно согласованных усилий в направлении ограничения королевской власти.

¹⁵ Бугров К. Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. Дисс.... док. ист. наук. Екатеринбург, 2017. С. 422–432.

¹⁶ АКФАК. Т. I ... С. 115–116.

¹⁷ АКФАК. Т. III ... С. 202.

Периодические попытки шведской правящей элиты перевести государственную политику в иное русло предпринимались как минимум с 1710 года, когда после Полтавской битвы впервые за долгое время по предложению Совета был созван риксдаг. Б. И. Куракин внимательно наблюдал за всем, происходившим в Стокгольме и собирал новости. Более того, именно князь был одной из важнейших персон в организации целой шпионской сети, поставляющей ценные сведения не только о состоянии шведской армии и флота, но и о настроениях шведского общества. В 1713 году Б. И. Куракин отметил политический процесс, в ходе которого в Швеции должна была быть ограничена королевская власть. Для начала сам князь в одном из писем Г. И. Головкину развел по разные стороны интересы правителя и интересы «отечества», признав, что поступки Карла XII могут противоречить потребностям Швеции. Он писал на основе новостей из Швеции, что *«сенат берет резолюцию созывать депутатов со всех провинций и обще с теми правительство свое привести в прежнее состояние, для того видят короля своего поступки, несходные с интересом его отечества, но только для своей одной каприции войну продолжает»*¹⁸. Вполне вероятно, что князь в письме использовал именно те обороты, что прочитал в «ведомости» из Стокгольма, но даже для этого он должен хотя бы гипотетически признавать существование интересов у «государства», а не только у его правителя.

Далее на основе уже новых уточненных сведений князь писал Г. И. Головкину и П. П. Шафирову о *«премене правления шведскаго»*. Здесь мы наблюдаем борьбу старого и нового «шляхетства», которые *«имели довольно между собою интриг о сукцессии короны по смерти короля их»*¹⁹. Именно «старое шляхетство» с А. Горном предлагало, вопреки воле короля, собрать представителей всех провинций и решить ряд насущных вопросов, в том числе о наследовании шведской короны. По версии Б. И. Куракина, основанной на попадавших к нему новостях из Стокгольма, «сенат» рассчитывал поставить Карла XII перед фактом, признав наследницей его младшую сестру Ульрику Элеонору²⁰. На тот момент князь не использовал понятия «республика» применительно к планировавшимся в Швеции нововведениям, хотя эти же события в «Гистории свейской войны» уже постфактум оценивались как попытки шведского правительства *«мир учинить и республику в Швеции сделать, для чего и сейм назначили»*²¹. Б. И. Куракин лишь оценивал их с точки зрения интересов царя, отмечая, что *«по всем тем новинам видится быть в Швеции не без замешания, что есть к великому авантажу интересом его царскаго величества и его алиатов»*²².

Тем не менее, в 1713–1714 годах добиться чего-то существенного оппозиция королевской власти в Швеции не смогла. Попытки ограничить королевскую власть продолжились уже после трагической гибели Карла XII. С 1718 года пристальное внимание европейской дипломатии было сосредоточено на Швеции. На Аландских островах шел своим чередом конгресс, который должен был поставить точку в

¹⁸ АКФАК. Т. IX ... С. 13.

¹⁹ Там же. С. 230.

²⁰ Там же. С. 228–229. См. также: *Lundquist C.L. Council, King and Estates in Sweden 1713–1714. Stockholm, 1975. P. 143–155.*

²¹ АКФАК. Т. I ... С. 415.

²² АКФАК. Т. IX ... С. 231.

затянувшейся войне на Севере. Пришедшие в разгар конгресса новости о гибели шведского короля Карла XII резко развернули не только историю Великой Северной войны, но и подстегнули русскую дипломатию, вынужденную следить за выбором шведской элиты. Политика Карла XII и его советника барона Г. Г. фон Гертца в предшествующие годы привела к росту недовольства не только среди простого населения Швеции, уставшего от войны и связанного с ней обнищания, но и правящей верхушки²³. В ситуации междуцарствия после гибели короля, продолжавшегося Аландского конгресса, идущих военных действий против шведской армии и флота Петру I нужно было отчетливо представлять себе все вероятные альтернативы в новом политическом курсе шведских властей.

В 1719–1721 годах шпионы русского правительства в Швеции предоставляли сведения не только по сугубо военным вопросам, но и относительно расстановки сил в политической борьбе. В частности, среди вопросов, предложенных некоему Т. Баральону, отправленному в Швецию как раз по инициативе Б. И. Куракина, был и вопрос о политической ситуации в Стокгольме. Тайный агент в Швеции в числе своих собеседников имел не только адмирала К.Х. Вахтмейстера, но и секретаря барона Г. Г. фон Герца А. Э. Штамке, от которого поступали сведения о противостоянии в правящей элите²⁴. В итоге, успешно ориентировавшийся во внутриполитической ситуации француз, допрошенный на Аландских островах, говорил, что Ульрика Элеонора *«уступила всякою властью, признавая, что она корону получила от чинов государства, а не по праву наследствия»*²⁵. Разрушение шведского «абсолютизма» признавал и Я. Брюс, писавший в своем донесении в том же 1719 году, что *«королевы власть едва ли лучше аглинской, а во ином случае и менши»*²⁶. Тем не менее, оба иностранца не пытались описывать новую «форму правления» в республиканском политическом дискурсе и не называли соответственно Швецию республикой, предпочитая интерпретировать новую расстановку сил как отступление в сторону английской парламентской монархии.

Мнение Б. И. Куракина строилось иначе. В своем черновом плане работы над историческим сочинением под названием «Ведение о главах в Гистории», соответствующий раздел должен был повествовать «О избрании на королевство сестры королевской, о установлении в Швеции древняго правления республики и наследству не быть»²⁷. Князь со всей очевидностью отсылал своего предполагаемого читателя к ранней истории шведского правления, в котором королей выбирали на престол. Такая ситуация продолжалась до 1544 года, когда Густав I Ваза в продолжение своих преобразований ввел наследственный порядок передачи престола. Впрочем, даже после утверждения наследственного принципа передачи трона каждый

²³ Scherp J. The Loss of Trust: the Ideological Opposition to the Regime of Charles XII as Expressed in the Trial of Baron Görzt // 1716. The Great Northern War. New Perspectives / Ed. by M. Hesselholt Clemmesen, N.B. Poulsen, A.S. Schøning. Odense, 2018. P. 69–85.

²⁴ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 96. Сношения России с Швецией. Оп. 1. 1719 г. № 18. Л. 11–13.

²⁵ Там же. Л. 15.

²⁶ Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 379.

²⁷ АКФАК. Т. I ... С. 92.

шведский правитель должен был давать королевское обязательство, предполагавшее ограничения его власти, и только Карл XII в 1697 году порвал с этой традицией²⁸. Теперь же отказ от принципа наследования в передаче трона привели к тому, что князь проводил параллель между Швецией и Речью Посполитой с ее выборным королем, а не между Швецией и Англией.

Как мы видим, для того, чтобы оценить произошедшее превращение, нужно было иметь соответствующие сведения об истории Швеции предыдущего периода, представлять себе ее систему правления. На этом этапе в распоряжении заинтересованной части правящей верхушки было достаточно материалов для сравнения. «Нынешнее состояние» Швеции при Карле XII и его преемниках можно было оценить благодаря документам, поступающим в Санкт-Петербург от иностранцев в рамках подготовки петровских преобразований конца 1710-х годов²⁹. Известия о Швеции и политических преобразованиях в ней продолжали идти в Санкт-Петербург и в начале 1720-х годов³⁰.

Поток сведений для русского дипломата, постоянного пребывающего при европейских дворах, строился иначе. О политической ситуации в Стокгольме он имел представление благодаря работе тайных агентов, переписке с корреспондентами по всей Европе или хотя бы чтению периодической печати, несмотря на зачастую сенсационность тех версий событий, которые в ней предлагались публике. Однако приведенная выше цитата «о древнем правлении республики» предполагала, что Б. И. Куракину была известна хотя бы в основных чертах история Швеции предыдущих полутора столетий. В распоряжении князя были сочинения, которые могли служить источником о «республиканском» прошлом Швеции, ее пути к «самодержавию» и перипетиях политической борьбы в XVI–XVII веках. Наиболее известным вариантом можно считать историческое сочинение С. Пуфендорфа, вышедшее в русском переводе под названием «Введение в историю европейскую». В нем целая глава была посвящена истории Швеции, начиная с древнейших времен и вплоть до конца XVII века. В парижской библиотеке Б. И. Куракина была оригинальная версия этого сочинения на немецком языке, а также французский перевод³¹. Судя по всему, в силу своих служебных потребностей французский язык князь освоил гораздо лучше, о чем свидетельствуют многочисленные издания на нем в описи библиотеки. По этим причинам из историй Швеции на французском языке Б. И. Куракин мог почерпнуть гораздо больше сведений для анализа превращений Швеции из «короны» в «республику». В его парижской библиотеке была не только история правления Карла XI, но и «*Les anecdotes de Suede*», написанные, предположительно

²⁸ Roberts M. *Age of Liberty. Sweden 1719–1772*. Cambridge, 1986. P. 1–7.

²⁹ См. Прокопенко Я. И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / Под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб., 2013. С. 333–337; Проекты барона фон Любераса (1710–1720-е годы) / Сост. и науч. ред. А. Мустафин. М., 2020. С. 180–211.

³⁰ Некрасов Г. А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М., 1975. С. 335–336.

³¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 3. Оп. 1 (Старая). № 74. Л. 386–386об.

И. фон Пуфендорфом, братом знаменитого юриста³².

Принципиальны выводы, которые мог составить на основе шведского «республиканского опыта» Б. И. Куракин. Однако препятствие состоит в том, что в его записках мы не встретим оценки республиканского пути развития, как нет оценок и «монаршического правления». Наблюдения М. А. Алпатова о том, что князь писал об английском парламенте с «явным сочувствием» и ему «было не по нутру всевластие Петра I, его идеалом была монархия английского типа», едва ли можно считать обоснованными³³. Описания политической организации европейских государств в исполнении Б. И. Куракин вполне нейтральны и не могут свидетельствовать о его предпочтениях. В той же «Гистории о царе Петре Алексеевиче и ближних его людях» князь описывал, как Петр I через «уничтоживанье» «первых фамилий» становился «наибольшим сувреном», а последствиями «дела царевича Алексея» стало то, что «суксессия оставлена от народу в волю его величества царского»³⁴, даже не пытаюсь оценить это с политической точки зрения. В виде исключения можно привести лишь несвойственное Б. И. Куракину сетование на «всевластие» Петра I, оброненное в разговоре с Ч. Уитвортом в 1723 году³⁵. Вероятно, стоит иначе подойти к этому вопросу и искать политические представления Б.И. Куракина не столько в предпочтениях им «короны» или «республики», сколько в сущности самой политической организации, где признак «всевластия» не был основополагающим. Вместо этого князь предлагал иную интерпретацию «политического», опираясь на «аристократический принцип».

Единственным источником, из которого можно более-менее отчетливо понять отношение князя к политической организации европейских государств, была серия записок об особенностях Венецианской Республики. Б. И. Куракин считал, что кризис Светлейшей связан с пренебрежением добродетелями истинных аристократов-патрициев и появлением в различных органах власти «подлых людей». Однако он говорил о принципе политической организации, а не искал преимущества в республиканском правлении как таковом. Само существование и развитие политического организма связано с той ролью, которую играли старинные роды. С этой точки зрения, правление, в котором вершины иерархии отведены утонченным и добродетельным аристократам, отвечало представлениям князя о правильной политической организации, без попыток свести все к оппозиции «короны» и «республики»³⁶. Отсюда проистекает и отсутствие комментариев по поводу превращения Швеции в «республику». Судя по запискам Б. И. Куракина, восприятие «республики» было более «инструментальным», шедшим от требований и специфики его службы, а не интеллектуального анализа. Здесь нет какой-либо отчетливой эксплуатации идей «республиканизма» в любой версии, существовавшей в Европе

³² Les Anecdotes de Suede, ou Histoire Secrette des Changemens Arrivés dans ce Royaume, sous le Regne de Charles XI. Stockholm, 1716. В описи библиотеке числилось как «anecdottes de Suede». См. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 1 (Старая). № 74. Л. 387.

³³ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII века). М., 1976. С. 280–281.

³⁴ АКФАК. Т. I ... С. 64, 92.

³⁵ Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2009. С. 449.

³⁶ АКФАК. Т. III ... С. 194–200.

начала XVIII века. В нашем случае стоит остановиться в выводах лишь на том, что служебная практика Б. И. Куракина и чтение политических сочинений расширяли систему его представлений, допуская существование ограниченной власти правителя, хотя он и не считал ее предпочтительной.

Возвращаясь к той связи, которую можно найти между Б. И. Куракиным и идеями «верховников» в 1730-м году, можно говорить, что идея «республики» как способа ограничения самодержавия вполне проявилась в событиях междуцарствия. Наивные наблюдения князя за развитием Венецианской республики были лишь описанием болезни, разъедающей политический организм. Шведские события были практическим применением ограничения власти правителя. Составить из двух этих отрывков цельную последовательность политических выводов Б. И. Куракин не смог, не успел или посчитал опасным для себя. «Аристократический идеал» князя как естественное следствие им же предложенного «аристократического мифа» русской и венецианской истории не обрел в его сочинениях какого-либо описания в стиле практического политического рецепта. Такой рецепт предложили члены Верховного тайного совета, предпочитая не рассчитывать на волю правителя, а заранее поставить его перед ограничениями власти. Спор об основных источниках идей «верховников» давно уже зашел в тупик, в силу разнообразия предложенных исследователями вариантов, от опыта Смутного времени до Д. Локка. Но не стоит игнорировать сами по себе примечательные параллели, даже если они и не становятся неоспоримыми подтверждениями тех или иных тезисов. При всех оговорках, но тот «республиканский опыт», который получил Б. И. Куракин из наблюдений за политическими событиями в Швеции в 1710–1720-х годах, мог быть вполне пригоден и для российской правящей элиты в 1730-м году, при том что, как показывает даже предварительное исследование в этом направлении, источников информации о произошедшем в соседнем государстве у русских сановников было достаточно.

Информация о статье

Автор: Рогожин Александр Александрович – кандидат исторических наук, Орловский музыкальный колледж, Орёл, Россия; ORCID: 0000-0001-6152-9408; e-mail: rogozhin_alexander@bk.ru

Заголовок: Швеция и «республиканский опыт» князя Б. И. Куракина (1676–1727)

Аннотация: В статье изучены политические представления известного дипломата петровской эпохи князя Б. И. Куракина (1676–1727) и его мнение о республиканской форме правления. Для князя «республика» была противоположностью «монархии», а переход от последней к первой может быть осуществлен через ограничение власти правителя. Это можно было наблюдать на примере Швеции конца 1710 – начала 1720-х годов, где королевская власть была ограничена после гибели Карла XII. Благодаря разветвленной системе тайных агентов, организованной русским правительством, использованию европейских новостных сетей, чтению исторических сочинений князь имел верное представление о прошлом и настоящем Швеции. В своих записках и письмах Б. И. Куракин оставил нам образ Швеции, в которой восстановлена «древняя республика», при этом не отдавая предпочтения новой форме правления. Наблюдения князя становятся ценным ресурсом, позволяющим понять, как именно интерпретировалось ограничение власти в Швеции представителями русской правящей элиты первой трети XVIII века.

Ключевые слова: Швеция, республика, форма правления, ограничение власти, политические идеи

Библиографический список

- Алпатов, М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII века). М.: Наука, 1976. 455 с.
- Архив князя Ф. А. Куракина. Т. I / Под ред. М. И. Семевского. СПб., 1890.
- Архив князя Ф. А. Куракина. Т. III / Под ред. М. И. Семевского и В.Н. Смольянинова. СПб., 1892.
- Архив князя Ф. А. Куракина. Т. IX / Под ред. В. Н. Смольянинова. Астрахань, 1901.
- Архив князя Ф. А. Куракина. Т. X / Под ред. В. Н. Смольянинова. М., 1902.
- Бугров, К. Д. Политический кризис 1730 г. и идеология провиденциального монархизма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 2 (427). С. 96–104. DOI: 10.17223/15617793/427/12
- Бугров, К. Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. Дисс.... док. ист. наук. Екатеринбург, 2017.
- Бугров, К. Д.; Киселев, М. А. Республиканская идея в России в век Просвещения // Res Publica. Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / Под ред. К. А. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 311–398.
- Бушкович, П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 541 с.
- Киселев, М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. Т. 6 (153). С. 18–53.
- Корсаков, Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. 303 с.
- Курукин, И. В.; Плотников, А. Б. 19 января – 25 февраля: события, люди, документы. М.: Объединенная редакция МВД России, Квадрига, 2010. 275 с.
- Милюков, П. Н. Верховники и шляхетство. Ростов-на-Дону, 1905. 74 с.
- Некрасов, Г. А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1975. С. 334–343.
- Польской, С. В. «Шведский образец» и попытка ограничения самодержавия в России в 1730 г. // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII–XX вв. Самара: Парус, 2001. С. 174–178.
- Прокопенко, Я. И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / Под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб.: Издательство Европейского университета, 2013. С. 323–337.
- Протасов, Г. А. «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Ученые записки. Тамбовский государственный педагогический институт. Вып. XV. Тамбов, 1957. С. 215–231.
- Проекты барона фон Любераса (1710–1720-е годы) / Сост. и науч. ред. А. Мустафин. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2020. 284 с.
- Седов, С. А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 47–63.
- Фейгина, С. А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 546 с.
- Щебальский, П. К. Вступление на престол императрицы Анны. М., 1859. 66 с.
- Lundquist, K. L. Council, King and Estates in Sweden 1713-1714. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1975. 215 p.
- Roberts, M. Age of Liberty. Sweden 1719–1772. Cambridge: Cambridge UP, 1986. 233 p.
- Scherp, J. The Loss of Trust: the Ideological Opposition to the Regime of Charles XII as Expressed in the Trial of Baron Görtz // 1716. The Great Northern War. New Perspectives / Ed. By M. Hesselholt Clemmesen, N. B. Poulsen, A. S. Schøning. Odense: University Press of Southern Denmark, 2018. Pp. 69–85.

Information about the article

Author: Rogozhin Alexander Alexandrovich — Candidate of Historical Sciences, Orel College of Music, Oryol, Russia; ORCID: 0000-0001-6152-9408; e-mail: rogozhin_alexander@bk.ru

Title: Sweden and the “Republican Experience” of Prince B. I. Kurakin (1676–1727)

Abstract: The article examines the political views of the famous diplomat of the Petrine era, prince B. I. Kurakin (1676–1727), and his opinion about a republican form of government. 'Republic' was the opposite of a 'monarchy' for the prince. The transition from the latter to the former can be realized by limiting the power of the ruler. This could be seen in the example of Sweden in the late 1710s and early 1720s, where royal power was limited after the death of Charles XII. Through an extensive system of secret agents organized by Russian government, the use of European news networks, reading historical works, the prince had a true representation of the past and present of Sweden. B. I. Kurakin

offered us an image of Sweden in his notes and letters. The “ancient Republic” was restored, but the prince didn’t give preference to a new form of government in this image. The prince’s observations themselves become a valuable resource that allows one to more accurately understand exactly how the limitation of power in Sweden was interpreted by representatives of the Russian ruling elite in the first third of the 18th century.

Keywords: Sweden, republic, form of government, limitation of power, political ideas

References

- Alpatov, M. A.* Russkaja istoricheskaja mys' i Zapadnaja Evropa (XVII – pervaja chetvert' XVIII veka) [Russian historical thought and Western Europe (XVII – the first quarter of the XVIII century).] Moscow: Nauka Publ., 1976. 455 p. (in Russian)
- Arhiv knjazja F. A. Kurakina [Archive of Prince F. A. Kurakin]. Vol. I. Ed. M. I. Semevsky. Saint Petersburg, 1890. (in Russian)
- Arhiv knjazja F. A. Kurakina [Archive of Prince F.A. Kurakin]. Vol. III. Ed. M. I. Semevsky i V. N. Smol'janinov. Saint Petersburg, 1892. (in Russian)
- Arhiv knjazja F. A. Kurakina [Archive of Prince F. A. Kurakin]. Vol. IX. Ed. V.N. Smol'janinov. Astrahan, 1901. (in Russian)
- Arhiv knjazja F. A. Kurakina [Archive of Prince F. A. Kurakin]. Vol. X. Ed. V.N. Smol'janinov. Moscow, 1902. (in Russian)
- Bugrov, K. D.* Formirovanie idej respublikanizma v rossijskoj obshhestvenno-politicheskoj mysli XVIII v. [Formation of ideas of republicanism in the Russian socio-political thought of the 18th century] Diss.... doc. ist. nauk. Ekaterinburg, 2017. (in Russian)
- Bugrov, K. D.* Politicheskij krizis 1730 g. i ideologija providencial'nogo monarhizma [The political crisis of 1730 and the ideology of providential monarchism], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University*, 2018, no. 2(427), pp. 96–104. (in Russian). doi: 10.17223/15617793/427/12
- Bugrov, K. D.; Kiselev, M. A.* Respublikanskaja ideja v Rossii v vek Prosveshhenija [The Republican Idea in Russia in the Age of Enlightenment], in *Res Publica. Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ja do konca XX veka* [Russian republicanism from the Middle Ages to the end of the 20th century]. Ed. K. A. Solov'ev. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 311–398. (in Russian)
- Bushkovich, P.* Petr Velikij. Bor'ba za vlast' (1671–1725) [Peter the Great. The Struggle for Power (1671–1725)]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ., 2009. 541 p. (in Russian)
- Feigina, S. A.* Alandskij kongress. Vneshnjaja politika Rossii v konce Severnoj vojny [Aland Congress. Russia's foreign policy at the end of the Northern War]. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1959. 546 p. (in Russian)
- Kiselev, M. A.* Forma pravlenija i social'naja ierarhija v rossijskoj politicheskoj mysli XVII – pervoj chetverti XVIII veka [Form of government and social hierarchy in Russian politics of the XVII and the first quarter of the XVIII centuries], in *Istoricheskij vestnik = Historical Bulletin*, 2013, vol. 6 (153), pp. 18–53. (in Russian)
- Korsakov, D. A.* Vocarenie imperatricy Anny Ioannovny [Accession of Empress Anna Ioannovna]. Kazan, 1880. 303 p. (in Russian)
- Kurukin, I. V.; Plotnikov, A. B.* 19 janvarja – 25 fevralja: sobytija, ljudi, dokumenty [January 19 – February 25: events, people, documents]. Moscow: Objedinennaja redakcija MVD Rossii, Kvadriga Publ., 2010. 275 p. (in Russian)
- Lundquist, K. L.* Council, King, and Estates in Sweden 1713–1714. Stockholm: Almqvist & Wiksell Publ., 1975. 215 p. (in English)
- Miljukov, P. N.* Verhovniki i shljahetstvo [The leaders and the nobility]. Rostov-na-Donu, 1905. 74 p. (in Russian)
- Nekrasov, G. A.* Uchrezhdenie kollegij v Rossii i shvedskoe zakonodatel'stvo [Establishment of colleges in Russia and Swedish legislation], in *Obshhestvo i gosudarstvo feodal'noj Rossii* [Society and the state of feudal Russia]. Ed. V. T. Pashuto. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 334–343. (in Russian)
- Pol'skoj, S. V.* «Shvedskij obrazec» i popytka ogranichenija samodержavija v Rossii v 1730 g. [“Swedish model” and an attempt to limit autocracy in Russia in 1730], in *Problemy nacional'noj identifikacii, kul'turnye i politicheskie svjazi Rossii so stranami Baltijskogo regiona v XVIII-XX vv* [Problems of national identification, cultural, and political ties between Russia and the countries of the Baltic region in the 18th–20th centuries]. Samara: Parus Publ., 2001, pp. 174–178. (in Russian)
- Proekty barona fon Ljuberasa (1710–1720-e gody) [Projects of Baron von Luberass (1710–1720s)]. Comp. and scientific ed. A. Mustafin. Moscow: Vysshaya shkola jekonomiki Publ., 2020. 284 p. (in Russian)
- Prokopenko, Y. I.* «Politicheskij inzhener» Genrih fon Fik i fenomen reform Petra I [“Political engineer” Heinrich von Fick and the phenomenon of the reforms of Peter I], in *Fenomen reform na zapade i vostoce Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI-XVIII vv.)* [The Phenomenon of Reforms in the West and East of Europe at the Beginning of Modern Times (XVI-XVIII centuries)]. Ed. M. M. Krom, L. A. Pimenova. St. Petersburg: Evropejskij universitet Publ., 2013, pp. 323–337. (in Russian)

- Protasov, G. A. «Kondicii» 1730 g. i ih prodolzhenie [“Conditions” of 1730 and their continuation], in *Uchenye zapiski. Tambovskij gosudarstvennyj pedagogičeskij institute = Scientific notes. Tambov State Pedagogical Institute*, 1957, iss. XV, pp. 215–231. (in Russian)
- Roberts, M. *Age of Liberty. Sweden 1719–1772*. Cambridge: Cambridge UP Publ., 1986. 233 p. (in English)
- Schebal'skij, P. K. *Vstuplenie na prestol imperatricy Anny* [Accession to the throne of Empress Anna]. Moscow, 1859. 66 p. (in Russian)
- Scherp, J. *The Loss of Trust: The Ideological Opposition to the Regime of Charles XII as Expressed in the Trial of Baron Görtz in 1716. The Great Northern War. New Perspectives* / Ed. M. Hesselholt Clemmesen, N. B. Poulsen, A. S. Schøning. Odense: UP of Southern Denmark, 2018, pp. 69–85.
- Sedov, S. A. *Popytka gosudarstvennogo perevorota 1730 goda v Rossii* [Attempt of coup d'état of 1730 in Russia], in *Voprosy istorii = Questions of History*, 1998, no. 7, pp. 47–63. (in Russian)

Для цитирования статьи:

Рогожин, А. А. Швеция и «республиканский опыт» князя Б. И. Куракина (1676–1727). *Caurus*. 2022. Т. 1. № 1. С. 50–61. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-50-61

For citation:

Rogozhin, A. A. Sweden and the “Republican Experience” of Prince B. I. Kurakin (1676–1727). *Caurus*. 2022. Vol. 1(1). P. 50–61. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-50-61

D. Vysloužilová

"I DREAM OF WRITING ABOUT THE ORIGIN AND RISE OF ANCIENT RUSSIA": RESEARCHING NOVGOROD THE GREAT IN CZECH HISTORIOGRAPHY*

Since when do the Czech historians write about Russia and Novgorod the Great? Where are the beginnings of their historiographical interest in the history of the Russian Empire? Although Czech-Russian relations have a prolonged and colourful past, which can be traced back to medieval diplomatic ties, the beginnings of Czech scientists studying Russian history came much later. In 1852, from the exile in Brixen, Tyrol, the Czech satirist Karel Havlíček Borovský wrote to his friend František Palacký about an urgent problem he had encountered: “the Czechs cry louder than others that they are Slavophiles, but they do not possess a single book about Russian history”¹. The situation in the 21st century has not changed much since the time of Havlíček Borovský. The unpleasant fact of the lack of specialized literature on the history of Russia, which Havlíček Borovský considered “offensive and inappropriate”² in the 19th century, is all the more displeasing today and still hangs as a memento over Czech historians. There is almost no research about ancient Russian history. The first book about the history of Russia written in Czech was published in 1868, many questions have remained unanswered, yet. Several key topics that are frequently discussed in Russian science have not been elaborated on by Czech historians so far. The author wonders: why is that?

They cry that they love Russia, but why don't they write about it?

The reasons for the absence of publications and little interest in older Russian history must be sought in the past, and we must return to the beginning to get an answer. In this study, the author considers the connections between the socio-political situation in the Czech lands and the gradual discovery of Russian history. During the period from the 19th to the 21st century, Czech historiography largely reproduced current political events, analysing topics that were important for understanding current affairs. Were there any cases when historians could look away from the crucial issues of the present and turn to the Middle Ages and Novgorod the Great? The author's goal is to try to reconstruct the chronological development of the Czech historiographical school and its relationship with Russia and to reveal the reasons behind the low popularity of Russian medieval history. From

* This article was prepared with the financial support of the Masaryk University as a part of a specific-research project “Lidé a země v dějinách střední Evropy [People and land in the history of central Europe]”, № MUNI/A/1459/2021.

¹ *Quis L.* Korrespondence Karla Havlíčka. Praha, 1903. P. 656.

² *Ibid.* P. 656.

a wide range of topics about the Russian Middle Ages, the author focuses on the image of medieval Novgorod in the works of Czech historians from the 19th century to the present, its changes and the development of understanding the history of this state. Other questions discussed are: Do Czech historians today deal with other issues than their predecessors? How did the source base about Novgorod change?

The most complex overview of Czech historiography was elaborated in a comprehensive synthesis of František Kutnar and Jaroslav Marek, covering the period from the 18th century to the 1930s³, a team led by Jaroslav Pánek and Petr Vorel presented an overview of contemporary Czech historians⁴. Both publications focus on the general tendencies of Czech historiography and its involvement in the Western world. The thematic publications devoted to the reflection of Russian history are still missing.

The growing interest in Russia as a subject of historical research is linked to the growing influence of the ideas of Pan-Slavism, which have begun to disseminate in Europe since the end of the 18th century. In the first half of the 19th century, this movement started to spread rapidly among the Slavic peoples in Austria-Hungary and contributed to the formation of their national identity⁵. The feeling of oppression and inferiority of the Czech nation, which was lost on the political map alongside powerful and more advanced German-speaking neighbours⁶, made the Czech intelligence look for a protector and think about an ideal and appropriate form of government. Since the beginning of the 19th century, a process called the Czech National Revival took place, the aim of which was to gain freedom from the three-hundred-year domination of the Habsburgs and restore the Czech language as a language of education, culture and politics⁷. The first generation of national leaders⁸ leaned towards Russophilia and saw a role model in the Russian Empire. These revivalists came to believe that the future of the Slavic nations could have been secured if they had united politically, linguistically and religiously and had merged with Russia, which was a guarantee of a new and better future for the whole world⁹.

The vision of a strong Russian state, which defeated Napoleon and at the same time was the largest territory inhabited by the Slavs¹⁰, however, had its downsides. The Czech revivalists strongly idealized Russia because they never visited this country, for which **Karel Havlíček Borovský** (*1821) criticized them in his correspondence. He spent more than a year in Russia, and upon his return in 1844, he understood that the idea of Slavic reciprocity was not achievable¹¹. During the 1850s, Havlíček planned to create a pioneering work on the history of Russia¹², in which he would have distanced from Russophilic and Russophobic views and would have presented an objective picture of Russian history. However, his

³ Kutnar F., Marek J. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví. Praha, 2007.

⁴ Vorel P., Pánek J. Lexikon současných českých historiků. Praha, 1999.

⁵ Vlček R. Ruský panslavismus – realita a fikce. Praha, 2002. P. 10.

⁶ Kutnar F. Obrozené vlastenectví a nacionalismus. Praha, 2003. P. 211.

⁷ Lenderová M., Macková M., Jiránek T. Z dějin české každodennosti: Život v 19. století. Praha, 2013. P. 309.

⁸ Particularly Josef Jungmann, Antonín Marek and Ján Kollár.

⁹ Kutnar F., Marek J. Přehledné dějiny... P. 256.

¹⁰ Šťastný V. Slovanství v národním životě Čechů a Slováků. Praha, 1968. P. 87.

¹¹ Havlíček Borovský K. Obrazy z Rus. Brno, 2008. P. 107.

¹² During the period between 1852 and 1853 Havlíček Borovský exchanged many letters with František Palacký, where he depicted his idea and also his progress in writing an objective historical book about Russian history. *Quis L. Korrespondence...* Pp. 656–686.

untimely death in 1856 thwarted his plans, and the dream of the beginnings of a historical exploration of Russia vanished for several years.

The beginnings of the study of Russian medieval history

The first issue about the medieval history of Russia was published in 1868¹³. Its author is a linguist and historian **Josef Perwolf** (*1841), who taught at the University of Warsaw. Although Perwolf could be characterised as an “apostle of Slavic reciprocity”¹⁴, his life's task of “introducing the full history of the Slavs to the Czech nation”¹⁵ went far beyond the simple Slavophilism of the first representatives of the national revival. Despite his progressive approach and the pursuit of objectivism, Perwolf's work is still almost unknown, and his contribution to the development of the study of Russian history has fallen out of the pages of comprehensive publications on Czech historiography¹⁶.

In his work, Perwolf identified Novgorod as “the centre of Russian trade”¹⁷. He analysed Novgorod's expansion to the northwest¹⁸ and agreed with Nestor's interpretation of the invitation of the Varangians, whose Scandinavian origins he fully accepted¹⁹. He also dealt in more detail with the internal organisation of Novgorod²⁰, in his synthesis Perwolf used the adopted Russian-language terms as “*a veche*” or “*a posadnik*”. However, the sources on which the author relied were not mentioned and nowadays it is not possible to discover where the specific information was taken from. The only source, which is mentioned by the authors in the preface, is Nestor's Chronicle²¹. Perwolf approached Novgorod's history dynamically, his effort was to capture the change in structures and the changing face of this state.

The contrast to Josef Perwolf's progressive work is represented by the much better-known monograph the *History of the Russian Nation* (1889)²² by **Josef Ladislav Píč** (*1847), which means a significant step backwards in the development of heuristic research. As Píč proclaimed, he wrote the history of Russia to “explain to the Czech reader phenomena and questions that were understandable to the Russians, but could be confusing for the Czechs”²³. Píč expanded the used materials with Arabic and Byzantine sources, but he made several minor mistakes and errors in their interpretation²⁴. Píč described Novgorod's history from the founding of the city to the end of the reign of Catherine II. His publication was a

¹³ *Perwolf J.* Přehled historie národu ruského. Praha, 1868.

¹⁴ *Dvořák L.* Josef Perwolf. Studie s ukázkami z díla. Praha, 1972. P. 7.

¹⁵ *Ibid.* P. 7.

¹⁶ Even the most complete publication by František Kutnar and Jaroslav Marek did not mention Perwolf and his impact on Czech history.

¹⁷ *Perwolf J.* Přehled historie... P. 25.

¹⁸ *Ibid.* P. 10.

¹⁹ *Ibid.* Pp. 16–17.

²⁰ *Ibid.* Pp. 22–23.

²¹ *Ibid.* P. 1.

²² *Píč J. L.* Dějiny ruského národa. Praha, 1889.

²³ *Ibid.* P. 1.

²⁴ From the Byzantine sources *De Administrando Imperio* is used, Arabian source base consists of works by Ibrahim ibn Yaqub, Abu Abdallah Jayhani, al-Istakhri and Ahmad ibn Fadlan. Ibn Fadlan's name is wrongly shown as Ibn Fotland. In his work, Píč referred straight to Abu Abdallah Jayhani, even though his geographical work got lost and only remained preserved in later authors' books.

non-critical retelling of Nestor's Chronicle, which the author did not explain, nor did he add his point of view. The author translated Nestor's Chronicle in pseudomedieval style, which is hard to comprehend, he also did not specify Russian terms used in it. The author dealt with the Novgorod foreign policy in the most detail, unfortunately, he completely ignored all relations between Novgorod and the Hanseatic League, which were well known to his predecessor Perwolf. On the contrary, he focused on the expansion towards the Urals, repeatedly emphasising the moral and character traits of the Finno-Ugric tribes²⁵. Píč did not write about issues of Novgorod's inner affairs and conflicts between princes and the veche. The author did not fulfil his goal of explaining the complicated moments of Russian chronicles to the reader, for which he was criticised by fellow historians²⁶. Nevertheless, the *History of the Russian Nation* symbolises one of the first attempts to capture the continuous development of Russian history.

The turn of the 19th and 20th centuries did not bring any new moments to the development of the study of Novgorod the Great. During this period, Czech historians focused on the current problems of Russian politics, and special attention was paid to the events associated with the fall of the monarchy in 1917. The lack of interest in medieval Russian history was connected with the situation in the Czech lands at the time. During the period of the struggle for independence in Austria-Hungary and the first years after the establishment of an independent Czechoslovakia, Czech scientists focused on national history and moments that supported the idea of a long tradition of independence and sovereignty of the Czech people. After Czechoslovakia was established in 1918, it was necessary to grow an interest in current political processes and foreign policy issues, which were crucial for the young state. The works about Russian history, which were published at the beginning of the 20th century, hence focus mainly on contemporary events and regime change²⁷.

In addition to the political-national discourse, it is also necessary to mention another obstacle that prevented a more detailed examination of the Russian Middle Ages. The already mentioned Karel Havlíček Borovský came across the fact that Czech scientific libraries did not possess almost any books by Russian historians. At the time of Havlíček Borovský, the Prague National Library had only the main works by Nikolay Karamzin, Nikolay Artsybashev and Mikhail Pogodin written in Russian²⁸. At the beginning of the 20th century, the primary works of Vasily Klyuchevsky, Mikhail Pokrovsky and Pavel Milyukov were translated into Czech²⁹. In 1896, A. N. Rambaud's synthesis of Russian history was translated from French as well. The situation with the translation of written sources was even more sorrowful. Until the beginning of the 21st century, only the *Primary Chronicle* (1867) and *The Tale of Igor's Campaign* (1821) were translated into Czech. The possible interest in studying

²⁵ Píč J. L. Dějiny... Pp. 18–21.

²⁶ Macůrek J. Dějiny východních Slovanů I. Praha, 1947. P. 7.

²⁷ The most important issues about the modern history of Russia were written by Jaroslav Bidlo (*History of Russia in the 19th century*, 1907–1908), Tomáš Garrigue Masaryk (*Russia and Europe*, 1919–1921), Jan Slavík (*On the Eve of the Russian Revolution* (1926), *The Meaning of the Russian Revolution* (1927), *Lenin* (1934), *Lenin's Government 1917–1924* (1935)) and Zdeněk Nejedlý (*Lenin*, 1937).

²⁸ Information about the Prague National Library can be found especially in his letter to František Palacký from 25 August 1852. Quis L. Korrespondence... Pp. 650–660.

²⁹ Macůrek J. Dějiny... Pp. 7–8.

Novgorod thus ran into a completely insufficient source base, which caused problems in scientific work.

Two important issues of the 20th century

The gap between Píč's issue and another book on the history of Novgorod and medieval Russia is more than half of a century. In 1947, **Josef Macůrek's** *History of the Eastern Slavs*³⁰ was published, his publication is devoted to the collective history of the Russians, Ukrainians and Belarusians until the end of the 17th century. Macůrek's monograph already presents complex historical work, based on a critical analysis of sources. Unlike Píč, who was significantly influenced by the ideas of Pan-Slavism, Macůrek (*1901) maintained a distance from all ideologies and tried to bring an objective and impartial view. The source base about Novgorod enlarged again, the author interpreted Russian history based on a comparative analysis of Russian historians and representatives of the German historiographical school³¹, who were invited to Russia by Peter the Great. In explaining the founding of Novgorod, the author stated for both Norman and anti-Norman arguments, the references reveal that he was acquainted with all the key works of Russian historians published so far³², he also relied on linguistic sources³³ in the chapter about the beginnings of the Russian state³³. Macůrek distanced himself from attempts to portray the ancient Slavs as wild and barbaric tribal unions while emphasising their developed material culture and spirituality³⁴. Like Perwolf, Macůrek dealt with the veche, which he did not consider a purely Novgorodian phenomenon, stating that it was a traditional Slavic feature, which, however, due to a number of circumstances, fully developed only in Novgorod³⁵.

The author wrote a special chapter about the history of Novgorod from the 12th to the 14th century³⁶, in which he focused on the following topics: 1) the inner organisation of Novgorod, the history of relations between princes and the veche 2) social structure and social classes 3) foreign trade relations with Hansa and northern Europe. In his work, Macůrek also described the moment of Novgorod's annexation to Moscow, during the narrative, he maintained a strictly neutral tone and did not incline towards anyone's side. He allowed himself to express his sympathy for Novgorod only in the part about medieval Russian culture, in which he underlined the uniqueness of Novgorod. He illustrated this individuality by the example of *Gennady's Bible*³⁷. Macůrek also highlighted the fact that Moscow never managed to eliminate dominance of Novgorod³⁸.

The beginning of the second half of the 20th century in Czech-Russian studies is mainly associated with **Milan Švankmajer** (*1928), who worked on monographs about Catherine the Great and also Peter the Great during the 1960s. The need to revise the existing issues on Russian history was transformed into a collective work *History of the USSR*

³⁰ Macůrek J. Dějiny východních Slovanů I. Praha, 1947.

³¹ Ibid. Pp. 19–25.

³² Ibid. Pp. 34–42.

³³ Ibid. P. 50.

³⁴ Ibid. P. 72.

³⁵ Ibid. Pp. 95–96.

³⁶ Ibid. Pp. 94–97.

³⁷ Ibid. P. 135.

³⁸ Ibid. P. 135.

(1967)³⁹, in which Karel Herman, Vladimír Hostička and Bohumila Zástěrová also participated. The list of sources and materials about Novgorod's history expanded again, the documents from the period of Prince Yaroslav Yaroslavich were added, as well as sources documenting the Mongol invasion, including literary ones⁴⁰. All excerpts from the annals received a detailed explanation and analysis. Unlike Josef Macůrek, authors of the *History of the USSR* focused exclusively on political history. Švankmajer and his co-authors presented a chronological development of Novgorod history with an emphasis on several levels of political ties: they examined the internal dynastic relations between the Rurikids, between Novgorod and other Russian principalities, and finally, they presented the global view on Novgorod foreign policy in Europe.

The collective also noted a crucial moment in Novgorod's history that had not been particularly addressed: the issue of the Mongol invasion of Kievan Rus and the determination of the “yoke”. According to the authors, the non-involvement of Novgorod in this invasion enabled its specific development, different from other parts of Russia⁴¹. Švankmajer's work also did not go without criticism. Similarly to Píč's monograph, it is accused of a certain “plainness” and “simplicity”⁴², but it is necessary to take into account the limited availability of Russian archival materials at the time of preparation of this publication. It is also important to remember that this is a summarising, general work on Russian history, which is not focused on a specific period or topic.

However, it is quite surprising that although the authors used many works that were published in the 50s and 60s in the Czech and foreign historiography⁴³, the list of references lacks any works associated with the discovery of birch bark manuscripts. Birch bark letters had already been considered as an essential source for the study of Novgorod history and the Czech community of historians certainly knew about these materials. News about this finding was first mentioned by Luboš Řeháček in 1958 in the journal *Slavonic Review* (Slovanský přehled)⁴⁴ almost ten years before Švankmajer published his work. Unfortunately, his team did not mention this discovery in any way.

Unfortunately, the research of the team under Milan Švankmajer fell into disfavour for several decades. After the Warsaw Pact invasion of Czechoslovakia in August 1968, these historians were persecuted, forced to leave their positions in the Czechoslovak Academy of Sciences and to stop working in the academic sphere. Despite the impossibility of publishing books, Švankmajer continued to study Russian history and he also innovated methodological approaches. His methods represent one of the dominant branches of modern views of Russian history: the creation of general monographs, mapping the history of Russia from its beginning to the present. After 1989, the persecuted historians' activities resumed; in a

³⁹ Švankmajer M. Dějiny Svazu sovětských socialistických republik. Díl 1. Dějiny Ruska. Praha, 1967.

⁴⁰ Ibid. Pp. 40–42.

⁴¹ Ibid. Pp. 39–42.

⁴² Vlček R. Proč hledíme s despektem na ruské a sovětské dějiny? // X. sjezd českých historiků: Ostrava, 14. – 16. 9. 2011 / A. Zářický, P. Kadlec, M. Závodná. Ostrava, 2017. P. 38.

⁴³ For example, the works of German historian Günther Stökl, emigrées Dimitri Obolensky and František Dvorník and Polish medievalist Henryk Łowmiański.

⁴⁴ Řeháček L. Novgorodské gramoty na březové kůře // Slovanický přehled. 1958. No. 44. Pp. 363–364.

changed team with Václav Veber, Zdeněk Sládek and Václav Moulis, Milan Švankmajer published his most famous work, the *History of Russia*⁴⁵, in 1995.

Monumentalism: The path of large monographs

In contrast to the *History of the USSR*, the approach of Švankmajer's team to Novgorod has changed quite radically, which is a reflection of the political situation after the overthrow of the communist regime. The period of lack of freedom, during which it was not desirable to focus on the liberal elements of Novgorod history, was over. For most of the second half of the 20th century, Czech historians could not openly write about freedom and rights in Novgorod. Since 1989, it again became possible and the Czech historiography began to highlight and support these elements.

Švankmajer, the author of chapters on medieval Russian history, opened the section about Novgorod with a relatively radical statement that “Kievan Rus” is not appropriate as a title for the first state of Eastern Slavs. According to the author, it is better to use the term “Kievan-Novgorodian” Rus or accept the theory of two independent states (the Kievan Rus around Kyiv in the south and the Novgorodian Rus in the north), which, although cooperating and intertwining in many spheres, represent different entities⁴⁶. The diversity of Novgorod and Kyiv is also illustrated by cultural influences. Although the study of political history is still dominant, the spiritual and cultural spheres are gaining more space.

The following change in research is the use of new sources, mainly the Novgorod Judicial Charter and also the reflection of the discovery of the birch bark letters⁴⁷, which illustrates the maturity, western character and European character of Novgorod. These enlightening moments are often put into contrast with the scary and dark Moscow, these comparisons are, however, not always objective. Sympathy for Novgorod, which as an island of freedom fighting a tyrannical and much stronger rival, evokes a parallel with the history of Czechoslovakia and its attempt to break out of the Eastern Bloc. The interpretation of Novgorod's history represents a standard chronological account of events from the founding of the city through the struggles with the Teutonic Knights and the Swedes and later the Muscovy⁴⁸. The apparent compassion for Novgorod is evident in statements that, by suppressing the Republic of Novgorod, “Russia has distanced itself from Europe more than we would like to admit”⁴⁹. The history of Novgorod is described as one of the alternatives in the historical development of Russia, as a historical possibility that, unfortunately, has not prevailed.

Twenty years after the publication of Švankmajer's *History of Russia*, the academic team around **Zbyněk Vydra** (*1978) stated that the monograph is becoming outdated and no longer meets the requirements of contemporary historiography. In 2017, therefore, a new *History of Russia*⁵⁰ was published. Vydra was joined by Michal Řoutil, Jitka Komendová, Kateřina Hloušková and Michal Téra, together they abandoned the traditional interpretation

⁴⁵ Švankmajer M. Dějiny Ruska. Praha, 1995.

⁴⁶ Ibid. P. 38.

⁴⁷ Ibid. P. 40.

⁴⁸ Ibid. Pp. 38–45.

⁴⁹ Ibid. P. 45.

⁵⁰ Vydra Z. Dějiny Ruska. Praha, 2017.

of Russian history “only from the point of view of the winners”⁵¹ and tried to incorporate new historical perspectives such as the history of everyday life or gender history.

The authors replaced the withdrawal from political history from the chronological point of view and the gradual transformation of Moscow into a power hegemon by a thematic approach⁵². Older Russian history is therefore shown in the form of medallions of influential personalities and chapters dealing with Russian iconography, the social structure of society or heresies. Despite the authors' claim that the focus is not on Moscow but its opponents, the history of Novgorod has shrunk to just four pages that cannot in any way cover the history of this city and state⁵³. Coping with changes in science, respecting modern approaches and bringing out revisions is praiseworthy, but reducing such a significant state entity as Novgorod is at least controversial.

Political history

Studies about political history represent the second significant tendency in the research of medieval Novgorod in Czech historiography. The profile of this direction allows a specific focus on a short period and thus brings a detailed historical analysis of the selected problem. **Pavel Smrž**, who specializes in 15th-century Novgorod history, especially its diplomatic ties with Livonia and also with the Grand Duchy of Moscow, should be mentioned. He elaborated on this topic in his diploma and dissertation theses, in which he relied on all fundamental works devoted to medieval Novgorod⁵⁴. The benefit for Czech research is his comparative interpretation of the history of Novgorod and Pskov, the author followed the differences and similarities of these two Republics, while continuously monitoring the history of Moscow and drawing attention to the specifics of their development. Chapters dedicated to the struggle of Novgorod to maintain independence during the reign of Ivan III and its negotiations with Lithuania represent the most detailed and extensive research of Novgorod history in the Czech environment so far. Works of Pavel Smrž are comprehensive, objective and impartial historical interpretations that can withstand comparisons with the works of Russian historians.

The second notable representative of this direction is **Marek Příhoda** (*1976), who also specializes in the history of Novgorod in the 15th century. The most important is his study *Narrative of the Fall of Novgorod*⁵⁵, which provides an interpretation of the annals of the campaigns of Ivan III in 1471 and 1477–78. The author offered a well-thought-out analysis of Russian chronicles, he also pointed out the context of the origin of particular sources, their specifics and their significance for Russian history. Příhoda also brings his innovation to source studies, he examined the given annals based on the frequency of use of specific terms: traditions (*starina*), ruler (*gosudar*) and hereditary land (*votchina*). The

⁵¹ *Vydra Z.* Dějiny... P. 5. This announcement unfortunately did not always correspond with the actual publication, the Russian history in Vydra's version is still Moscow-centred.

⁵² *Ibid.* P. 5.

⁵³ *Ibid.* Pp. 48–51.

⁵⁴ *Smrž P.* Livonský stát a Moskevská Rus na přelomu 15. a 16. století. Dissertation theses. Supervised by Assoc. Prof. Danuše Picková. Faculty of Philosophy. Charles University. Praha, 2006.

⁵⁵ *Příhoda M.* Vyprávění o pádu Novgorodu // Rýžoviště zlata a doly drahokamů. Sborník pro Václava Huňáčka / V. Lendělová, M. Řoutil. Červený Kostelec, 2006. Pp. 316–335.

use and meaning of these words in individual annals make it possible to look at the history of Novgorod and Moscow and their mutual conflict in an unexplored way.

Novgorod is also involved in some studies by **Jitka Komendová** (*1976), she discussed the processes of legitimizing the power of grand dukes of Moscow in the 14th and 15th centuries and their gradual rebirth into a sole Russian ruler⁵⁶. The example of the different hierarchy of the Novgorod society and its efforts to justify and gain equality with Moscow serves for Komendová as material for comparing and illustrating other variants of Russia's historical development.

Where and how else to go further?

In addition to her studies on political history, Jitka Komendová is one of the fundamental figures in Czech Novgorod studies thanks to her enlightenment and educational activities. In 2007, she translated the principal publication of Valentin Yanin *I've sent you a birch bark* (originally *Ya poslal tebe berestu*) into Czech⁵⁷, thus gradually raising attention to the history and significance of Novgorod among the general public and non-Russian-speaking historians. In the same year, together with **Michal Řoutil** (*1973), she organized the exhibition *Novgorod the Great* with the support of the Czech Academy of Sciences and a year later published an interview with Valentin Yanin on the perspectives of Russian archaeology and the uniqueness of the discovery of birch bark letters⁵⁸. However, Jitka Komendová did not follow up on her activities from 2007–2008; the theme of Novgorod is reflected in her monograph about Stephan of Perm *The Saint and the Shaman* (2011)⁵⁹. The author presents the cultural context of a medieval legend about the Apostle of the Permians. In the background of the legend, Komendová touched the problems of Novgorod's expansion into the Urals and subsequent disputes with other principalities over these territories. However, the area of Komendová's interest is increasingly shifting to the spheres of hagiography and source studies. The author, as of 2022, has not yet returned to the issue of Novgorod.

Unfortunately, only a unique attempt to study Novgorod the Great is Oksana Zapletalová's study of *To the children's world in medieval Novgorod*⁶⁰, based on an analysis of archaeological discoveries. The author tried to place the childhood period and the functioning of the family in general in the context of life in medieval Novgorod in a very credible and engaging manner, but she did not continue this research anymore and after graduation, she stopped devoting herself to archaeology. Her study, therefore, symbolises an isolated publication in the otherwise promising direction of historical research and represents the only study in Czech that uses primarily archaeological excavations.

⁵⁶ Komendová J. Mocenské struktury a jejich legitimizace na Rusi ve 14. století // *Jedno slunce na nebi, jeden vládce na zemi: legitimita moci ve světě 14. století* / O. Beránek, P. Cermanová, J. Hrubý. Praha, 2017. Pp. 526–548.

⁵⁷ Published as Janin V. L. *Středověký Novgorod v nápisech na březové kůře*. Červený Kostelec, 2007.

⁵⁸ Komendová J., Řoutil M. Odkrývání středověkého Novgorodu. Rozhovor s Valentinem Lavrentjevičem Janinem o unikátních objevech a současné ruské archeologii // *Dějiny a současnost. Kulturně historická revue*. No. 30. 2008. Pp. 18–20

⁵⁹ Komendová J. *Světec a šaman*. Praha, 2011.

⁶⁰ Zapletalová O. Příspěvek k poznání dětského světa ve středověkém Novgorodě // *Děti ve velkoměstech od středověku až na práh industriální doby* / O. Fejtová, V. Ledvinka, J. Pešek. Praha, 2012. Pp. 119–138.

The beginning of the 21st century also brought a new translation of Nestor's Chronicle, published by **Michal Téra** (*1976) in 2014. His modernised version could also be significant for future research into Novgorod history. Téra's translation appeared almost 150 years after the first translation by Karel Jaromír Erben in 1867, and, as of 2022, it is the only Russian medieval source valuable for Novgorod studies translated into Czech⁶¹. Nevertheless, Czech translations of the Novgorodian chronicles and annals are still missing. The considerably lukewarm interest of Czech historians in the subject of Novgorod does not suggest that the situation should change shortly. Czech editions of scientific literature and written sources are critical for raising the attention to Novgorod history among the public and the academic sphere as well. Due to their absence, Novgorod remains an almost unknown topic that only a small group of Russian-speaking Czech historians know about.

Like a lost manuscript on birch bark?

Conclusion

Medieval Novgorod is an exceptional phenomenon in Russian history, its uniqueness has attracted the attention of historians, politicians and prominent figures since the 18th century. Influenced by the discovery of the birch bark manuscripts, it was noted that “no other medieval city was as intriguing to researchers as Novgorod the Great”⁶². Despite Novgorod's exclusive position in the world historiography, Czech historians, with a few exceptions, hardly deal with this topic.

The whole study on Novgorod in the Czech academic sphere carries the sad prophecy of Karel Havlíček Borovský from 1852 about the missing sources, translations and literature, which enormously complicate the research. A clear example is an already mentioned fact that in 2022 we have a translation of only two Russian chronicles. Although the Czech society likes to claim a strong position against Russia, the historians focus mainly on modern history and do not pay much attention to the medieval period, in which it is necessary to look for the beginnings of all current problems. Czech historians would like to inform on what is happening *now*, but they often overlook that the answer to the question lies in the past.

In the chronological interpretation of Czech historiography about Novgorod, we come to the fact that the interest in Russian history comes in waves, followed by prolonged periods of silence and disinterest. This development reflects the political situation and the mood in society. The beginnings of the research are connected with the Pan-Slavic movement and the effort to know the history of the state, which was perceived by a part of the social elites as a role model. In the following decades, the Czechs turned to national issues and built their state, returning to Russia's medieval history to a greater extent only after World War II, which is also associated with a growing interest in the Russian and Slavic environment. However, the continuously developing research was again disrupted by political events that did not allow many historians to continue their scientific work. The new wave of research on Russia that continues to this day begins after the fall of the communist

⁶¹ The Galician–Volhynian Chronicle translation was published in 2010 by Jitka Komendová. It is the second and last of medieval Russian chronicles translated into Czech.

⁶² Halperin C. J. Novgorod and the “Novgorodian land” // Cahiers du Monde russe. 1999. No. 40/3. P. 345.

regime in the 1990s. Russian history arouses interest, but it reflects an effort to distance itself from the Eastern Bloc and brings a rather cautious and critical view. The preferred topics are the current situation in Russia, its development in the 20th century and also the history of Czech-Russian relations, to which, unfortunately, Novgorod and its history do not fit because of missing connections.

Since the first work on Russian history by Josef Perwolf, the source base used by Czech historians has expanded considerably, and at present no significant qualitative differences can be seen between the Czech and Russian environments. However, this situation was preceded by a long period, during which information about the latest discoveries reached Czech historians very slowly and with a long delay. The discovery of birch bark letters was processed with a pause of almost thirty years. The reasons for this late elaboration are similar to the reasons for the low interest in Russian history in general: first of all, it is restricted entry to Russian archives, lack of professional literature, and limited access to it and its translations.

During the three centuries of research about Novgorod history, we can trace certain changes in the choice of form and reflected themes. The first works in which Novgorod appears were published in the second half of the 19th century. In these publications, Novgorod emerges as an integral part of Russian medieval history, as a part of a larger historical and territorial unit. Specialized publications devoted only to Novgorod's history appear sporadically only in the 21st century and all of them have a form of a study. The first publication about Novgorod are general syntheses about the history of Russia, this form still remains widespread among Czech historians and it is one of the key ways of describing the Russian past. Next to this traditional variant, there are studies about political history, especially about the 15th and 16th centuries, which are popular in recent decades.

Recently, it is also possible to outline the inclination towards hagiography and source studies in the publications of Jitka Komendová. However, most of the Czech works published in the 21st century about Novgorod often remain unfollowed, the authors do not continue their research and return to their main spheres of interest. Although the view of Russian history is evolving and developing, we cannot talk about a systematic elaboration of Novgorod history, but rather individual isolated works. Despite this unfortunate picture, the situation in Czech science is generally changing for the better and Novgorod stands as a promising area of interest. As recent publications by Michal Řoutil, Pavel Smrž and Jitka Komendová show, Czech historians are gradually revealing parallels between the Novgorod and Czech states and find more common in its struggle for freedom against a stronger rival than it might seem at first glance. The study of Novgorod history is thus stimulating for understanding our own history.

Информация о статье

Статья подготовлена при финансовой поддержке Университета имени Масарика в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Lidé a země v dějinách střední Evropy [Люди и земля в истории центральной Европы]», № MUNI/A/1459/2021.

Автор: Вysloužilová Дагмар Любомировна – аспирант, научный сотрудник Института истории Университета имени Масарика, Брно, Чехия; ORCID: 0000-0002-0822-7782, SPIN-код: 5243-2644; e-mail: vyslouzilova@phil.muni.cz

Заголовок: «Мечтаю писать о возникновении и расцвете Древней Руси»: к вопросу об изучении Великого Новгорода в чешской историографии

Аннотация: Анализ чешской историографии показывает, что изучение новгородской истории в разные периоды развития Чешского государства было неравномерным, т.к. во многом на исследовательский интерес оказывали воздействие социально-политические события в Чехии и настроения в обществе. Несмотря на традиционные отношения со славянскими государствами и длительные дипломатические связи, первые научные труды по истории России появились на чешском языке только во второй половине XIX в. Помимо минувших политических событий, на проблематику исследований, а также на места искаженную трактовку новгородской истории, влиял ограниченный доступ к научной литературе и отсутствие переводов исторических источников как таковых. В связи с чем, в данной статье автор представил детальный обзор чешской историографии, посвященной истории Великого Новгорода, с выделением наиболее перспективных векторов для чешской науки в настоящее время. Были изучены вопросы использованной источниковой базы чешских историков к проблематике Великого Новгорода и ее изменений в период с XIX в. до наших дней. Внимание также уделялось тематической дифференциации чешской новгородистики, прошедшей путь от общего синтеза по истории России к профильным статьям о конкретной теме. Анализируя предмет изучения чешских историков, можно выделить направления, в рамках которых изучаются политические связи Новгорода, дипломатика и отдельные зачатки рассмотрений социальной структуры. Вопреки редкому отражению новгородской истории в трудах чешских историков, данная тема представляет перспективное направление, т. к. наблюдаются исторические параллели между Новгородом и Чехией.

Ключевые слова: чешская историография, Великий Новгород, панславизм, чешско-русские взаимоотношения, средние века

Библиографический список

- Dvořák, L. Josef Perwolf. Studie s ukázkami z díla. Praha: Melantrich Publ., 1972. 282 p.
- Halperin, Ch. J. Novgorod and the "Novgorodian land" // *Cahiers du Monde russe*. 1999. No. 40/3. P. 345–364.
- Havlíček Borovský, K. Obrazy z Rus. Brno: Tribun EU Publ., 2008. 116 p.
- Komendová, J. Mocenské struktury a jejich legitimizace na Rusi ve 14. Století // *Jedno slunce na nebi, jeden vládce na zemi: legitimita moci ve světě 14. století*. Praha: Academia Publ., 2017. Pp. 526–548.
- Komendová, J. Světec a šaman. Praha: Argo Publ., 2011. 208 p.
- Komendová, J.; Řoutil, M. Odкрývání středověkého Novgorodu. Rozhovor s Valentinem Lavrentjevičem Janinem o unikátních objevech a současné ruské archeologii // *Dějiny a současnost. Kulturně historická revue*. 2008. No. 30. Pp. 18–20.
- Kutnar, F.; Marek, J. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví. Praha: Nakladatelství Lidové noviny Publ, 2007. 1088 p.
- Lenderová, M.; Macková, M.; Jiránek, T. Z dějin české každodennosti: Život v 19. století. Praha: Karolinum Publ., 2013. 430 p.
- Macůrek, J. Dějiny východních Slovanů I. Praha: Melantrich Publ., 1947. 284 p.
- Perwolf, J. Přehled historie národu ruského. Praha: Self-published, 1868. 190 p.
- Píč, J. L. Dějiny ruského národu. Praha: Matice česká Publ., 1889. 284 p.
- Příhoda, M. Vyprávění o pádu Novgorodu // *Rýžoviště zlata a doly drahokamů. Sborník pro Václava Huňáčka*. Červený Kostelec: Pavel Mervart Publ, 2006. Pp. 316–335.
- Řeháček, L. Novgorodské gramoty na březové kůře // *Slovanský přehled*. 1958. No. 44. Pp. 363–364.
- Smrž, P. Livonský stát a Moskevská Rus na přelomu 15. a 16. století. Dissertation theses. Supervised by Assoc. Prof. Danuše Picková. Faculty of Philosophy. Charles University. Praha: Karlova univerzita Publ, 2006. 139 p.
- Šťastný, V. Slovanství v národním životě Čechů a Slováků. Praha: Melantrich Publ., 1968. 500 p.
- Švankmajer, M. et al. Dějiny Ruska. Praha: Nakladatelství Lidové noviny Publ., 1995. 474 p.
- Švankmajer, M. et al. Dějiny Svazu sovětských socialistických republik. Díl 1. Dějiny Ruska. Praha: Academia Publ., 1967. 424 p.
- Quis, L. Korrespondence Karla Havlíčka. Praha: Bursík a Kohout Publ., 1903. 866 p.
- Vlček, R. Proč hledíme s despektem na ruské a sovětské dějiny? // *X. sjezd českých historiků: Ostrava, 14. – 16. 9.2011*. Ostrava: Universitas Ostraviensis, Facultas Philosophica Publ., 2017. Pp. 30–52.
- Vlček, R. Ruský panslavismus – realita a fikce. Praha: Historický ústav AV ČR Publ., 2002. 291 p.
- Vorel, P.; Pánek, J. Lexikon současných českých historiků. Praha: Historický ústav AV ČR Publ., 1999. 373 p.
- Vydra, Z. et al. Dějiny Ruska. Praha: Nakladatelství Lidové noviny Publ., 2017. 499 p.
- Zapletalová, O. Příspěvek k poznání dětského světa ve středověkém Novgorodě // *Děti ve velkoměstech od středověku až na práh industriální doby*. Praha: Scriptorium Publ., 2012. Pp. 119–138.

Information about the article

This article was prepared with the financial support of Masaryk University as a part of the research project "Lidé a země v dějinách střední Evropy [People and Land in the History of Central Europe]", no. MUNI/A/1459/2021.

Author: Vysloužilová Dagmar— postgraduate student and researcher of the Department of History, Masaryk University, Brno, the Czech Republic; ORCID: 0000-0002-0822-7782, SPIN-code: 5243-2644; e-mail: vyslouzilova@phil.muni.cz

Title: "I dream of writing about the origin and rise of Ancient Russia": Researching Novgorod the Great in Czech historiography

Abstract: An analysis of Czech historiography shows that the study of Novgorod history in different periods of the development of the Czech state was uneven because to a large extent, the research interest was influenced by socio-political events in the Czech Republic and attitudes in society. Despite traditional relations with the Slavic states and long diplomatic ties, the first scientific works on the history of Russia appeared in Czech historiography only in the second half of the 19th century. In addition to past political events, limited access to scientific literature and the lack of translations of historical sources influenced the problems of research, as well as the sometimes-distorted interpretation of Novgorod history. In this connection, the author presented a detailed review of Czech historiography dedicated to the history of Veliky Novgorod, highlighting the most promising vectors for Czech science at present. The issues of the source base of Czech historians about the problems of Veliky Novgorod and its changes in the period from the 19th century to the present days were also studied. Further research was also connected with the thematic differentiation of Czech Novgorod studies, which developed from a general synthesis on the history of Russia to specialized articles. Analysing the subject of study of Czech historians, studies about the political relations of Novgorod, diplomacy, and some hints about researching the social structure can be pointed out. Despite the not very strong reflection of Novgorod history in the works of Czech historians, this topic represents a promising way since many historical parallels between Novgorod and the Czech Republic can be found.

Keywords: Czech historiography, Veliky Novgorod, Czech-Russian relations, Pan-Slavism, Middle Ages

References

- Dvořák, L. Josef Perwolf. Studie s ukázkami z díla [Josef Perwolf. Studies with excerpts from the work]. Prague: Melantrich Publ., 1972. 282 p. (in Czech)
- Halperin, Ch. J. Novgorod and the "Novgorodian land". Cahiers du Monde russe, 1999, no. 40/3, pp. 345–364.
- Havlíček Borovský, K. Obrazy z Rus [Pictures from Russia]. Brno: Tribun EU Publ., 2008. 116 p. (in Czech)
- Komendová, J. Mocenské struktury a jejich legitimizace na Rusi ve 14. století [Power structures and their legitimacy in Russia in the 14th century], in: Beránek, O., Cermanová, P., Hrubý, J.: Jedno slunce na nebi, jeden vládce na zemi: legitimita moci ve světě 14. století. Prague: Academia Publ., 2017, pp. 526–548. (in Czech)
- Komendová, J. Světec a šaman [Saint and shaman]. Prague: Argo Publ., 2011. 208 p. (in Czech)
- Komendová, J.; Řoutil, M. Odkrývání středověkého Novgorodu. Rozhovor s Valentinem Lavrentjevičem Janinem o unikátních objevech a současné ruské archeologii [Discovering medieval Novgorod. Interview with Valentin Lavrentyevich Yanin about unique discoveries and contemporary Russian archeology]. Dějiny a současnost. Kulturně historická revue, 2008, no. 30, pp. 18–20. (in Czech)
- Kutnar, F.; Marek, J. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepiscetví [General history of Czech and Slovak historiography]. Prague: Nakladatelství Lidové noviny Publ., 2007. 1088 p. (in Czech)
- Lenderová, M.; Macková, M.; Jiránek, T. Z dějin české každodennosti: Život v 19. století [From the history of Czech everyday life: life in the 19th century]. Prague: Karolinum Publ., 2013. 430 p. (in Czech)
- Macůrek, J. Dějiny východních Slovanů I [History of the eastern Slavs I]. Prague: Melantrich Publ., 1947. 284 p. (in Czech)
- Perwolf, J. Přehled historie národu ruského [Overview of the history of the Russian nation]. Prague: Self-published, 1868. 190 p. (in Czech)
- Píč, J. L. Dějiny ruského národu [History of the Russian nation]. Prague: Matice česká Publ., 1889. 284 p. (in Czech)
- Příhoda, M. Vyprávění o pádu Novgorodu [Narrative of the Fall of Novgorod]. Lendělová, V., Řoutil, M.: Rýžoviště zlata a doly drahokamů. Sborník pro Václava Huňáčka. Červený Kostelec: Pavel Mervart Publ., 2006, pp. 316–335. (in Czech)
- Řeháček, L. Novgorodské gramoty na březové kůře [Novgorodian birch bark letters]. Slovanský přehled, 1958, no. 44, pp. 363–364. (in Czech)
- Smrž, P. Livonský stát a Moskevská Rus na přelomu 15. a 16. století [Livonia and the Moscow Russia on the break of 15th and 16th century]. Dissertation theses. Supervised by Assoc. Prof. Danuše Picková. Faculty of Philosophy. Charles University. Prague: Karlova univerzita Publ., 2006. 139 p. (in Czech)

- Šťastný, V. Slovanství v národním životě Čechů a Slováků [Slavism in the national life of Czechs and Slovaks]. Prague: Melantrich Publ., 1968. 500 p. (in Czech)
- Švankmajer, M. et al. Dějiny Ruska [History of Russia]. Prague: Nakladatelství Lidové noviny Publ., 1995. 474 p. (in Czech)
- Švankmajer, M. et al. Dějiny Svazu sovětských socialistických republik. Díl 1. Dějiny Ruska. [History of the USSR. Part 1. History of Russia]. Prague: Academia Publ., 1967. 424 p. (in Czech)
- Quis, L. Korrespondence Karla Havlíčka [Correspondence of Karel Havlíček]. Prague: Bursík a Kohout Publ., 1903. 866 p. (in Czech)
- Vlček, R. Proč hledíme s despektem na ruské a sovětské dějiny? [Why do we look at the history of Russia with disrespect?], in: Zářický, A., Kadlec, P., Závodná, M.: X. sjezd českých historiků: Ostrava, 14. – 16. 9.2011. Ostrava: Universitas Ostraviensis, Facultas Philosophica Publ., 2017, pp. 30–52. (in Czech)
- Vlček, R. Ruský panslavismus – realita a fikce [Russian Pan-Slavism – Reality and Fiction]. Prague: Historický ústav AV ČR Publ., 2002. 291 p. (in Czech)
- Vorel, P.; Pánek, J. Lexikon současných českých historiků [Lexicon of contemporary Czech historians]. Prague, Historický ústav AV ČR Publ., 1999. 373 p. (in Czech)
- Vydra, Z. et al. Dějiny Ruska [History of Russia]. Prague: Nakladatelství Lidové noviny Publ., 2017. 499 p. (in Czech)
- Zapletalová, O. Příspěvek k poznání dětského světa ve středověkém Novgorodě [To the children's world in medieval Novgorod], in: Fejtová, O., Ledvinka, V., Pešek, J. Děti ve velkoměstech od středověku až na práh industriální doby. Prague: Scriptorium Publ., 2012, pp. 119–138. (in Czech)

Для цитирования статьи:

Выслоужилова Д. Л. «Мечтаю писать о возникновении и расцвете Древней Руси»: к вопросу об изучении Великого Новгорода в чешской историографии. *Caurus*. 2022. Т. 1. № 1. С. 62–75. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-62-75

For citation:

Vysloužilová D. "I dream of writing about the origin and rise of Ancient Russia": Researching Novgorod the Great in Czech historiography. *Caurus*. 2022. Vol. 1(1). P. 62–75. (in Czech) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-62-75

ИСТОЧНИКИ

УДК 930.25:94(430)041

ББК 79.36+63.3(4)4

DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-76-89

Т. Н. Таценко

МАНДАТ КОРОЛЯ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ МАКСИМИЛИАНА 1497 ГОДА ОБ ИМПЕРСКОЙ ОПАЛЕ ДАНЦИГА И ЭЛЬБИНГА ИЗ АРХИВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН: К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ ГАНЗЕЙСКИХ ГОРОДОВ С ИМПЕРИЕЙ

Введение

В Западноевропейской секции Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук под шифром 446/21 хранится подлинный печатный мандат короля Священной Римской империи Максимилиана от 5 июня 1497 года об имперской опале ганзейских городов Данцига и Эльбинга. Он происходит из коллекции Н. П. Лихачева (1862–1936), и был приобретен этим известным историком и собирателем до 1914 года в одном из немецких или австрийских антиквариатов.

Мандат относится к небольшой в указанном собрании группе подлинных печатных актов конца XV–XVI века императоров Священной Римской империи из рода Габсбургов. Он составлен от имени Максимилиана Габсбурга, правда, еще в ту пору, когда тот, уже наследовав в 1493 году отцу, императору Фридриху III, правил империей под именем римского короля и по формальным причинам был коронован позже, войдя затем в историю под именем императора Максимилиана I. Печатные мандаты были инструментом императорской власти и содержали указы, судебные решения, воззвания политического характера. По внешней форме они представляют собой наиболее распространенный тип однолистных печатных актов (Einblattdrucke) прямоугольной формы, размеры которых варьировались от очень больших – 80 x 60 см, до малых – 30 x 20 см.

В последние десятилетия оживился интерес историков к печатным актам начала Нового времени¹. Исследователи обращают особое внимание на коммуникативную составляющую этого важного средства массовой информации эпохи. Тиражированные с помощью печатного станка и адресованные потенциально безграничному кругу подданных, мандаты усилиями разветвленной службы гонцов императорской канцелярии доставлялись во все уголки империи, перепечатывались, развешивались в

¹ Einblattdrucke des 15. und frühen 16. Jahrhunderts. Probleme, Perspektiven, Fallstudien. Hrsg. von Volker Honemann, Sabine Griese, Falk Eisermann und Marcus Ostermann. Tübingen, 2000.

общественных местах, зачитывались на городских площадях и с церковных кафедр. Воля монарха доходила таким образом до громадного числа подданных, его власть приобретала поэтому несравненно большую действенность. Начиная с конца XV века, императоры активно использовали возможности печати для усиления действенности своей политики. Согласно новым исследованиям тиражи их указов порой измерялись тысячами².

Анализируя печатные акты как средства коммуникативного воздействия, современные исследователи стремятся уделять особое внимание тщательному рассмотрению исторического контекста источника, его автора, круга потенциальных адресатов, раскрывать планируемое воздействие мандата на адресатов и способы достижения желаемого результата. При этом важным является выявление стратегий в достижении убедительности текста, в том числе посредством изображения рисков в случае возможного отказа потенциальных адресатов следовать требованиям или призывам печатного мандата. Большое значение в анализе приобретает стилистическая окраска языка источника, его эмоциональный настрой, образный ряд, метафоры³.

Внешние характеристики мандата 446/21

Рассматриваемый мандат исполнен на почти квадратном листе плотной грубоватой бумаги величиной 28,3 x 27,3 см. (см. рис. 1). Пожелтевшая бумага немного поистерлась и слежалась на сгибах, отчего некоторые элементы букв в этих местах повреждены, что, впрочем, не мешает чтению текста. Печать, как всегда в однолистных мандатах, предназначенных для публичного представления, покрывает только одну сторону листа. Расположенные по ширине и убористо заполняющие лист 38 строк напечатаны единым блоком без отступов.

Использован характерный для печатных изданий того времени шрифт верхнерейнской бастарды, в котором черты книжной готики смягчены приметами курсива, к которым относятся широкие пропорции корпусных букв, заметная округлость их дугообразных элементов, верхние петли в некоторых формах букв h, k, курсивная плавность верхней дуги D. Вместе с тем в бастарде сохраняется прямое и статичное положение письма, заостренность и так называемые «треугольники» на конце вертикалей в буквах r, u, n. Выносные вертикали длинных f, s имеют небольшую длину и, несмотря на узость междустрочного пространства, не затрагивают буквы следующей строки, не нарушая ясность картины письма. Текст читается легко. Мандат написан на ранненововерхненемецком языке.

² *Noflatscher H.* Räte und Herrscher. Politische Eliten an den Habsburgerhöfen der österreichischen Länder 1480–1530 // Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1999. Bd. 161. S. 314.

³ *Riedmannner T.* „den fliegenden maren zeglauben kein ursach sîe“ – Das Mandat Maximilians I. vom 22. April 1499 in seiner propagandistischen Dimension // *historia.scribere*. 2019. Bd. 11. S. 177–212.

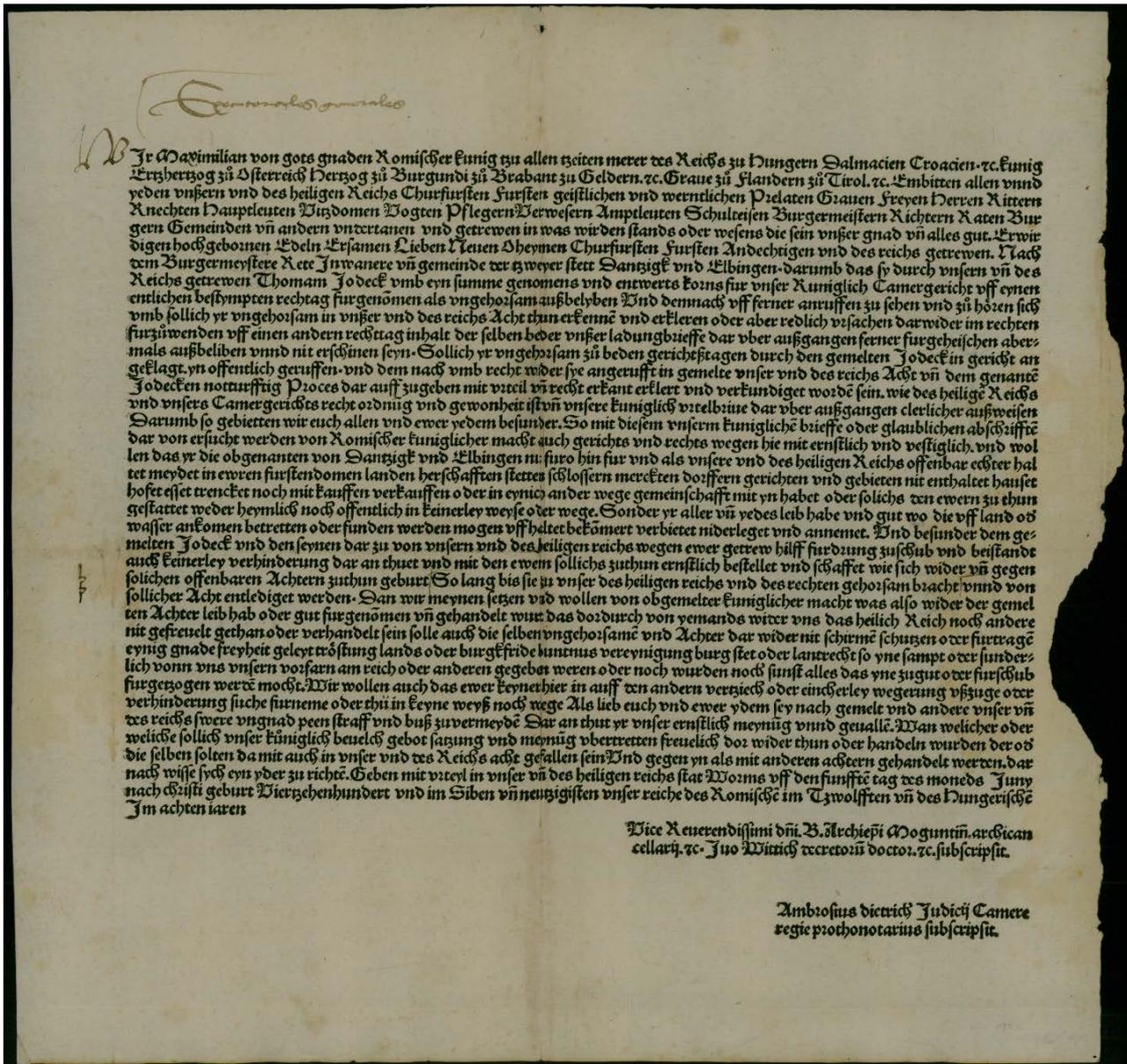

Рис. 1. Мандат короля Священной Римской империи Максимилиана об имперской опале Данцига и Эльбинга. Вормс, 5 июня 1497 г. Архив СПбИИ РАН 446/21.

Транскрипция текста мандата

Транскрипция передает текст буквально: сохраняется пунктуация оригинала и практика применения больших букв, а также форм *v* и *u*, которые употреблялись в зависимости от положения в слове: форма *v* – для букв *u* / *v* в начале слова, а форма *u* – для каждой из этих букв в середине слова.

Раскрыты по умолчанию встречающиеся в тексте стандартные сокращения: обрывы *-d*, *-en*, *-er* в конце слов, например *vn(d)*, *od(er)*, пропуск согласных *t* и *n*. В оригинале текста на сокращение всегда указывает горизонтальный штришок над

предыдущей к сокращению буквой. Окончание каждой строки отмечено в транскрипции вертикальным штрихом.

Wir Maximilian von gots gnaden Romischer Kunig zu allen zeiten merer des Reichs zu Hungern Dalmacien Croacien . etc . kunig | Erzherzog zu Osterreich Herzog zu Burgundi zu Brabant zu Geldern . etc . Graue zu Flandern zu Tirol . etc . Embitten allen vnnd | yeden vnßern vnd des heiligen Reichs Churfürsten Fursten geistlichen vnd werntlichen Prelaten Grauen Freyen Herren Rittern | Knechten Hauptleuten Vitzdomen Vorgten Pflegern Verwesern Amptleuten Schulteisen Burgermeistern Richtern Raten Bur | gern Gemeinden vnd andern vndertanen vnd getrewen in was wir den stands oder wesens die sein vnßer gnad vnd alles gut. Erwir | digen hoch gebornen Edeln Ersamen Lieben Neuen Oheyen Churfursten Fursten Andechtigen vnd des reichs getrewen. Nach | dem Burgermeystere Rete Inwanere vnd gemeinde der zweyer stet Danzigk vnd Elbingen . darumb das sy durch vnsern vnd des | Reichs getrewen Thoman Jodeck vmb eyn summe genomens vnd entwerts korns fur vnser Kuniglich Camergericht vff eynen | entlichen bestympten rechtag furgenommen als vngehorsam außbelyben Vnd demnach vff ferner anruffen zu sehen vnd zu horen sich | vmb sollich yr vngehorsam in vnßer vnd des reichs Acht thun erkennen vnd erkleren oder aber redlich vrsachen darwider im rechten | furzuwenden vff einen andern rechttag inhalt der selben beder vnßer ladungbrieffe dar vber außgangen ferner furgeheischen aber | mals außbeliben vnnd nit erschinen sein . Sollich yr vngehorsam zu beden gerichtstagen durch den gemelten Jodeck in gericht an | geklagt. yn offentlich geruffen . vnd dem nach vmb recht wider sye angerufft in gemelte vnser vnd des reichs Acht vnd dem genanten | Jodecken notturfftig Proces dar auff zugeben mit vrteil vnd recht erkant erklet vnd verkundiget worden sein. wie des heiligen Reichs | vnd vnser Camergerichts recht ordnung vnd gewonheit ist vnd vnser kuniglich vrteilbriue dar vber außgangen clerlicher außweisen | Darumb so gebietten wir euch allen vnd ewer yedem besunder. So mit diesem vnserm kuniglichen brieffe oder glaublichen abschrifften | dar von ersucht werden von Romischer kuniglicher macht auch gericht vnd rechts wegen hie mit ernstlich vnd vestiglich. vnd wol | len das yr die obgenanten von Danzigk vnd Elbingen nu furo hin fur vnd als vnser vnd des heiligen Reichs offenbar echter hal | tet meydet in ewren furstendomen landen herschafften stetten schlossern merckten dorffern gericht vnd gebieten nit enthaltet hauset | hofet esset trencket noch mit kauffen verkauffen oder in eynich ander wege gemeinschafft mit yn habet oder solichs den ewern zu thun | gestattet weder hymlich noch offentlich in keinerley weyse oder wege. Sonder yr aller vnd yedes leib habe vnd gut wo die vff land oder | wasser ankomen betretten oder funden werden mogen vff haltet bekommert verbietet niderleget vnd annemet. Vnd besunder dem ge | melten Jodeck vnd den seynen dar zu von vnsern vnd des heiligen reichs wegen ewer getrew hilff furdrung zuschub vnd beistande | auch keinerley verhinderung dar an thuet vnd mit den ewern sollichs zuthun ernstlich bestellet vnd schaffet wie sich wider vn[d] gegen | solchen offenbaren Achtern zuthun geburt So lang bis sie zu vnser des heiligen reichs vnd des rechten gehorsam bracht vnnd von | sollicher Acht entlediget werden. Dan wir meynen setzen vnd wollen von obgelmelter kuniglicher macht was also wider der gemel | ten Achter leib hab oder gut furgenom[m]en vnd gehandelt wurt das dordurch von yemands wider vns das heilich Reich noch andere | nit gefreuel gethan oder verhandelt sein solle auch die selben

vngehorsamen vnd Achter dar wider nit schirmen schutzen oder furtragen | eynig gnade freyheit geleyt troestung lands oder burgkfride buntnus vereynigung burg stet oder lantrecht so yne sampt oder sunder | lich vonn vns vnsern vorfarn am reich oder anderen gegeben weren oder noch wurden noch sunst alles das yne zugut oder furschub | furgetzogen werden mocht. Wir wollen auch das ewer keyner hier in auff den andern vertziech oder eincherley wegerung vßzuge oder | verhinderung suche furneme oder thu in keyne weyß noch wege Als lieb euch vnd ewer ydem sey nach gemelt vnd andere vnser vnd | des reichs swere vngnad peen straff vnd buß zuvermeyden Dar an thut yr vnser ernstlich meynung vnnnd geuallen. Wan welicher oder | weliche sollich vnser kuniglich beuelch gebot satzung vnd meynung vbertretten freuelich dor wider thun oder handeln wurden der oder | die selben solten da mit auch in vnser vnd des Reichs acht gefallen sein Vnd gegen yn als mit anderen achtern gehandelt werden. dar | nach wisse sych eyn yeder zu richten. Geben mit vrteyl in vnser vnd des heiligen reichs stat Worms vff den funfften tag des moneds Juny | nach christi geburt Vierzehenhundert vnd im Siben vnd neutzigisten vnser reiche des Romischen im Tzwoelfften vnd des Hungerischen | Jm achten iaren

Vice Reuerendissimi domini. Berchtoldi Archiepiscopi Moguntinensis
archicancellarij.etc. Iuo Wittich decretorum doctor.etc.subscripsit.
Ambrosius dietrich Judicij Camere
regie prothonotarius subscripsit.

Перевод текста мандата

При переводе текста мандата на русский язык приоритетом была предельная точность в передаче смысла. В некоторых случаях в интересах смысловой четкости приходилось приспособлять сложные синтаксические конструкции XV в. к правилам русского языка. Квадратные скобки в русском тексте содержат пояснительные слова переводчика.

Мы, Максимилиан, Божией милостью Римский король, на все времена приумножитель империи, Венгрии, Далмации, Хорватии и проч., король, эрцгерцог Австрийский, герцог Бургундский, Брабантский, Гельдерна и проч., граф Фландрии и Тироля и проч. Объявляем всем и каждому нашу милость и благорасположение: нашим и Священной империи курфюрстам, князьям, духовным и светским прелатам, графам, баронам, рыцарям, воинам, полковникам, управляющим различных административных образований, бургомистрам, судьям, ратманам, горожанам, общинам и другим подданным и верным, какого бы звания и положения они ни были. Досточтимые, высокородные, благородные, почтенные, любезные сродники, курфюрсты, князья, благочестивые и империи верные. Поскольку бургомистры, ратманы, жители и общины двух городов Данцига и Эльбинга, проявив неповиновение, не явились на назначенное судебное заседание, инициированное в нашем суде королевской палаты нашим и империи верноподданным Томасом Йодеком по поводу задержанных и конфискованных у него [названными двумя городами] грузов с зерном и затем, невзирая на дальнейшие призывы, снова уклонились и не прибыли на другое судебное заседание по этому вопросу, чтобы по

справедливости ответить или предъявить убедительные доводы против этого [обвинения], несмотря на угрозу нашей и империи опалы. Из-за этого их своевольного игнорирования двух судебных заседаний упомянутый Йодек публично возбудил против них судебный иск, и в соответствии с этим по праву в результате инициированного Йодеком судебного процесса в отношении них была вынесена, объявлена и провозглашена имперская опала в соответствии с правом, установлениями и обычаем Священной империи и нашего суда [королевской] палаты, о чем ясно свидетельствуют наши изданные королевские обвинительные приговоры. Посему повелеваем мы строго и твердо всем вам и каждому в отдельности этим нашим королевским мандатом или достоверными списками с него, Римской королевской властью, равно как и силою права и суда, чтобы вы в ваших землях относились к представителям вышеназванных Данцига и Эльбинга как к находящимся в нашей и Священной империи опале, а именно уклонялись бы от контактов с ними и не давали бы им приюта в ваших княжествах, землях, владениях, городах замках, местечках, деревнях и округах, домах и подворьях, не снабжали бы их едой и питьем, не торговали бы и не вели никаких дел с ними, и не позволяли никому этого делать тайно или явно. Напротив, все вы и каждый в отдельности должны задерживать, брать в залог, облагать выплатами, накладывать контрибуцию, пленять любого представителя или имущество этих городов, где бы вы их ни встретили – на земле или воде. А упомянутому Йодеку и его людям при этом ради нас и Священной империи особенно оказывайте вашу верную помощь, поддержку, подкрепление и содействие, но отнюдь не противодействие, и строго наставляйте ваших людей как следует поступать против публично названных опальных до тех пор, пока они не подчинятся нашему и Священной империи закону и не будут освобождены от опалы. Также мы приказываем, устанавливаем и желаем силою выше помянутой королевской власти, что то, что против упомянутых опальных, в отношении их личности, имущества или состояния предпринимается и делается, не должно никем наносить вред нам, Священной империи и прочим; также не должно этих непокорных опальных защищать, поддерживать, оказывать им милость, обеспечивать свободу, сопровождение или примиряться с ними, заключать союз, объединение, давать им пользоваться местными правами, которые им или кому-то лично из них были пожалованы нами, нашими предками в империи или другими, то есть [не позволять пользоваться] всем прочим, что может им пойти на пользу. Желаем также, чтобы никто из ваших здесь в этом отношении никоим образом не предпринимал попытки затягивания этих мер, уклонения от них, препятствия им, если желаете все или каждый из вас избежать нашей и империи тяжелой немилости, штрафов и наказания. Сим исполните наше строгое повеление и желание. Если же кто этот наш королевский приказ, распоряжение, закон и повеление преступно нарушит или будет действовать и поступать ему вопреки, таковой или такие будут также подвергнуты имперской опале, и с ними поступят как с подобными опальными преступниками. В соответствии с этим [вышеизложенным] пусть каждый из вас поступает. Дано согласно [судебному] приговору в нашем и Священной империи городе Вормсе, в день пятый месяца июня, в год от Рождества Христова тысяча четыреста девяносто седьмой, нашего правления Римской [империей] в год двенадцатый, Венгерского [правления] – в восьмой.

Заместитель эрцканцлера,
Досточтимейшего господина архиепископа Майнцкого и проч.
Иво Виттих, доктор канонического права и проч. подписал
Амброзий Дитрих суда королевской палаты протонотарий подписал.

Композиция / формуляр документа

В самом тексте документ назван «нашим королевским мандатом (*vnser kuniglichen brieff*)», а также «нашим королевским приказом, распоряжением, законом и повелением (*vnser kuniglich beuelch gebot satzung vnd meynung*)». Он составлен в императорской канцелярии по каноническому для эпохи Средневековья и начала Нового времени формуляру монархических указов с употреблением типичных языковых выражений и оборотов⁴. Составные элементы этой композиции никак не выделены зримо в сплошном тексте мандата, но легко выделяются по смыслу и языковым выражениям. Это:

1. Intitulatio или титул волеизъявителя, начинающаяся с личного местоимения в первом лице множественного числа с девотивной формулой «Божией милостью». Хотя Максимилиан выступает здесь под именем римского короля, но интитуляция обладает всеми признаками императорской, указывает, что речь идет о правителе империи. Об этом свидетельствует не только список владений, пусть и сокращенный, но, главным образом, присущее императорской интитуляции выражение «всегда приумножитель империи».

2. Приветствие (*Salutatio*) к адресатам мандата, которое состоит из выражения милости и благорасположении к потенциальным адресатам мандата, а также обращения к ним. В первом из этих элементов применяется типичная для подобного рода документов языковая конструкция, представляющая собой длинную фразу, начинающуюся словами *Embitten allen vnnd yeden ...* и заканчивающаяся дополнением *... vnßer gnad vnd alles gut*. Внутри этого объемного оборота в три длинных строки мандата заключено перечисление всех основных сословий империи от курфюрстов до крестьян, но и это не предел: безграничность круга адресатов мандата подчеркивается завершающими перечисление словами: «и другим подданным и верным, какого бы звания и положения они ни были».

Второй элемент приветствия – обращение к адресатам – короткое, но емкое и многозначительное, оно традиционно содержит принятые определения, точно соответствующие сословному статусу выше перечисленных адресатов.

Так понятия «досточтимые, высокородные (*Erwirdigen hoch gebornen*)» относятся к князьям и титулованной знати, к ним же обращены эпитеты «сродники (*Neuen Oheymen*)». Последние – дословно «племянники и дядья» – не подразумевают кровного родства, но лишь подчеркивают принадлежность князей и императора к одному, высшему сословию империи. Определение «благородные (*Edeln*)» адресовано представителям дворянства, «благочестивые (*Andechtigen*)» – лицам

⁴ *Kloosterhuis J. Amtliche Aktenkunde der Neuzeit. Ein hilfswissenschaftliches Kompendium // Archiv für Diplomatik Schriftgeschichte Siegel-und Wappenkunde. Köln; Weimar; Wien, 1999. Bd 45. S. 490–492.*

духовного звания. Обращение «почтенные (*Ersamen*)» всегда относится к горожанам из слоя городского патрициата. Наконец, понятия «любезные (*Lieben*)» и «империи верные (*des reichs getrewen*)» носят собирательный характер и относятся ко всем названным и подразумевающимся адресатам мандата⁵.

3. Следующая часть формуляра – *Narratio* – посвящена изложению предмета, дела, вызвавшего появление мандата. Она вводится обычным для этого места словом *Nachdem* (поскольку, после того как). Представители городов Данцига и Эльбинга дважды не явились по вызову на заседание суда королевской палаты, посвященного разбирательству жалобы подданного империи Томаса Йодека по поводу конфискации у него названными городами грузов с зерном. По решению суда по иску Йодека правитель империи, римский король Максимилиан, объявил Данциг и Эльбинг в имперскую опалу.

4. Распоряжение (*Dispositio*) проистекает из предыдущей части и нередко вводится оборотом как в рассматриваемом мандате: *Darumb so gebietten wir euch...* (Посему повелеваем мы вам...). Распоряжение является не только самой объемной, но и самой значимой частью мандата. В ней сформулированы требования главы империи к подданным как должно повсюду поступать в отношении опальных городов Данцига и Эльбинга. Категорически запрещается вступать в контакты с их представителями, давать им кров и пищу, торговать и завязывать с ними деловые отношения. Напротив, следует при встрече задерживать таковых, арестовывать и конфисковывать их имущество и товары и притом не позволять поступать иначе другим. Противящиеся исполнению указа или затягивающие его меры должны быть подвергнуты штрафам и наказанию.

5. *Sanctio* традиционно содержит угрозы за неисполнение требований указа: тем, кто привечает опальные Данциг и Эльбллинг, самим грозит имперская опала. Очень употребительная в указах формула подытоживает текст мандата: «В соответствии с этим [вышеизложенным] пусть каждый из вас поступает (*darnach wisse sych eyn yeder zu richten*).

Мандат датирован 5 июня 1497 г. Наряду с календарной датой указаны, как всегда в императорских актах, годы правления волеизъявителя империей и Венгерским королевством. Мандат издан в Вормсе, где тогда заседал суд королевской (имперской) палаты, в котором рассматривалось дело Томаса Йодека против Данцига и Эльбллинга. Примечательно, что мандат подписан представителем эрцканцлера империи в имперском суде, известным ученым юристом Иво Виттихом, а также Амброзием Дитрихом, протонотарием имперского суда. Имя эрцканцлера, архиепископа Бертольда Майнцского, приведено не случайно, ибо он, глава императорской канцелярии, своим именем придавал легитимность составленным от имени главы империи актам. Обе подписи не рукописные, а печатные.

Уместно отметить, что рассматриваемый мандат относится к редким экземплярам однолистных памятников ранней печати. Он не учтен в новейшем фундаментальном научном реестре однолистных памятников печати XV в., изданных

⁵ *Meisner H. O. Archivalienkunde vom 16. bis 1918. Göttingen, 1969. S. 223.*

в пределах Священной Римской империи германской нации⁶. Единственный подобный экземпляр находится в рукописном собрании Государственной и университетской библиотеки Бремена⁷.

Исторический контекст мандата

В XV веке ганзейские города Данциг (ныне Гданьск) и Эльбинг (ныне Эльблонг), о которых идет речь в мандате, были крупнейшими перевалочными пунктами в торговле зерном из центральной Европы на южном побережье Балтийского моря. Их несравненное в этом регионе богатство и процветание питало стремление городов к освобождению от всякой внешней зависимости. Немецкий орден был территориальным государем Данцига и Эльбинга. Свою юрисдикцию над ними пытались утвердить и императоры Священной Римской империи, основываясь на спорном утверждении о том, что земли Западной Пруссии, в пределах которых лежали оба города, некогда были имперским леном⁸. Во всяком случае Данциг и Эльбинг как «вольные имперские города» были включены в имперские матрикулы, и императоры Фридрих III (1440–1493) и Максимилиан I (1493–1519) неоднократно, но безрезультатно приглашали их представителей на рейхстаги и делали попытки склонить богатые ганзейские города к выплате имперских налогов.

В процессе так называемой Тринадцатилетней войны между орденом и Польшей (1454-1466) за господство в Западной Пруссии, в которой Данциг и Эльбинг поддерживали Польшу, им удалось освободиться из-под власти ордена и перейти под покровительство польского короля Казимира II (1447–1492). За немаловажную финансовую поддержку в войне король пожаловал ганзейским городам щедрые привилегии, практически превратившие их в автономные города-государства. Так, «Великая привилегия» 1457 года даровала Данцигу право на независимый суд, освобождение от таможенных пошлин и других сборов, собственные вооруженные отряды⁹. Казимир II и его преемник Иоганн Альбрехт (1492–1501) защищали Данциг и Эльбинг от посягательств империи подчинить их своей юрисдикции.

Мандат 1497 года из архива СПбИИ РАН позволяет увидеть реальный эпизод из истории отношений империи к двум западнопрусским ганзейским городам. Из мандата мы узнаем, что представители Данцига и Эльбинга в лице, например, «бургомистров, ратманов, жителей» дважды не явились по вызову суда королевской палаты в качестве ответчиков по частнопрововому иску, несмотря на угрозу имперской опалы. Речь идет об имперском суде, основанном в 1495 году правителем империи Максимилианом в русле имперских реформ. Его главной задачей было стать инструментом для решения острых конфликтов между имперскими сословиями

⁶ *Eisermann F.* Verzeichnis der typographischen Einblattdrucke des 15. Jahrhunderts im Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation. Bd III. Katalog E –Z. Wiesbaden, 2004.

⁷ *Stahl I.* Katalog der Mittelalterlichen Handschriften der Staats- und Universitätsbibliothek Bremen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. S. 34, msa 0043, 122r–123v.

⁸ *Hoffmann E.* Danzigs Verhältnis zum Deutschen Reich in den Jahren 1466–1526 // Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins. 1911. Bd. 53. S. 3–4.

⁹ *Loew P. O.* Danzig. Biographie einer Stadt. München, 2011. S. 66-67.

посредством права и суда, а не кровавых междоусобиц¹⁰. Вместе с тем он был призван быть инструментом контроля и принимать жалобы подданных на бездействие судов нижних инстанций в империи¹¹.

Вероятно, это обстоятельство заставило обратиться Томаса Йодека в имперский суд. Из мандата 1497 года можно узнать совсем немного: речь идет о его жалобе в имперский суд на Данциг и Эльбинг «по поводу задержанных и конфискованных у него [названными двумя городами] грузов с зерном». Из других источников известно, что история Йодека произошла за много лет до издания мандата. В 1483 году подданный империи, Томас Йодек из Фрейбурга в Брейсгау, на крайнем юго-западе Германских земель, купил в Мазовии 600 ластов¹² пшеницы, которые на судах были направлены вниз по Висле, чтобы через порты, контролируемые Данцигом и Эльбингом, быть доставленными конечным потребителям. Грузы были, однако, задержаны властями двух названных городов и конфискованы из-за решения на последнем съезде западнопрусских сословий о запрете вывоза зерна за границу для предотвращения его вздорожания на внутреннем рынке, а также вследствие претензий кредиторов Йодека в Данциге¹³.

Очевидно, поэтому Йодек прямо не обратился в суд Данцига, но попытался воздействовать на город посредством заступничества некоторых северогерманских князей и датского короля, с которыми, по-видимому, имел деловые контакты. Так, известно письмо Иоганна Датского от 5 ноября 1483 года к властям Данцига, которых он просит возместить Йодеку потери конфискованной и проданной пшеницы в размере 8000 гульденов, указывая на незаконность ареста грузов на Висле в нарушение указа польского короля о свободе водных путей¹⁴. Однако Данциг стоял на своем: вывоз зерна был запрещен.

Попытки Йодека получить какую-либо компенсацию за утраченные грузы продолжались долгие годы. В конце концов, уже в 1496 году, он обратился с жалобой на неудовлетворительное правосудие в имперский суд, который тогда заседал во Франкфурте-на-Майне. Два последовавшие вызова представителей Данцига и Эльбинга в имперский суд, которые оба города проигнорировали, отмечены в мандате. Доводы, причины, неявки в суд в документе не упомянуты. Известна, впрочем, реакция Данцига. Попытки рассматривать богатый ганзейский город как «непосредственно принадлежащий империи (on mittel zum heyligen reich gehörig)», его подсудность имперскому суду, городской совет Данцига парировал утверждением, что город «никогда не был членом [империи] или имперским городом (...dii von Dantzke nye ejn gelith odir reichstadt ist gewesen)», а признает только одного господина – польского короля¹⁵. Оба города отказались подчиниться имперской юстиции, ясно дав

¹⁰ *Press V.* Das Reichskammergericht in der deutschen Geschichte // Gesellschaft für Reichskammergerichtsforschung. Wetzlar, 1987. Bd. 3. S. 8.

¹¹ *Diestelkamp B.* Das Reichskammergericht im Rechtsleben des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation. Wetzlar, 1985 (Gesellschaft für Reichskammergerichtsforschung Heft 1). S. 13–14.

¹² Эта мера сыпучих веществ по весу соответствовала в Западной Пруссии двум тоннам.

¹³ *Hoffmann E.* Danzigs Verhältnis zum Deutschen Reich... S. 12.

¹⁴ *Hansisches Urkundenbuch.* Zehnter Band: 1471 bis 1485. Bearb. von Walther Stein. Leipzig, 1907. № 1107.

¹⁵ *Hoffmann E.* Danzigs Verhältnis zum Deutschen Reich... S. 13.

понять, что не считают себя членами империи. Суд был, однако, другого мнения, и, как отмечено в мандате, в результате судебного процесса по претензиям Йодека Данциг и Эльбинг были объявлены в имперскую опалу.

Представители ганзейских городов не явились в имперский суд, и поэтому доводы ответчиков никак не отражены в тексте. Данциг и Эльбинг остаются в тени. Собственно, решение об их опале, как следует из мандата, вынесено исключительно на основании факта их неявки в суд, пренебрежения имперской юстицией. Акцент текста документа сделан на другом: он обращен к почти неограниченному кругу «нашим и Священной империи подданным», чтобы мобилизовать их на неукоснительное исполнение мер опалы, своеобразных санкций, направленных на экономическую изоляцию Данцига и Эльбинга. Для сообщества ганзейских городов, да и для любых других субъектов экономической деятельности эти меры угрожали немалыми потерями. Стратегия убеждения мандата основывалась на авторитете имперского суда, его решений и строгих наказаниях за неисполнение приказа, вплоть до применения имперской опалы.

Очевидно, что действенность мандата связывали с его тиражированием посредством типографской печати и широким распространением повсюду в империи. Несомненно, число оттисков неоднократно увеличивали, допечатывая экземпляры в разных местах. Так наш экземпляр был напечатан в Любеке, главном городе Ганзейского союза, где находились его судебные органы. К тому же, Любек был признанным имперским городом и поэтому не имел возможности уклониться от тиражирования мандата, политическое содержание которого противоречило интересам экономической деятельности Ганзы.

На обороте мандата имеется указание на известного любекского типографа в виде позднейшей карандашной пометы: „Lübeck, St[effen] Arndes 1497 Type 5“. Мандат могли использовать представители императорской власти на местах, контролировавшие исполнение мер имперской опалы в отношении Данцига и Эльбинга. Не случайно печатный текст мандата сверху предваряет рукописная помета почерком конца XV века: *Executoriales generales* (Генеральные судебные исполнители). Если представить, что печатный лист часто держали в руках чиновники, то неудивительно, что он потерт и оборван справа. Логичным в этом отношении представляется и рукописная отметка, сделанная в середине на левом поле документа: она указывает на место в тексте, где говорится, что должно поступать в отношении публично объявленных опальных согласно мандату до тех пор, пока они не подчинятся закону и не будут освобождены от опалы.

Имперскую опалу над богатыми ганзейскими городами, решение о которой нашло отражение в печатном мандате 1497 года из архива СПбИИ РАН, было трудно осуществить на практике. Прежде всего ганзейские города, и первый из них – Любек, старались всячески уклоняться от ее исполнения, грозившей стать нешуточным тормозом для хозяйственной жизни в Балтийском регионе. Как имперский город, Любек вынужден был публично провозгласить опалу над Данцигом и Эльбингом, но на рейхстаге 1498 года добился отсрочки ее проведения на год во время которой имперские сословия надеялись на мировое соглашение обоих городов с Йодеком. Польский король Иоганн Альбрехт грозил в ответ на возможное применение мер

опалы против Данцига и Эльбинга предпринять репрессии против немецких купцов на своей территории. Правитель империи Максимилиан шел на уступки, т. к. вынужден был считаться с имперскими условиями из-за острой потребности в имперских налогах для финансирования Итальянских войн и был очень заинтересован в поддержке со стороны польского короля в деле обороны от турок. Вместе с тем Максимилиан опалы с Данцига и Эльбинга не снимал, настаивая на их имперском статусе, а имперский суд продолжал время от времени напоминать двум опальным городам об их подсудности правовому институту империи. Иногда дело доходило до реализации мер опалы. Так, на пасхальной ярмарке во Франкфурте на Майне в 1510 году были конфискованы товары нескольких данцигских купцов¹⁶.

Сложные переплетения многообразных династических, экономических и военных интересов различных политических сил Северной и Центральной Европы держали ситуацию с опалой Данцига и Эльбинга в состоянии неустойчивой неопределенности почти два десятилетия. Только в 1515 году император Максимилиан снял опалу с Данцига и Эльбинга, согласившись с их статусом земских городов Польского королевства. Это было выражением благодарности польскому королю Сигизмунду (1507–1548) из династии Ягеллонов за содействие в заключении соглашения о браке племянницы Сигизмунда, дочери его брата Владислава (1471–1516), короля Чехии и Венгрии, Анны с внуком Максимилиана Фердинандом. Брак, как известно, впоследствии принес Габсбургам чешскую и польскую корону и имел судьбоносное значение для истории Центральной Европы.

Подлинный печатный мандат 1497 года правителя Священной Римской империи Максимилиана Габсбурга об опале Данцига и Эльбинга из архива СПбИИ РАН позволяет увидеть конкретный живой и драматический эпизод из истории борьбы богатых ганзейских городов Балтийского региона в отстаивании своей независимости от Священной Римской империи.

Информация о статье

Автор: Таценко Тамара Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; ORCID: 0000-0002-4219-4363; e-mail: tntatsenko@mail.ru

Заголовок: Мандат короля Священной Римской империи Максимилиана 1497 г. об имперской опале Данцига и Эльбинга из архива Санкт-Петербургского института истории РАН: к вопросу об отношениях ганзейских городов с империей

Аннотация: Статья посвящена подлинному печатному мандату 1487 года короля Священной Римской империи Максимилиана, впоследствии императора Максимилиана I (1486–1519), из архива Санкт-Петербургского института истории РАН, где он хранится под шифром 446/21. В мандате объявляется имперская опала над ганзейскими городами Данциг и Эльбинг за отказ подчиниться имперской юстиции. Как и многие другие богатые торговые города Данциг и Эльбинг противились зависимости от имперской власти, подсудности имперскому суду и налогообложению со стороны империи, предпочитая менее обременительное покровительство польского короля. Статья содержит источниковедческий анализ королевского мандата, рассмотрение его композиции, характерных стилистических оборотов и особенностей языка. В состав статьи входит транскрипция текста оригинала и его перевод на русский язык.

¹⁶ Hoffmann E. Danzigs Verhältnis zum Deutschen Reich in den Jahren 1466–1526... S. 24.

Ключевые слова: Король Священной Римской империи, печатный мандат, Данциг, Эльблинг, Ганза, суд имперской палаты, архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

Библиографический список

- Diestelkamp, B.* Das Reichskammergericht im Rechtsleben des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation // Gesellschaft für Reichskammergerichtsforschung. Wetzlar, 1985. Bd. 1. 26 S.
- Einblattdrucke des 15. und frühen 16. Jahrhunderts. Probleme, Perspektiven, Fallstudien. Hrsg. von Volker Honemann, Sabine Griese, Falk Eisermann und Marcus Ostermann. Tübingen: Niemeyer, 2000. 533 S.
- Eisermann, F.* Verzeichnis der typographischen Einblattdrucke des 15. Jahrhunderts im Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation. Bd III. Katalog E –Z. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2004. 648 S.
- Hansisches Urkundenbuch. Zehnter Band: 1471 bis 1485. Bearb. von Walther Stein. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1907. 796 S.
- Hoffmann, E.* Danzigs Verhältnis zum Deutschen Reich in den Jahren 1466–1526 // Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins. 1911. Bd. 53. S. 1–49.
- Kloosterhuis, J.* Amtliche Aktenkunde der Neuzeit. Ein hilfswissenschaftliches Kompendium // Archiv für Diplomatik Schriftgeschichte Siegel- und Wappenkunde. Böhlau Verlag Köln. Weimar. Wien 1999. Bd 45. S. 465–563.
- Loew, P. O.* Danzig. Biographie einer Stadt. München: Beck, 2011. 320 S.
- Meisner H. O.* Archivalienkunde vom 16. bis 1918. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 366 s.
- Noflatscher, H.* Räte und Herrscher. Politische Eliten an den Habsburgerhöfen der österreichischen Länder 1480–1530 Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1999. S. 314. (Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte Bd. 161). 496 S.
- Press, V.* Das Reichskammergericht in der deutschen Geschichte // Schriftenreihe der Gesellschaft für Reichskammergerichtsforschung. Wetzlar, 1987. Bd. 3. 55 s.
- Riedmann, T.* „den fliegenden maren zeglauben kein ursach sie“ – Das Mandat Maximilians I. vom 22. April 1499 in seiner propagandistischen Dimension // *Historia.scribere*. 2019. Bd. 11. S. 177–212.
- Stahl, I.* Katalog der Mittelalterlichen Handschriften der Staats- und Universitätsbibliothek Bremen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. S. 34, msa 0043, 122r–123v. 434 s.

Information about the article

Author: Tatsenko Tamara Nikolayevna — Candidate of Historical Sciences, senior researcher of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; ORCID: 0000-0002-4219-4363; e-mail: tntatsenko@mail.ru

Title: The mandate of the King of the Holy Roman Empire Maximilian of 1497 on the imperial disgrace of Danzig and Elbling (from the archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences): Hanseatic cities and the Holy Roman Empire

Abstract: The article deals with the authentic printed mandate, issued by the King of the Holy Roman Empire Maximilian, later Emperor Maximilian I (1486–1519), in 1487. The mandate is preserved under the number 446/21 in the archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. The Emperor declared disgrace to the Hanseatic cities of Danzig and Elbing for refusing to submit to imperial justice. Like many other wealthy Hanseatic trading cities, Danzig and Elbing resisted dependence on imperial power, jurisdiction of the imperial court, and taxation by the Empire, preferring the less onerous patronage of the Polish King. The author analyses the subject matter of the royal mandate, its composition, characteristic stylistic turns, and features of the language. The article includes a transcription of the document, its translation into Russian, and a reproduction of the mandate.

Keywords: King of the Holy Roman Empire, printed mandate, Danzig, Elbing, the Hansa, the Imperial Chamber Court, the archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

References

- Diestelkamp, B.* Das Reichskammergericht im Rechtsleben des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation. Gesellschaft für Reichskammergerichtsforschung. Wetzlar, 1985, vol. 1. 26 p. (in German)
- Einblattdrucke des 15. und frühen 16. Jahrhunderts. Probleme, Perspektiven, Fallstudien. Hrsg. von Volker Honemann, Sabine Griese, Falk Eisermann und Marcus Ostermann. Tübingen: Niemeyer, 2000. 533 p. (in German)

- Eisermann, F.* Verzeichnis der typographischen Einblattdrucke des 15. Jahrhunderts im Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation. Vol. III. Katalog E –Z. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2004. 648 p. (in German)
- Hansisches Urkundenbuch. Zehnter Band: 1471 bis 1485. Bearb. von Walther Stein. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1907. 796 p. (in German)
- Hoffmann, E.* Danzigs Verhältnis zum Deutschen Reich in den Jahren 1466–1526, in *Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins*. 1911, vol. 53, pp. 1–49. (in German)
- Kloosterhuis, J.* Amtliche Aktenkunde der Neuzeit. Ein hilfswissenschaftliches Kompendium, in *Archiv für Diplomatik Schriftgeschichte Siegel-und Wappenkunde*. Böhlau Verlag Köln. Weimar. Wien 1999, vol. 45, pp. 465–563. (in German)
- Loew, P. O.* Danzig. Biographie einer Stadt. München: Beck, 2011. 320 p. (in German)
- Meisner H. O.* Archivalienkunde vom 16. bis 1918. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 366 p. (in German)
- Noflatscher, H.* Räte und Herrscher. Politische Eliten an den Habsburgerhöfen der österreichischen Länder 1480–1530 Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1999, p. 314. (Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte Bd. 161). 496 p. (in German)
- Press, V.* Das Reichskammergericht in der deutschen Geschichte. Schriftenreihe der Gesellschaft für Reichskammergerichtsforschung. Wetzlar, 1987, vol. 3, 55 p. (in German)
- Riedmann, T.* „den fliegenden maren zeglauben kein ursach sie“ – Das Mandat Maximilians I. vom 22. April 1499 in seiner propagandistischen Dimension. *Historia.scribere*. 2019, vol. 11, pp. 177–212. (in German)
- Stahl, I.* Katalog der Mittelalterlichen Handschriften der Staats- und Universitätsbibliothek Bremen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004, p. 34, msa 0043, 122r–123v. 434 p. (in German)

Для цитирования статьи:

Таценко Т. Н. Мандат короля Священной Римской империи Максимилиана 1497 г. об имперской опале Данцига и Эльбинга из архива Санкт-Петербургского института истории РАН: к вопросу об отношениях ганзейских городов с империей. *Caurus*. 2022. Т. 1. № 1. С. 76–89. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-76-89

For citation:

Tatsenko T. N. The mandate of the King of the Holy Roman Empire Maximilian of 1497 on the imperial disgrace of Danzig and Elbling (from the archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences): Hanseatic cities and the Holy Roman Empire. *Caurus*. 2022. Vol. 1(1). P. 76–89. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-76-89

Е. М. Попова

«А ПОСОЛСКИЕ ДЕ ПИСМА ... ВСЕ В ВОДУ ПОМЕТАЛИ»: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ НАЧАЛА XVII ВЕКА

Исследователям Смутного времени в России начала XVII века не приходится жаловаться на отсутствие источников. В последнее время в научный оборот введены источники в рамках отдельных статей¹ и монографий². Однако этот период русской истории многогранен, сложен и проблематичен, что выявление и научная обработка новых источников может только приветствоваться, поскольку они способствуют расширению возможностей для воссоздания более детальной и реальной картины событий того времени. В этой связи нам бы хотелось обратить внимание на ряд документов, касающихся событий в Новгородской земле в период шведского правления.

Характер управления Новгородом с 1611 по 1617 год до сих пор до конца не определен. В кругу исследователей все еще обсуждается вопрос о правомочности использования термина «шведская оккупация» и возможности его замены альтернативным понятием – русско-шведский альянс, имея ввиду, что власть одновременно сосредоточивалась в руках шведского военачальника Якоб Делагарди и боярина Ивана Никитича Большого-Одоевского³.

В настоящее время принято считать, что на всем протяжении шведского периода обстановка в Новгороде была относительно стабильной, что, однако, не исключает негативных явлений. Преступные действия, совершавшиеся в то время, представлены в следственных делах из фонда Новгородского оккупационного архива⁴, которые использованы в исследованиях А. А. Селина, Н. Б. Безус⁵.

Часть новгородских документов судебного характера начала XVII века находится в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (СПБII РАН) в коллекции С. В. Соловьева (коллекция 124), которые могут представлять интерес для историков,

¹ См., например: *Нордквист Л.* Несколько челобитных из Новгородского оккупационного архива // Петербургский исторический журнал. 2015. №2. С. 285–303; *Башнин Н. В.* Сбор налогов в смуту на северо-западе (по новгородским документам из архива СПБII РАН) // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. Великий Новгород, 2017. С. 60–72.

² *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 690–692.

³ *Болдырев Р. В., Кончакова Е. М.* Шведское присутствие в Великом Новгороде начала XVII в. в свете современной российской историографии // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 175–182.

⁴ Riksarchivet, Ockupationsarkivet från Novgorod. SE/RA/2403.

⁵ *Селин А. А.* Новгородское общество... С. 107–111; *Безус Н. Б.* Применение норм права в Новгороде в период шведской оккупации в начале XVII в. // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. Великий Новгород, 2017. С. 73–80.

изучающих социально-правовые аспекты жизни Новгорода в период присутствия там шведов. Наше внимание привлек комплекс источников, связанный с делом об ограблении судна английского посла на реке Луге, предположительно, в 1615 году. Несмотря на отсутствие следственного дела в полном объеме, выявить детали события и конкретизировать ход расследования позволяют отписки воевод, которые образуют указанный комплекс. Он позволяет обратить внимание на неординарный аспект Смутного времени, связанный с криминальными преступлениями. Важно и то, что тексты данных отписок до сих пор не становились предметом специального исследования среди отечественных и зарубежных историков.

После избрания Михаила Романова в 1613 году на русский престол, характер русско-шведских отношений стал меняться в сторону осложнения, все острее возникал вопрос о подписании мира между двумя странами. Вести русско-шведские переговоры был отправлен английский посол Джон Меррик, который находился в России с лета 1614 года вплоть до заключения мирного договора. Все это время его судно стояло в Новгородских водах. Воспользовавшись этой ситуацией, новгородские крестьяне решили пограбить судно, что и стало причиной запуска следственной процедуры.

Всю информацию о ходе следствия мы получаем из отписок воевод, которых, на данный момент в нашем распоряжении четыре. Они датируются 1616 годом, одна из них написана от лица Якоба Делагарди и адресуется ивангородскому воеводе Федору Аминеву, две являются ответом Ф. Аминева Анцу Бою и Я. Делагарди, а также одна отписка ямского воеводы Никиты Калитина также адресована новгородскому воеводе Я. Делагарди. Все отписки представляют собой подлинники, написанные на одном – двух листах. Документы оформлены хорошим канцелярским почерком, со схожей смысловой структурой. Из текста источников становится понятно, что поиск разворачивался на территориях Шелонской и Водской пятин, которые были разделены рекой Лугой, на берегу которой стояло английское судно. На сыск грабителей Делагарди привлек ивангородского и ямского воевод Федора Аминева и Никиту Калитина, а также требовал отчитываться лично ему и отправлять всех виновных на допрос в Новгород. Данная информация свидетельствует о том, что в силу вступал воеводский суд – инстанция, занимавшаяся наиболее важными судебными делами⁶. Примечательно, что судебные процессы с участием воевод, в том числе самого Якоба Делагарди, в период шведского присутствия, встречаются крайне редко. Так, заинтересованность высшего эшелона власти в отправлении правосудия наблюдается в связи с наиболее серьезными преступлениями, такими как государственные измены⁷

⁶ Безус Н. Б. Из истории становления судебной власти в России (на примере Новгорода) // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия «Государство и право». 2011. № 14. С. 48.

⁷ В данном случае мы используем категорию «государственная измена», предложенную А. А. Селиным. Подробнее см.: Селин А. А. Новгородское общество. СПб., 2008. С. 107–111. Под эту категорию можно отнести следующие документы: Допросные речи в доме Парфения и Самойла Нарбековых об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Федора Одинцова и подьячего Ивана Лазорева, 11 июля 1613 г. // RA, NOA. Serie II: 245. Л. 1–3; Допросные речи в домах Угрима и Богдана Лупандиных об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Андрея Неелова и подьячего Ждана Максимова, 11 июля 1613 г. // RA, NOA. Serie II: 245. Л. 4–7; Допросные речи в доме кн. Юрия Мещерского об отъезде хозяина из Новгорода по сыску Алексея Аврамовича Колычева, 11 июля 1613 г. // RA, NOA. Serie II: 245. Л. 8.

или связь с политическими противниками⁸. В данном случае можно говорить о разбойных действиях в отношении иностранцев, что также попадает под категорию тяжких уголовных преступлений.

Первый документ – отписка ивангородского воеводы Федора Аминева Я. Делагарди по делу об ограблении на реке Луге судов английского посла⁹ – написан скорописью XVII века. Качество сохранности бумаги и чернил отличное. Дело состоит из двух листов, один из них исписан полностью, с оборотом, а на втором информация представлена на полулисте. Оба листа написаны хорошо читаемым канцелярским почерком. Дата на документе отсутствует. Условно мы бы хотели разделить документ на четыре смысловых части: первая – преамбула – обращение к адресату и изложение уже имеющихся данных по судебному делу; вторая – конкретные предпринятые меры, расспросные речи; третья – ближайшие перспективы по делу; четвертая – итоговая: промежуточные выводы и констатация дальнейших действий.

Из документа становится понятно, что воевода Новгорода Якоб Делагарди, поручил ивангородскому воеводе Федору Аминеvu расследовать дело, связанное с ограблением судна английского посла (*Джона Мерика – прим. авт.*), которое произошло в 1615 году. Ф. Аминев в своей отписке сообщает Делагарди о проделанной работе. Документ начинается с обращения воеводы Аминева к воеводе Делагарди: *«Королевского величества и ноугородцкого государства боярину и большому ратному воеводе государю Якову Пунтусовичю Делегарде графу на лехкою волному господину в Екхолме, в Колке и в Рунсе, Федор Аминев челом бьет»*. Далее ивангородский воевода описывает Делагарди свои обязанности, т.е. что ему поручено делать. Из данной части документа мы можем выяснить краткое описание сложившейся ситуации, а также выявить, что необходимо найти награбленное имущество английского посла, из которого наибольший интерес представляют посольские книги и письма. Также в данной части документа прослеживается информация о том, кто подозревается и кого необходимо найти и допросить.

Следующая часть документа повествует о том, что 29 мая 1616 года в Ивангороде были найдены три фигуранта по делу об ограблении, которых привлекли к расспросу с применением пытки. В расспросных речах все три крестьянина дали показания, каким образом каждый из них причастен к делу. Далее документ по смыслу делится на три подблока: приводятся речи каждого из пойманных крестьян поочередно. В общем, у всех троих показания сходятся: все пойманные крестьяне непосредственно грабить судно не ходили, главным ответственным лицом они называют псковских шарпальников (*грабителей – прим. авт.*) во главе с Прошкой Хромым. Все трое пришли «добирать» потерянное или не заинтересовавшее шарпальников имущество, а именно: немецкие юбки, чулки, рубахи, попоны лошадиные и т.д. Один из крестьян награбленное спрятал в лесу, у другого все отняли другие разбойники, а третий отдал всю «посольскую рухлядь» шведским приставам,

⁸ Дело по письму князя Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева о незаконной торговле людей Старорусского уезда Должинской волости и Порховского уезда дворцовых сел с псковскими людьми, январь 1613–января 1615 гг. // RA, NOA. Serie II: 20. Л. 1–17; Расспросные речи новгородцев про дела в Москве, Смоленске, Пскове, 30 сентября 1616 г. // RA, NOA. Serie II: 39. Л. 1, 4.

⁹ Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 659. 2 л.

за что получил отпускную грамоту. Все три крестьянина сообщают, что книга и письма не у них, а также указывают тех, у кого могут быть документы.

Далее текст документа повествует о том, что ивангородский воевода Федор Аминев начал поиски по «скасам» подозреваемых. С этой целью он отправил отписку старосте Фектисту Муравьеву, чтобы тот приступил к сыску. Тут же воевода упоминает о том, что староста сыскал еще не всех причастных, и поиск продолжается. Однако книгу и письма среди награбленного имущества обнаружить так и не удалось, ввиду того, что один из подозреваемых бежал в Шелонскую пятину.

В конце документа Федор Аминев говорит о том, что все найденное имущество будет держать при себе, а всех причастных к делу посадят в тюрьму до указа Делагарди. Поиск продолжится до тех пор, пока не будет раскрыто преступление полностью. Однако обо всем воевода обещал сообщать Делагарди в Новгород незамедлительно.

Второй документ – отписка Федора Аминева Новгородскому воеводе Анцу Мартыновичу Бою о произведенном в Ивангороде розыске относительно ограбления судна английского посла на реке Луге Полужскими крестьянами и о высылке трех из них в Новгород¹⁰ – также написан скорописью XVII века. Сохранность текста и писчего материала хорошая. Документ представляет собой подлинник на полулисте с оборотом, печать утрачена, почерк хорошо читаем. Документ датируется 30 июня 1616 года. Условно мы бы хотели разделить документ на три смысловых части: первая – обращение к адресату и изложение уже имеющихся данных по судебному делу; вторая – изложение новой информации; третья – конкретные выполненные действия.

В документе повествование идет вновь от лица Федора Аминева, который обращается к воеводе Анцу Бою и пересказывает ему всю имеющуюся информацию, о которой нам известно из предыдущей отписки. Далее появляются новые детали следствия, связанные с данным указанием Старосте Фектисту Муравьеву искать крестьян Фишку Носова и Трешку Ондреева, у которых, по «скасам» должно было быть письмо и книги посла. Однако Аминев жалуется, что староста отказался выполнять распоряжение ивангородского воеводы о сыске и конфискации награбленного имущества у крестьян, ссылаясь на то, что ему не поступало распоряжение боярина (*скорее всего – Делагарди – прим. авт.*). В заключении воевода доложил, что часть крестьян все еще находится в розыске, а трое первых допрошенных (Ивашка, Левушка и Гришка) были отправлены в Великий Новгород. Таким образом, мы получаем небольшую порцию новой информации, связанной с поиском причастных к грабежу крестьян.

В то же время, 30 июня 1616 года, был написан третий документ – отписка ямского воеводы Никиты Калитина ратному воеводе Якобу Делагарди о поимке воров, ограбивших английского посла¹¹. Документ прекрасно сохранился, представляет собой подлинник на листе с оборотом, почерк хорошо читаем. Данную отписку условно можно разделить на четыре части по аналогии с первым документом.

¹⁰ Текст был опубликован нами ранее. Подробнее см.: *Попова Е. М.* К вопросу о природе разбоев в Новгородской земле в Смутное время // Ученые записки УО «Витебского Государственного университета им. П.М. Машерова». Витебск, 2018. Т. 28. С. 65–69.

¹¹ Архив СПБИАИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 660. 1 л.

Из документа следует, что воевода города Ям тоже уже получил инструкции от Делаярди, по которым действовал: искал воров в Ямском уезде, связывался с Ивангородским воеводой, а также отправил троих подозреваемых в воровстве в Новгород. Процедура сопровождения троих крестьян описана достаточно подробно. Далее воевода пишет, что по делу были привлечены новые люди, которые могли знать о причастности старосты Спирка к краденому имуществу, все они были вызваны на допрос. Результатом допроса было составление расспросных речей, которые кратко характеризуются с приведением общих выводов в тексте отписки. Сами речи как отдельный документ были отправлены в Новгород к воеводе на контроль. В конце письма Калитин задает Делаярди вопрос о дальнейших действиях: кого самостоятельно допрашивать с применением пыток, а каких подозреваемых отправлять в Великий Новгород. В итоге ямский воевода констатирует факт продолжения сыска.

Расспросные речи, которые воевода Калитин собрал с приведенных к нему людей и выслал в Новгород, были обнаружены нами в опубликованном в XIX веке сборнике документов¹². В сборнике документ характеризуется как черновой подлинник, писанный столбцом на пяти листах¹³. Дата указана как начало XVII века, но мы смеем предположить, исходя из сведений по отписке Калитина, что речи были составлены в начале июня 1616 года. Документ также был взят из коллекции С.В. Соловьева, который вывез его из Швеции.

Расспросные речи начались с показаний детей боярских братьев Ивана и Осипа Петровых, которые дали одинаковые показания: себя ворами не называют, с ворами в сговор не вступали, украденные вещи у себя не хранили. Грабителями называют двух крестьян с Красной Горы и двух крестьян с деревни Клескуши, остальных не знают. Следом к расспросу были привлечены жены Иванка и Фишка с Клескуши. Матрена, жена Ивана, сообщила, что муж ее грабить не ходил, но опасаясь быть обвиненным, прячется в лесу. Преступниками она называет Федьку Мезжерина и Иванку Гаврова. Жена Фишка, Ирина, также сказала, что ее муж не ходил грабить. Преступников она насчитывает 12 человек, в том числе Иван Гавров, Гришка Лисков и Федька Мезжерин. Из слов Ирины складывается картина не о грабеже, а о разбое, т.к. она говорила о хорошо спланированных и умышленных действиях: *«с вестью к тем воров приходил Ямского уезду тот Федка Мезжерин да им про то судно сказал, и воры де с ним того судна в Клескуши ждали день да не даждався легли спать, а те де Ивашко Гавров и Лисков сын сено косили и увидели ночью, что то судно плывет Лугою и тот де Гавров и Лисков сын тотчас чех воров збудили и про то судно им сказали и на завтрее де те воры то судно сустили под Наклом деревнею, от Клескуш в пяти верстах, да разгромили»*¹⁴. По показаниям жены Фишка искать письма и посольские книги уже не стоило, т.к. их воры попросту побросали в воду. Далее следуют речи крестьянских мужиков из деревни Хилка. Иван Исаков сказал, что он знал о ворах, поэтому стоял на карауле, чтобы предупредить судебных людей и предложили встать в другом месте,

¹² Расспросные речи о разграблении на реке Луге судна с имуществом английского посла, нач. XVII в. // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1884. Т.3. С. 271–276. №330.

¹³ Там же. С. 276.

¹⁴ Там же. С. 273.

однако те их не послушали. Также он сказал, что нарочно были отправлены люди в Сомерскую волость к старостам, чтоб сообщить о случившемся, т.к. поймать воров, по мнению, Ивана несложно, люди «невеликие», по его мнению. Полагаем, что он имел ввиду не серьезную преступную группировку, а шайку местных разбойников. Однако старосты Сомерской волости не восприняли вести всерьез. Имен преступников Иван не знал, но указал на своего друга Сеньку, который, по его мнению, был более осведомлен. Конечно, следующим был допрошен Сенька, который назвал имена крестьянских мужиков, уже нам известные, однако помимо них было еще 13 воров.

Следом расспрашивали Федьку Межжерина с применением пыток. Он сказал, что с ворами были мужья Ирины и Матрены, которые припрятали посольские письма, остальное поделили с казаками между собой. Часть из награбленного была продана (одежда) старосте Спирку. К старосте вещи, действительно, везли на Федькиной лошади, это он признал. Чтобы доказать свою невиновность, Федька в расспросе просил вызвать Клескушских и Нокольских мужиков вместе с ним на очную ставку. После такого заявления жену Ивана Агафонкова, Матрену, допросили вновь с применением физического воздействия. Она лишь сказала, что в деревне у них было какое-то оставшееся посольское добро, но его отправили к воеводам.

Далее был допрошен Якушка Тимофеев из деревни Сары, который сказал, что заморскую одежду выкупили для старосты Спирка и ему отвезли. Мишка Самсонов также отвел подозрения от себя и указал на Фишко Клескушского, который ходил грабить с псковскими ворами. Якушка Тимофеев с Крекшиной деревни и племянник старосты Спирка, Сенька, сказали, что причастен к грабежу Сидорка Мазиха, который продал старосте Спирку посольскую одежду, правда Сенька не знал, выкупил ли его дядька ту «рухлядь». Микита Терехов сказал, что из его деревни, по приказу Ивангородского воеводы Эверта Бремена, мужики ходили шарпать пограбивших посольское судно крестьян и взяли у них кое-какое имущество. Последним был опрошен Сашко Васильев, который сказал, что был у шишей, которых около 30 человек, все местные жители. Они стояли на Сабе и собирались идти в Псков. Они занимались грабежами неоднократно: уже ими было ограблено Ямское судно с рожью, а иностранный купец был избит¹⁵.

Такую информацию выслали Деллагарди в Новгород, который должен был отправить новые инструкции. К сожалению, последующие документы для Никиты Калитина нами обнаружены не были. Однако была найдена еще одна отписка, которая адресовывалась вновь ивангородскому воеводе Федору Аминеву.

Четвертый документ – отписка воеводы Якоба Деллагарди воеводе Федору Аминеву в Ивангород о продолжении розыска по делу о грабеже рухляди, книг и писем у английского посла¹⁶ – подлинник, написанный скорописью XVII века на 1 листе. Сохранность бумаги и чернил хорошая. Почерк неаккуратный, но читаемый, присутствуют исправления и зачеркивания. Документ датируется 9 июля 1616 года. Условно можно разделить текст документа на три смысловых части: первая –

¹⁵ Подобная практика грабежей иностранных судов местными крестьянами неоднократно встречалась на рубеже XVI–XVII вв. Подробнее см.: Бессуднова М. Б. Береговое право Средневекового Новгорода: в продолжение дискуссии // НИС. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 135–147.

¹⁶ Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 4. Д. 661. 1 л.

обращение к адресату, вторая – перечисление полученной прежде информации отправителем, третья – дальнейшие инструкции и указания к действию.

Из данного документа следует, что Якоб Делагарди получил предыдущие отписки воевод и уже знает, кто задержан, допрошен и какое имущество изъято. Также он осведомлен о тех, кто взят на поруки и отправлен в тюрьму, и одобряет действия ивангородского воеводы. В тексте мы встречаем дальнейшие указания: удерживать в тюрьме подозреваемых, имущество хранить в королевской казне, продолжить сыск. Также Делагарди упоминает, что староста Фектист Муравьев пришлет беглых подозреваемых, а это может означать, что жалоба на него, которую до этого озвучил Аминев, получила отклик у высшего эшелона власти. Всех новых подозреваемых боярин велит содержать в тюрьме до особого указа и обо всем неминуемо отписывать лично ему – Делагарди.

Более по данному делу нами документов обнаружено не было. Мы не исключаем, что они могут храниться в архиве, и пока нам не известны. Подводя итог всему вышесказанному, можно отметить, что отписки воевод образуют комплекс источников, изучение которого помогает воссоздать содержание отдельного судебного прецедента, в данном случае ограбление судна английского посла в 1615 году. Документы предельно конкретны, что дает возможность выяснить, время и место совершения преступления, его организацию, содержание добычи, методы ведения расследования. Данный казус свидетельствует о существовании организованного промысла, связанного с перехватом кораблей, вне зависимости от их назначения (дипломатический, торговый). Безусловно, отписки не дают полной информации о завершении судебного разбирательства, о мерах наказания и т.д., т.к. является лишь промежуточным звеном в сложной цепи фиксации следственного процесса. Важно отметить, что дело об ограблении судна английского посла являлось значимым для шведско-новгородских властей, т.к. на поиски виновных были брошены все силы, а само преступление попало под юрисдикцию воеводского суда, и было поставлено под контроль Делагарди. На наш взгляд это было связано не только с собственно важностью данного дела, но и с тем, что шведско-новгородские власти все еще были заинтересованы в сохранении порядка на подконтрольной территории. Однако все-таки не стоит забывать и тот факт, что следственная процедура активизировалась в момент ухудшения дипломатических переговоров между Москвой и Стокгольмом при посредничестве английского посла.

№ 1

Текст публикуется по столбцам, хранящимся в Санкт-Петербурге, в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. №659. Текст отписки расположен на 2 л. При публикации титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку. Устаревшие буквы не используются, ь и ъ знак сохранены в соответствии с текстом оригинала. Пунктуация, деление на фразы и абзацы принадлежат публикатору. Для уточнения географических названий, имен собственных вводится примечание автора. В скобках указывается год по летоисчислению от Рождества Христова.

(Л. 1) Королевского величества и ноугородцкого государства боярину и большому ратному воеводе государю Якову Пунтусовичю Делегарде графу на Лехкою, волному господину в Екхолме, в Колке и в Рунсе, Федор Аминев челом бьет. Нынешнем, государь, 124-м (1616) году мая в 28 день писано от тебя великого боярина ко мне в Ивангород, что ведомо тебе учинилос в прошлом де государь во 123-м (1615) году розгромили шиши на реки на Луге аглиского посла суды и поимали ву тех судех посолские суды серебряные и платье и всякой посолской запас. И мне б про то послати проведати в Сумерскую волость от себя неметцких и русских людеи и велети б про тот посолской грабежной про всякой живот сыскати. А где сыщется и тех воров переимати и привести б велети в Ивангород, а как приведут и мне б тех воров, у кого тот посолской запас сыщут, прислати к тебе великому боярину в Новгород вскоре с неметцкими людьми, которые пойдут в Великий Новгород. А будет неметцкие люди вскоре в Новгород не пойдут, и мне б их посадити в тюрьму до твоего боярского указу. Да о том бы о всем отписати подлинно к тебе великому боярину. И мая государь в 29 день изымали на Ивангородском посаде Дремяцкого погоста с Полужья деревни Клескуш (*Клескуши – прим. авт.*) крестьянина Иванка Гаврова да деревни Накла (*Накол – прим. авт.*) Левушку Тимофеева, да Гришку Олисова Лус. В роспросе, государь, нам и у пытки сказали про аглинского посла судно как ево громили на Луге реке. А приходили де шарпалники из Пскова атаман Прошка Хромой, а с ним казаков тринадцат человек. А сумерских де государь мужиков с теми казаки не было. И как де они то судно розгромили и посолскую рухляд розграбили, и они де назад трее ходили побират достальные рухляди, чево они с собою не подняли да с ними ж де государь ходили из того ж Полужья деревни Клескуш (*Клескуши – прим. авт.*) Фишко Носов да Трешка Ондрейков да Ястребинского погоста деревни Ганкова Федка Меженин. И у него де Иванка с товарищем деревни Хилка (*Хилок – прим. авт.*) с Ыванком взято было тое посолские рухляди юпок неметцких с полдесятка и иное мелкое платишко и то де у них все пришед пограбили сумерские волости крестьяне деревни Сары Микитка с товарищи. А Левушка // (л. 1 об.) Тимофеев деревни Накла (*Накол – прим. авт.*) в роспросе и у пытки сказал, что они с казаки шарпат не ходили. А он де государь Левушка с товарищи ходили на завтрее шарпалнитцкой погромки к тем судом и взяли он, Левушка, тои посолски рухляди, что казаки покинули: шляпу неметцкую да чюлки, да две юпки неметцкие вязены белы, да полсть, да сапоги неметцкие, да попону лошединую, да полог полотняной и тои де государь рухляди отняли у него Левушки сумерские волости крестьяне деревни Сары Михалка с товарищи. Полсть да сапоги, да попону лошединую, да полог, а досталь и ныне (*достальные*) де лежит тои рухледи шляпа да чюлки, да две юпки у него Левушки и та государь рухляд лежит у него от деревни Накла (*Накол – прим. авт.*) верстах в дву в лесе и мы, государь, тои рухлядишка послали сыскиват. А Гришка сказал взял де он две юпки неметцких да кафтанишко руское, да две рубашки мужских неметцких и иное мелкое рухлядишко драное. И сведав де у него тои рухлядишко имали неметцкие люди в Заретцком остроге и его де пытали, и он де государь тои рухляд посолскую, что он взял отдал в Заретцком остроге немцом Арману Иванову да Аксел Мартынову и в зем (*взамен/взаем*) де тое ихнего рухляд ево Гришку отпустил домой и грамоту ему дал отпускную. А книги де и письмо неметцкое збирали крестьяне Фишко Носов да Трешка

Ондреев, а ныне они приставают в том же Полуже в Дремятцком погосте в деревне Накле (*Накол – прим. авт.*) Блиском острошку где стаыт Феклист Муравьев. И мы государь о тех крестьянех к Феклисту писали, чтоб их сыскав прислал для сыску к нам в Ывангород. А для государь сыску послали мы в Сумерскую волость по земского дьячка по Агея Лялина да по старосту по мирской сотни по Спирка Иванова з братом да по Степанка Торокана // (л. 2) да по Сидорка Мазиху. И земской государь дьячок Агеи да староста Спирко Иванов сказал перед нами, что они по приказу Иванегородцкого воеводы Аверт Бремена сыскивали у Микитки Сарского да у Сидорка Мазиха тое ж посолские рухляди купленные, и что они взяли у полужских мужиков и сыскали две полсти да шубу выдреную неметцкую да две юпки да попону лошединую да штаны неметцкие отлас чорной, да полог браной, да сермягу ветчаную, да скатерть ветчаную, да сукно ормячное белое локоть с пятнатцат, да юпка неметцкая дрная, и де ту они рухляд отвезли в Ывангород к воеводе Аверт Бремену. А Степанко Торокан де государь сщол с шарпалки тому год, а Сидорко де, государь, нынешнего 124 (1616) году марта в 29 день збежал в Шелонскую пятину. И мы, государь, послали по того Микитку Сарского для сыску тое ж посолские рухляди. А тех, государь, полжуских мужиков трех человек посадили в тюрьму до твоего боярского указа. А сумрского старосту Спирка Иванова дали на поруки до твоего ж боярского указа, и что государь впред сыщетца и мы, государь, к тебе великому боярину отпишем вскоре.

№ 2

Текст публикуется по столбцам, хранящимся в Санкт-Петербурге, в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. №660. Текст отписки расположен на 1 л. с об. При публикации титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку. Устаревшие буквы не используются, ь и ъ знак сохранены в соответствии с текстом оригинала. Пунктуация, деление на фразы и абзацы принадлежат публикатору. Для уточнения географических названий, имен собственных вводится примечание автора. В скобках указывается год по летоисчислению от Рождества Христова.

(Л. 1) Его королевского величества боярину и болшому ратному воеводе государю Якову Пунтусовичю Делегарде графу в Лекке, волному господину в Екхолме, господину в Колке и в Рунсне, моему ласковому государю и помощнику Микита Калитин челом бью. Писано, государь, в твоеи грамоте ко мне в Яму город с Петром Хомутовым мая в 27 день в прошлом во 123-м (1615) году, розгромили шиши на реке на Луге аглинского посла суды, и поимали в тех судех суды серебряные и плате, и всякой посолской запас. И ныне ведомо тебе, государю, учинилось что те шиши живут в Яме городе и в Ямском уезде в погостех и мне бы тех воров сыскав, велети переимати. И по тои твоеи, государь, грамоте я сыскивал всякими сыски тех шишей и в Яме городе и в Ямском уезде – нигде таковы люди не обявлялися. И июня, государь, в 22 день писал ко мне в Яму город из Ыванягорода воеводы Ондреи Ириков да Федор Аминев и прислали трех человек полуских крестьян, которые были изыманы у них в Ыванегороде для сыску посолские рухляди: Левушка Тимофеев да Гришка Лисков с Нокла (*Накол – прим. авт.*) деревни, да Ивашко с Клескуши, и нам бы их

послати к тебе ко государю в Новгород. А изыманы, государь, те мужики в Ыванегороде по нашему ж сыску, мы об них писали в Ывангород мая в 27 день к Ыванегородцким воеводам к Ондрею Ирикову да к Федору Аминеву по язычної молвке, что нам в роспросе на них сказали з Дубецкого Петровы крестьяне Глотова Фенко Зеновьев да Игнашко Захарев, что те мужики в Ыванегороде, а тои посолскои аглинского посла казны приточны и про тое аглинского посла казну ведают, вместе с казаки то судно громили. И мы, государь, тех трех мужиков послали к тебе ко государю в Великий Новгород с Ыванегородцким пушкарем с Баженком Ивановым июня в 24 день до Заречья. А в Заречье писал, государь, я к Лашкапелю (*De la Chapelle – прим. авт.*) и к Петру Хомутову, чтоб они тех мужиков послали в Новгород с великим береженьем, провожатых бы дали сколько человек пригож, как бы мочно их до Новагорода довести. А в нашем, государь, сыску на тех мужиков на Левушку с товарищи многие и иные языки говорили, которые у нас на Ямегороде, что они Левушка и Гришка, и Ивашко с воры с казаки на погромке вместе у посолскова судна были. А сыскивали, государь, мы с Клаусом про то дело всякими сыски накрепко по прежним твоим, государь, и по нынешнем по указным грамотам. Товарищ мои Клаус да и я посылали в Сомерскую волость в Осминскую сотню и в Микифоровское поместье Бибикова в верх по Луге реке салдатскою лютмана Ивана с салдаты, а салдат с ним 20 человек, по тех воров на которых мы наперед сего к тебе, ко государю, писали по старосту по Спирка Отонского с товарищи, которы его посолскои казны были винны. Да и к Фектисту Муравьеву о том писали ж // (*л. 1 об.*) и велели ему также посылати от себя, и тех воров переимати. И июня, государь, во 2 день писал к нам Фектист Муравьев и прислал дву человек детеи боярских Ивана да Осипа Петровых, детеи Глотова, да дву человек крестьян их с Хилка (*Хилок – прим. авт.*) деревни Иванка Исакова да Сенку Сергеева, да дву жонок з деревни с Клескуши Иванкову жену Матреху да Фишкову жену Ирину. Да июня в 3 день привел к нам лютман Иван четырех человек крестьян Сомерские волости Осминскои сотни с Крекшина деревни Якушка Тимофеева да с Сары Микитку Терехова, да с Отони деревни старостина Спиркова племянника Сенку Семенова, да з Дубровы деревни Калинку Иванова, да Дремяцкого погоста з Дубецкого деревни Мишку Самсонова, да детину Сашка Васильева. А что, государь, в роспросе нам сказывали те дети боярские и крестьяне, и жонки, а роспрашиваны порознь и х пытки привожены. И у пытки, что говорили про тое посолскую аглинского посла про казну и что сказали Ямского уезда Ястребинского погоста деревни Гонкова на Федку Мезжерина, что он, Федка, туто ж на погромке с воры с казаки у тои посолскои казны был и тот Федка у нас где на Яме городе, и что он в роспросе и пытки говорил про тое посолскую казну. И мы те все их роспросны речи послали к тебе ко государю за своими руками. А все они про посолское платье в роспросе и у пытки сказывали, что то все посолское плате: шляпы и юпки, и штаны, и чулки у воров откупили Сомерскои волости Стеребыш, Сидорко Мазиха, да кузнецов сын на того на старосту на Спирку Отонского и вез то плате к нему, Спирку, на тои на Федкинои лошади Мезжеренина. А тот староста Спирко изыман и сидит в Ыванегороде за приставом, да и диячок Агеико Лялин, с которым он, Спирко, тем посолским платем делился, а те, государь, люди, которые у нас на Яме на его Спирка говорили и те крестьяне, и две жонки, и Федка Мезжерин сидят за приставами, а тех четырех человек

Сомерских крестьян послали мы в Ывангород, а говорили они те ж речи. И тебе, государь, велети о том нам указ учинити, чтоб того старосту Спирка взяти сюда к нам на Яму город по язычної молвке для тое посолские казны на очную б ставку с теми людьми, хто на них говорил. Да и о том бы тебе, государю, велети указ учинити здесь ли их велети пытати или их всех к тебе, ко государю, в Новгород послати. А на которых крестьян деревни Клескуши на Иванка прозвище на Огафонка да на Фишка говорили в посолских писмах, что грамоты и книги у тех крестьян собраны и положены в коробью и схоронены, и мы, государь, по тех мужиков по Иванка и по Фишка послали и велели их переимати. Будет мочно где сыскати их по тому, государь, что те мужичьи жоны у нас на Яме городе поиманы, а они Иванко и Фишко бегают и как, государь, их изымут и к нам приведут, и мы пошлем их к тебе ко государю в Великий Новград тотчас.

№ 3

Текст публикуется по столбцам, хранящимся в Санкт-Петербурге, в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, Кол. 124. Оп. 1. Карт. 4. №661. Текст отписки расположен на 1 л. При публикации титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку. Устаревшие буквы не используются, ь и ъ знак сохранены в соответствии с текстом оригинала. Пунктуация, деление на фразы и абзацы принадлежат публикатору. Для уточнения географических названий, имен собственных, исправлений, имеющих в тексте источника, вводится примечание автора.

(Л. 1) Королевского величества боярин и большеи ратной воевода Яков Пунтосович Делегард граф на Лехкою, волной господин в Екехолме, в Колке и в Рунсе даю ведомо в Ывангород воеводе Федору Григорьевичу Аминеву. Писал (ты – *зачеркнуто* – прим. авт.) еси ко мне, что ты по моеи грамоте сыскивал про казну аглинсково посла, хто ее громил, и сыскал в Ывангородском посаде полужских крестьян трех человек: Иванка да Левку, да Гришу. И что оне в роспросе и у пытки про рухляд аглинсково посла сказывали. Что по их скаске послали вы для сыску в Сумерскую волость по старосту (з братом – *приписано сверху* – прим. авт.) и по земского дьячка, да по Степанка Торокана, да по Сидорка по Мазиху. И что сыскали рухляди по их скаскам. А о крестьянех о Фишке Носове, да о Трешке Ондрееве писали вы к Фектисту Муравьеву, а по Микитку (*сверху надпись зачеркнута* – прим. авт.) Сарского для сыску тое ж посолские рухляди послали. И тех полужских мужиков трех человек посадили вы в тюрьму до моего указа, а Сумерского старосту Спирка дали на поруку. И мне то ведомо. И как к тебе ся грамота придет и ты б полужских крестьян трех человек велел держати до указа в тюрьме, а что рухляди посолские сыскано, и ту б рухляд потому ж держал в государеве королевской казне до указу ж. А как Фектист Муравьев к вам крестьян Фишка да Трешку пришлет и Микитку (*Сидорка – зачеркнуто сверху* – прим. авт.) Сарского сыщет и к вам приведет, и ты б про рухляд и про книги, и про письмо аглинсково посла потому ж бы сыскивали накрепко всякими сыски. (И по Михалку с товарищи в деревню в Сарышах, которых сказывал про ту рухляд Левушка для сыску посылал – *приписано сверху и сбоку* – прим. авт.). Да что сыщется какие

рухля и письма посольского, и ты ту рухляд и письмо, взяв, держал бы в государеве ж в королевской казне. А тех людеи, у кого сыщут что или по их скаскам у кого что сыщут, и тех бы еси людеи велел посадити до указу в тюрьму ж. Да что вперед какие рухляди и письма сыщете, и у кого измянем и кого в том деле в тюрьму посадите, и ты б о том отписал о всем ко мне. А старостиных бы товарищеи – земского дьяка Агеика Лялина и старостина брата (да Степанка Торокана, да Сидорка Мазиху – *зачеркнуто* – прим. авт.) велел дати на поруку до указу. А (буде – *зачеркнуто* – прим. авт.) толко с поруки не будет, и ты б их велел посадит в тюрьму до указу ж. Да о том ко мне отписал. Писан в Великом Новгороде лета.

Информация о статье

Автор: Попова Елизавета Михайловна – ассистент кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0001-6929-0999, Web of Science Researcher ID: AAG-3426-2019, SPIN-код: 9836-1731; e-mail: kowkaforever@yandex.ru

Заголовок: «А посольские де письма...все в воду пометали»: опыт изучения одного преступления в Новгородской земле начала XVII века

Аннотация: В рамках данной статьи рассматривается один из неординарных аспектов Смутного времени, а именно, пример преступной деятельности в Новгородской земле начала XVII века, который попадал под юрисдикцию новгородского воеводского суда. Исследование произведено на основе ряда воеводских отписок и расспросных речей из Архива Санкт-Петербургского института истории РАН, часть впервые публикуется в полном объеме и тем самым вводится в научный оборот. Документальный комплекс, использованный в данной работе, касается ограбления судна английского посла Джона Меррика, видного дипломата, который участвовал в переговорном процессе по поводу заключения Столбовского мира 1617 года. В 1615 году корабль Меррика был ограблен новгородскими крестьянами и казаками. Документы, представленные в статье, раскрывают содержание криминального инцидента и освещают ход судебного расследования. В рамках данной статьи автор уделяет внимание описанию и анализу источников, а также приводит их содержание. Благодаря изучению отписок воевод по этому делу можно выявить алгоритм запуска и хода воеводского суда Новгородской земли в начале XVII века, определить состав должностных лиц, производивших следственную процедуру и их полномочия. Автор приходит к выводу о том, что отписки воевод не дают полной информации о завершении судебного разбирательства, но могут внести ясность в понимание времени, места совершения преступления, его состава и участников. Судя по содержанию документов, ограбление судна английского посла группой разбойников, являлось одним из примеров криминального промысла, организованного крестьянами, который был типичен для рубежа XVI–XVII веков, подобные прецеденты являлись элементом повседневности и не преследовали целью срыва переговорного процесса.

Ключевые слова: Смутное время, Великий Новгород, воеводский суд, посольство Джона Меррика, Якоб Делагарди

Библиографический список

- Башнин, Н. В. Сбор налогов в смуту на северо-западе (по новгородским документам из архива СПбИИ РАН) // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. Великий Новгород, 2017. С. 60–72.
- Безус, Н. Б. Из истории становления судебной власти в России (на примере Новгорода) // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия «Государство и право». 2011. № 14. С. 43–52.
- Безус, Н. Б. Применение норм права в Новгороде в период шведской оккупации в начале XVII в. // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. Великий Новгород, 2017. С. 73–80.
- Бессуднова, М. Б. Береговое право Средневекового Новгорода: в продолжение дискуссии // НИС. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 135–147.
- Болдырев, Р. В.; Кончакова, Е. М. Шведское присутствие в Великом Новгороде начала XVII в. в свете современной российской историографии // НИС. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 175–182.

Нордквист, Л. Несколько челобитных из Новгородского оккупационного архива // Петербургский исторический журнал. 2015. №2. С. 285–303.

Попова, Е. М. К вопросу о природе разбоев в Новгородской земле в Смутное время // Ученые записки УО «Витебского Государственного университета им. П. М. Машерова». Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. Т. 28. С. 65–69.

Селин, А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. Санкт-Петербург: БЛИЦ, 2008. 752 с.

Information about the article

Author: Popova Elizaveta Mikhailovna — Assistant of the Department of World History and International Relations of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University; ORCID: 0000-0001-6929-0999, Web of Science Researcher ID: AAG-3426-2019, SPIN-code: 9836-1731; e-mail: kowkaforever@yandex.ru

Title: «And ambassador’s letters...all were thrown into the water»: the experience of studying a crime in Novgorod land at the beginning of the 17th century

Abstract: This article touches on one of the extraordinary aspects of the Time of Troubles, namely an example of criminal activity in Novgorod land in the beginning of the 17th century, which fell under the jurisdiction of Novgorod voivode trial. The research was carried out on the basis of a number of voivode responses and minutes of interrogation from the archives of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, some of which are published in full for the first time and thus introduced into scientific circulation. The documents used in the research highlight the robbery of the ship of the English ambassador and distinguished diplomat John Meyrick who took part in the negotiation process regarding the conclusion of the Treaty of Stolbovo of 1617. In 1615 Meyrick’s ship was robbed by Novgorod peasants and Cossacks. The documents provided in the article reveal the elements of the criminal incident and cover the judicial investigation. The author of this article addresses the analysis and description of the sources and cites their content. Through studying the voivode responses, it is possible to identify the algorithm for launching and running the voivode trial in Novgorod land in the beginning of 17th century, to determine officials engaged in the investigation as well as their authority. The author concludes that the voivode responses do not provide enough information on the completion of the trial, but they can clarify the time and place of the crime as well as its elements and perpetrators. Judging by the content of the documents, the robbery was an example of crimes organized by peasants, typical for the turn of 16th–17th centuries. Such crimes were mundane, and the robbery was not intended to disrupt the negotiation process.

Keywords: the Time of Troubles, Veliky Novgorod, voivode trial, ambassador John Meyrick, Jacob De la Gardie

References

Bashnin, N. V. Sbor nalogov v smutu na severo-zapade (po novgorodskim dokumentam iz arhiva SPbII RAN) [Collecting taxes in the Time of Troubles in the north-west (according to Novgorod documents from the archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences)], in *Stolbovskij mir i vozvrashchenie Novgorodskoj zemli v sostav Rossijskogo gosudarstva = The Treaty of Stolbovo and the return of Novgorod land to Russia*, 2017, pp. 60–72. (in Russian)

Bezus, N. B. Iz istorii stanovleniya sudebnoj vlasti v Rossii (na primere Novgoroda) [From the history of the formation of the judiciary in Russia (on the example of Novgorod)], in *Vestnik Komi respublikanskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby i upravleniya. Seriya «Gosudarstvo i pravo» = Bulletin of The Komi Republican Academy of State Service and Administration. Series “State and Law”*, 2011, no. 14, pp. 43–52. (in Russian)

Bezus, N. B. Primenenie norm prava v Novgorode v period shvedskoj okkupacii v nachale XVII v. [Administration law in Novgorod in the period of Swedish occupation in the early 17th century], in *Stolbovskij mir i vozvrashchenie Novgorodskoj zemli v sostav Rossijskogo gosudarstva = The Treaty of Stolbovo and the return of Novgorod land to Russia*, 2017, pp. 73–80. (in Russian)

Bessudnova, M. B. Beregovoe pravo Srednevekovogo Novgoroda: v prodolzhenie diskussii, [The coastal law of Medieval Novgorod: continuing the discussion]. In *NIS = Novgorod historical collected book (NHCB)*, 2015, iss. 15(25), pp. 135–147. (in Russian).

Boldyrev, R. V.; Konchakova, E. M. SHvedskoe prisutstvie v Velikom Novgorode nachala XVII v. v svete sovremennoj rossijskoj istoriografii, in *NIS* [The Swedish presence in Veliky Novgorod in the early 17th century in the light of modern Russian historiography], in *NIS = Novgorod historical collected book (NHCB)*, 2015, vol. 15(25), pp. 175–182. (in Russian)

- Nordkvist, L.* Neskol'ko chelobitnyh iz Novgorodskogo okkupacionnogo arhiva [Several petitions from the Novgorod occupation archive], in *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal = Saint-Petersburg Historical Journal*, 2015, no. 2, pp. 285–303. (in Russian)
- Popova, E. M.* K voprosu o prirode razboev v Novgorodskoj zemle v Smutnoe vremya [To the question of the nature of robberies in the Novgorod land in the Time of Troubles], in *Uchenye zapiski UO «Vitebskogo Gosudarstvennogo universiteta im. P. M. Masherova» = Scientific notes of Vitebsk State University named after P. M. Masherov*, 2018, vol. 28, pp. 65–69. (in Russian)
- Selin, A. A.* Novgorodskoe obshchestvo v epohu Smuty [Novgorod society during the Time of Troubles]. Saint-Peterburg: BLITS Publ., 2008. 752 p. (in Russian)

Для цитирования статьи:

Попова Е. М. «А посолские де писма...все в воду пометали»: опыт изучения одного преступления в Новгородской земле начала XVII века. *Caurus*. 2022. Т. 1. № 1. С. 90–103. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-90-103

For citation:

Popova E. M. «And ambassador's letters...all were thrown into the water»: the experience of studying a crime in Novgorod land at the beginning of the 17th century. *Caurus*. 2022. Vol. 1(1). P. 90–103. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-90-103

ВИДЫ ГАНЗЕЙСКИХ ГОРОДОВ ЛЮБЕКА И ГАМБУРГА XVII–XVIII ВЕКОВ. ОТ СОЗЕРЦАНИЯ ЧУДА К ЗРЕЛИЩУ

Ганзейские города изображались в гравюре достаточно часто для того, чтобы сложилась их вполне устойчивая иконография. Однако из-за эволюции гравюры и печати в Европе раннего Нового времени широкое распространение такие изображения получили в ту эпоху, которая не была классической для самих городов Ганзейского союза – некоторые успели из него выйти, положение других изменилось по сравнению со Средними веками. Примеры Любека и Гамбурга кажутся показательными из-за «столичного» статуса первого и усиления роли второго в интересующее нас время, которое с конца XX века активно рассматривается как отдельная эпоха в жизни Ганзы¹.

Атласы, исторические хроники и описания государств XVI века, появившиеся как своеобразный итог познания мира в эпоху Возрождения и Великих географических открытий, не обошли стороной старинные ганзейские города. Сохранились ксилографические виды Любека из «Хроники» Гартмана Шеделя (Schedelsche Weltchronik) 1493 года и Гамбурга из «Космографии» Себастьяна Мюнстера (Cosmographia) 1544 года. Широко известны были гравированные на меди панорамы Франса Хогенберга из атласа «Города земного шара» (Civitates orbis terrarum), который он создал вместе с Георгом Брауном в 1572 году. На двух видах, помещенных один над другим, эти города охарактеризованы так: *«Свободный имперский город Любек, столица вандалов и известного во всем мире Ганзейского союза»* и *«Гамбург, процветающий центр торговли в Нижней Саксонии, хорошо известный ныне по визитам английских купцов. В году 1572»*².

Среди многих деталей в картине мира рубежа XVI–XVII веков. стоит упомянуть и появившийся тогда же трактат историка, географа, военного Пьера д'Авити «Государства, империи и княжества мира...» (Les Estats, empires et principautez du monde...). Книга была переведена на немецкий язык и под названием «Всеобщее описание» (Archontologia Cosmica) переиздавалась с 1628 года несколько раз в течении XVII столетия в знаменитом издательстве семьи Мериан во Франкфурте-на-Майне.

¹ Huang A., Steinführer H. Der Hansetag von 1669 und das "Ende der Hanse" // Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte. "Zeitschrift des Historischen Vereins für Niedersachsen" Herausgegeben von der Historischen Kommission für Niedersachsen und Bremen. 2020. Bd. 92. S. 10

² Lubeca urbs imperialis libera, civitatum wandalicarum, et inclytæ hanseaticæ societatis caput. Hamburga, Florentissimum inferioris Saxoniae emporium, Anglorum frequentatione hoc te:pore celeberrimum A Dni: M. D. LXXII.

Однако в тексте д'Авити и в переводах Любек упомянут только в ряду имперских городов³.

В том же издательстве в первой половине XVII века несколько лет подряд выходило многотомное сочинение «Германская топография» (*Topographia Germaniae*), над которым работали сам Матеус Мериан-старший, Мериан-младший, Каспар Мериан и другие гравёры, а также Мартин Цайлер. Мериан-старший был по происхождению швейцарским графиком и издателем, а Цайлер выступил автором текстов, будучи универсальным учёным эпохи барокко, историком и педагогом. Подробные описания городов Германии (а также Австрии, Швейцарии, Чехии и т.д.) на хорошем доступном языке и гравюры с их видами были прекрасным образцом книгоиздательского искусства и науки. Следует также отметить, что более всего Мериан известен созданием продолжающейся исторической хроники «Европейский театр» (*Theatrum Europaeum*, выходила с 1633 года), которая описывала события XVII – первой половины XVIII века. и иногда снабжалась наряду с портретами планами сражений и панорамами городов. Есть там и упоминания Любека – например, в связи с Любекским миром⁴ 1629 года или ганзетагом 1669 года⁵. Сам характер этого издания, однако, объединяет хронику и периодическую публицистику. Эта его особенность оказала не меньшее влияние на последователей, чем сами гравюры. Стиль легко читаемого текста, привязанного к актуальным историческим событиям, воспроизводился в листовках, ему уподоблялись памфлеты XVII века, которые также как и хроника Мериана должны были объединять развлечение и историю⁶. Авторы таких текстов имели иногда довольно ошутимое стремление к некой объективности и отсутствию резких суждений – точно также, как то было ещё в «Исторических листах» (*Geschichtsblätter*) Франса Хогенберга (гравёра атласа «Города земного шара»), появившихся в условиях Восьмидесятилетней войны⁷, но постепенно ставших рассказывать и показывать события из разных концов Европы, и оказавших большое влияние на однолистовые издания XVII века.

Однако в условиях тесного переплетения жанров, высоких и низких, научных и массовых, роль гравюр из изданий XVI–XVII веков не исчерпывается включением видов городов в картину мира человека раннего Нового времени. Гораздо важнее с точки зрения истории европейской печати роль этих гравюр как иконографических источников для последующих повторений, которые производились в рамках уже не столько культуры Возрождения, сколько барокко и рынка популярной печати XVII–XVIII веков. Для барокко в Германии такие хронологические рамки кажутся вполне

³ Merian M. *Vermehrte Archontologia cosmica, das ist Beschreibung aller Kaiserthümer, königreiche und Republicken der Welt die keinen höhern erkennen...: Alles auss Glaubwürdigen Grunden und Zeugnissen von Anfang biss auff unsere Zeiten in richtiger Ordnung Abgefasset und biss Auff das Jahr 1694. continuiert / Auch mit richtigen Registern ... versehen und von neuem zum Druck befördert durch Matthaui Merians sel. erben.* Franckfurt a. M., 1695. S. 79

⁴ Abelinus, J. P. *Theatrum Europaeum, Oder Außführliche/ und Wahrhaftige Beschreibung aller und jeder denckwürdiger Geschichten...* Frankfurt am Main, durch Matthaueum Merian. 1635. S. 1305.

⁵ Meyer M., Geiger W. J. *Irenico-Polemographiae Continuatio III, Das ist: Der Historisch-fortgeführten Friedens- und Kriegs-Beschreibung Vierdter, Oder deß Theatri Europaei Zehender Theil ... von dem 1665sten Jahr biß in Anno 1671...* Frankfurt am Main, in Verlag Matt. Merian, Casp. Merian. und T.M. Gotzens Seell: Erben, 1635. S. 179

⁶ Bingel, H. *Das Theatrum Europaeum. Ein Beitrag zur Publizistik des 17. und 18. Jahrhunderts.* Lübeck, 1909. S. 15.

⁷ Voges, R. *Power, Faith, and Pictures: Frans Hogenberg's Account of the Beeldenstorm in Low Countries Historical Review.* P. 131.

приемлемыми, учитывая сложные исторические обстоятельства XVII века, прежде всего, Тридцатилетнюю войну. В определенном смысле гравюра и печать в Германии были одними из главных способов проявления искусства барокко, особенно – по сравнению с архитектурой, станковой и монументальной живописью, развитие которых было сильно замедлено в первой половине века⁸ и более всего характерно уже для XVIII столетия.

Поэтому изучая виды ганзейских городов XVII–XVIII веков, следует видеть в них уже не столько пафос познания мира, сколько любопытство и развлечение городской публики, охочей до зрелищ и диковин. Подобная трактовка, тем не менее, не лишена исторического значения – важно понять, как города Ганзы, судьба которой менялась, виделись современникам, получившим доступ к внешнему виду городов мира.

В эпоху XVII–XVIII веков широкое распространение получают такие синтетические жанры как летучий листок⁹, «оптический вид» и всевозможные переносные театры и аттракционы¹⁰. Печать на бумаге имела для них первостепенное значение – она лежала в основе рынка новостей, уличных развлечений и театров, уместающихся в ящике бродячего продавца. Такая демократизация доступа к изображениям, которые раньше находились в научных трудах, и создаёт главную проблему исследования иконографии тех или иных городов. С одной стороны, они стали доступны многим и попали в поток переизданий, с другой – их восприятие носило откровенно популярный характер.

На протяжении XVII–XVIII веков в согласии с общим для искусства барокко стремлением к иллюзионизму, начиная с листовок и заканчивая «оптическими видами» происходит усиление визуальной составляющей произведений. Если листовки XVII века рассказывали с помощью картинки и текста о чем-то удивительном, то «оптические виды» стали миниатюрным подобием театра, почти без текста, без напечатанной истории. Это движение, практически совпадающее с движением от барокко к рококо, можно назвать путем от созерцания чуда к зрелищу. Но что же удивительного могло быть в изображении ганзейского города, и что же от этой «чудесной» подачи материала могло остаться в зрелище конца XVIII века? На этот вопрос мы попытаемся ответить далее, т. к. именно он определяет специфику иконографии рассматриваемых городов.

Так, виды ганзейских городов могут изучаться как своеобразная тема внутри феномена однолистной печати. Однако связывая развитие иконографии с развитием рынка печатных произведений, можно предположить, что «ганзейская» тема будет постепенно уходить, а оставаться будет обобщенно «торговая»; что будет происходить дальнейшее распространение видов этих городов, расширение доступа к ним в Германии и Европе вообще, уже без моральных или научных оценок (или их следов) прошлых XVI–XVII веков, по мере удаления от иконографических и исторических источников. Насколько эти изменения в образе городов обусловлены развитием

⁸ Sutermeister, P., Le Brun, J. Barocke Welt in Raum Und Zier, Barockkunst in Schwaben Und Altbayern. Bayreth, Gondrom, 1976. S. 28.

⁹ Schilling, M. Zum Flugblatt der Frühen Neuzeit: Eine fachwissenschaftliche Einführung in Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes. 2018.

¹⁰ Füsslin, G. Guckkasten: Einblick, Durchblick, Ausblick. Stuttgart, 1995.

рынка однолистной печати, а насколько – объективным развитием Ганзы в Новое время, насколько популярное восприятие ганзейской истории соотносится с самой этой историей – проблема, которую мы попытаемся решить через исследование иконографии.

Сам вопрос о соотношении листовок с видами городов XVII века, затем панорам этих городов первой половины XVIII века и «оптиков» конца того же столетия – с историей и исторической наукой можно решить через обращение к источникам, которые легли в основу тех или иных вариаций. Такие источники, особенно по отношению к XVII веку, следует рассматривать с двух ракурсов – гравюры были необходимы как иконографический источник для визуальной составляющей листовки, тексты – для получения данных и для воспроизведения устоявшихся представлений, не противоречащих знаниям читателя-зрителя и соответствующих его ожиданиям и моральным выводам.

Само появление отдельного поджанра видов городов в таком синтетическом барочном произведении как листовка стоит относить ко второй половине XVII века. Изначально изображение города в листовке невозможно отделить от исторического, религиозного или иного сюжета. И в XVI, и в XVII веке внимание читателя-зрителя привлекали такие события как осады городов, стихийные бедствия и проч. Ярким примером может служить вид Гамбурга с солнечным гало 1628 года (**№ 1**). Этот лист, вероятно, происходящий из некоей брошюры, воспроизводит вид города из «Космографии» С. Мюнстера, к которому добавлено небольшое описание небесного явления и его схематическое изображение. Сам текст не содержит религиозных или астрологических трактовок события, в центре внимания – необычное поведение солнца.

Однако в 1660-е годы в нюрнбергском издательстве Пауля Фюрста появляются листовки с гравюрами Лукаса Шнитцера. В их основе легко можно отыскать виды городов как из изданий XVI века, так и из самых новых на тот момент атласов и книг. Под панорамой города находится стихотворный текст – несколько двух- или трехстиший кратко характеризуют историю города и его современность. Автор стихов во всех случаях остался неизвестен, но им вполне мог быть сам Фюрст, знакомый с традициями майстерзанга¹¹.

В одном ряду стояли Венеция, Антверпен, Стокгольм, Мюнхен, Лейпциг, Аугсбург, Нюрнберг, Константинополь и т.д. Безусловно, в силу того, что то были летучие листки, описания городов и их панорамы нужно рассматривать с точки зрения актуальности для времени своего появления – например, Венеция или австрийский Грац воспевались как передний край обороны от турок. Но остальные города – это, прежде всего, богатые центры международной торговли. Их экономическое величие, выраженное в их красоте и политической воле, оказывается в центре внимания данных листовок и их покупателей. Созерцание этих городов кажется основным предметом данных однолистных произведений. В то же время их нельзя считать чистым

¹¹ Hampe, Th. Beiträge zur Geschichte des Buch- und Kunst-Handels in Nürnberg. II. Paulus Fürst und sein Kunstverlag in Mitteilungen aus dem Germanischen Nationalmuseum 1914–1915. Nürnberg, 1915. S. 5.

пейзажем или украшением для стены (хотя последнюю функцию не стоит исключать¹²) – их новостная специфика выражена в заглавиях и стихах, предлагающих взглянуть на город как он есть сейчас, осмотреть его и его достопримечательности, а также удивиться его красоте, размерам, мощи.

Именно в контексте появления горизонтальных листовок с видами городов 1660-х годов в ряду иных экономических центров находятся два вида ганзейского Любека. Один принадлежит к серии Фюрста и Шнитцера, второй был напечатан неизвестным издателем I.N.M., вероятно, уже не в Нюрнберге.

Панорама в «Правдивом изображении города Любека» (**№ 2**) скомпилирована из двух источников – эта любопытная деталь показывает насколько на самом деле сочиненной была листовка, далекая от условного реализма и стремящаяся к правдоподобию. Верхняя часть, вероятно, восходит (прямо или косвенно – через гравюру Хогенеберга из «Городов земного шара») к крупной панораме города, гравированной на нескольких деревянных досках Элиасом Диббелем в 1552 году, а нижняя – заимствована из наиболее современного для листовок источника – «Саксонской Топографии» Матеуса Мериана-старшего и Мартина Цайлера¹³, при этом в оригинале два вида города по-разному ориентированы по сторонам света.

Здесь важно выделить также влияние текстовых источников на сложение устойчивых представлений о том или ином городе. История и современность ганзейского Любека, описанная авторами XVI и XVII веков, так или иначе, воздействовала на производителей популярных однолистовых изданий. Стих под панорамой Любека в целом следует за описанием города у Цайлера в «Саксонской топографии». Город, достойный похвалы (*das Lob*), имеет древнее происхождение и славится теперь «Словом Божьим, праведностью, церквями и ратушей украшен, / Благодаря торговле, простирающейся во все концы...»¹⁴ Очевидно, что и у Цайлера, и у автора стиха характеристика города скорее соответствует идеалу религиозному, и как свидетельство его праведности может рассматриваться и успешная торговля. Это слияние религии и торговли, вероятно, скрывает под собой моральное восприятие ганзейской действительности XVI–XVII веков. Но если автор стиха в листовке Ганзу не упоминает, то Цайлер рассказывает об этом объединении. Пытаясь дать ему определение, адекватное для современника, он пишет – что раньше звалось «ганзейскими городами» (*Hansehe-Stätte*), теперь стоит понимать как «торговые города» (*Handel-Stätte*): «Если выразаться на современном немецком, их можно назвать торговыми городами» («*Nach vnserer Teutchen jetzigen art zu reden / kan man Sie Handel-Stätte nennen*»¹⁵). Своеобразной визуализацией таких представлений (праведность – торговля – богатство – красота церквей и мощь укреплений) и служит сочиненный вид города. Возможно, что верхняя панорама с мощными земляными

¹² Schilling, M. Bildpublizistik der frühen Neuzeit: Aufgaben und Leistungen des illustrierten Flugblatts in Deutschland bis um 1700. Tübingen, 1990. S. 275.

¹³ Zeiller, M. Topographia Saxoniae Inferioris... S. 154–165.

¹⁴ Lübeck an der Cimber See mag wohl billich Lobeck heisen, / Dann es schon von langer Zeit dargethan in vielen weisen, / Dass mit hohem Lob und Ruhm seines bodens glück zupreisen. / Gottes Wort, Gerechtigkeit, Kirchen und das Rathaus zieren / Durch der Bürger Handelschaft, die sie aller enden führen / Lasset Gott die ganze Statt reiches Glück und Sege spürn.

¹⁵ Zeiller, M. Topographia Saxoniae Inferioris das ist Beschreibung der Vornehmsten Stätte. S. 162.

больверками показалась создателям листовки более выразительной, а передний план с современными деталями должен был способствовать проникновению взгляда зрителя в иллюзорное пространство листа.

Если вид Любека у Фюрста и Шнитцера использует только первый план из вида Любека в «Саксонской Топографии» Мериана, то лист, который можно предположительно датировать 1670-80-ми годами, полностью копирует оригинал. Однако к виду Любека с Мериана был добавлен стихотворный текст, превосходящий по размерам и подробности сочинение из листовки Фюрста¹⁶. Любек охарактеризован автором стиха как «*Ганзейских городов корона, владычица водных путей, / Которая уже многие сотни лет является частью Священной Империи*» (№ 3).

С точки зрения суждений и устоявшихся взглядов на тот или иной город, безусловно, стоит рассматривать и иные источники, вовсе лишенные иллюстраций. Так, в 1634 году была переиздана «Любекская хроника» Германа Бонна¹⁷, первого суперинтенданта города с момента его обращения к лютеранству. И текст данного сочинения, впервые изданного в 1536 году, и листовки, вышедшей во второй половине XVII века, имеют гораздо более очевидный лютеранский характер, чем то было у Фюрста.

То, что было обобщенно выражено у Фюрста и Шнитцера вслед за Цайлером и Мерианом, в случае второй листовки имеет более ясные черты. Прямая связь между правильной верой, богатством города, его независимостью, укреплениями и красотой церковной архитектуры здесь гораздо четче. Вся «Хроника» Бонна является рядом поучительных примеров (exempla), последовательно рассказывающих об истории города. В предисловии Бонн предполагает, что такая подача будет полезна для проповеди, которая лежит в основе не только религиозного, но и политического единства города, что в свою очередь обуславливает его богатство и силу. Поэтому «Хронику» Бонн посвящает городским правителям, а в истории города находит такие примеры, которые поучительны именно с точки зрения единства и праведности. Так, он вспоминает о том, что в 1483 году любекские купцы продали все зерно из городских хранилищ в Голландию, где был неурожай, не подумав о согражданах, что привело к резкому скачку цен на продовольствие¹⁸. Прерывание из-за нараставших политических противоречий¹⁹ успешной и прибыльной торговли с Новгородом в 1498 году Бонн рассматривает как яркий пример того, что всё находится в руках Господа, и не стоит полагаться на даже на длительное везение, но лишь пребывать в страхе божьем²⁰.

Можно поэтому заключить, что панорама Любека второй половины XVII столетия в полной мере соответствует не только иконографическим источникам,

¹⁶ Diss ist die Schöne Statt der Stätte Königin / Der Hansestätte Kron, der Flüsse Meisterin. / Die schon viel hundert zum heiligen Reich gehoret / Und nur den Adeler als seinen herren ehret. / Die Handelungs Bewerb im Wasser und zu Land, / Bereichern Statt und Volck, und machen sie bekant / Durch alle theil der Welt: man liebt da Künst und Tugend, / Drüm wenden sie viel gelt an die gelehrte Jügend. / Die waare Gottes Lehr erhöht Ihr Ehrenlob, / Sie thun im Regiment der Klugheit manche Prob. / Glück zu. du schone Statt Gott lasse Lübeck stehen / Im Segen und im fried biss alle Welt zergehen.

¹⁷ Bonn, H. Lübecksche Chronika. Lübeck, 1634.

¹⁸ Bonn, H. Lübecksche Chronika... Bl. CVIIIv.

¹⁹ Schubert Ernst. Novgorod, Brügge, Bergen und London: Die Kontore der Hanse. // Concilium medii aevi. 2002. Bd. 5. S. 17

²⁰ Bonn, H. Lübecksche Chronika... Bl. FIIIr.

но и моральным суждениям, которые были распространены в то время. А вслед за этим можно предположить, что город в листовке подается как своеобразное «чудо», не без религиозной составляющей, но и не без вполне светского созерцания. Религиозное моральное прошлое, превращенное в «экземплы», переходит в приемлемую для всех риторическую формулу, которая не мешает изображению, открывая путь для созерцания ганзейского города. Авторы листовки используют моральную оценку для создания привлекательного правдоподобного произведения барокко – такая подача характерна для листовки и как явления иллюстрированной публицистики и литературы, и как товара своего времени.

Рынок однолистовых изданий второй половины XVII века активно втягивал в себя достижения космографии XVI-го и топографии XVII-го веков. Это расширяло доступ к визуальным данным, формируя основу для популярных представлений и образов местности, поданных с неким актуальным для того времени смыслом, в рамках понятного тогда контекста – не только исторического, но и социокультурного. Однако в то же самое время эти процессы обуславливают противоречие рынка тиражируемого искусства Нового времени: доступ «обесценивает» образы и устойчивые представления, они развиваются всё больше не по законам литературы или топографии, а по законам ремесленного производства печатных произведений. Поэтому в повторении образов и их интерпретации не стоит видеть ни пропаганды, ни исторического источника – это именно нечто иное, зарождающаяся массовая культура с её сильными и слабыми сторонами.

В интересующие нас XVII–XVIII века производство однолистовых изданий и по своему содержанию, и по своему происхождению можно назвать городским или, учитывая будущее звучание этого слова, – «буржуазным». Именно буржуазной можно назвать тему города и ее распространение в популярной печати, созерцание города, интерес к его истории и нынешнему состоянию. Очевидно, что ганзейские города с их опытом самостоятельной политической жизни и богатством торговли приковывали внимание современников в ряду других знаменитых торговых городов мира – Антверпена, Венеции и др., будучи идеальной темой для восхищения городом.

Имея в виду такие ожидания и имевшиеся внутри рынка однолистной печати графические источники, можно заключить, что моральная красота, прежде всего, лютеранского города, выраженная в избытке его церквей, а независимость – видом ратуш и стен, объясняют тип изображения города как укрепленного, готового дать отпор. Город наглядно выражает безопасность – ее созерцание успокаивает и радует любого бюргера. Это делает лист не только привлекательным для покупателя, но делает его частью культурной жизни человека в согласии с его моральными и психологическими установками.

В целом, учитывая особенности текста и изображения можно предположить, что эволюция представлений о Любеке как торговом городе с ганзейским прошлым (как у Цайлера) отражается в развитии однолистовых изданий, пусть и отдаленно, соответствуя реальным экономическим и историческим обстоятельствам. Безусловно, ганзейское прошлое в условиях популярной печати могло выступать чем-то диковинным, но именно как часть имиджа торгового города XVII в.

В XVIII веке происходят определенные изменения, обусловленные дальнейшим развитием синтетических художественных произведений барокко. Если в XVII веке обращение к зрителю и читателю реализуется через синтез картинки и текста, вместе создающих некое правдоподобное сообщение, то в XVIII веке привычная доказательность гравюры рассматривается всё больше априорно, позволяя предлагать зрителю те или иные визуальные данные как сообщение о том или ином объекте, но без текста. Кроме того, упор на визуальное начало – явный признак расширения потенциальной публики. Если в целом листовка XVII века предназначалась для грамотных горожан, и лишь внутри неё можно найти листы, пригодные для неграмотных – религиозные, чудотворные, карикатурные образы, то в XVIII веке происходит постепенная переориентация на более широкую, как грамотную, так и неграмотную публику, и сатирические картинки, равно как и виды городов занимают значительную часть рынка однолистовой печати, равно как и изображение в них занимает всё больше места.

В полном согласии с доминированием визуальной составляющей при обращении к широким массам в искусстве барокко и одновременно с развитием рынка тиражного искусства, жанр городского вида движется по своеобразной траектории: от синтеза картинки и текста – к зрелищу, и, соответственно, от проникновения свежих научных данных в печать – до отрыва картинки от действительности по законам рынка самой печати.

Это хорошо заметно при изучении иконографических источников. Безусловно, в XVIII веке появляются новые издания, либо представляющие новые изображения, либо всё более закрепляющие старые типы. Так, в конце 1720-х годов вышел многотомный компилятивный труд Питера ван дер Аа «Прелестная галерея мира» (*Galerie Agréable du Monde*). В ней наряду с картами и планами были собраны и виды городов, которые, очевидно, базировались и на атласах XVI века, и на гравюрах из топографий XVII-го, возможны были и новые произведения, часто фантастического свойства. Тем не менее, этот комплекс гравюр стал мощным визуальным источником для издателей XVIII века. Однако способы репрезентации Любека и Гамбурга в нем отличаются друг от друга – если Любек воспроизведен с гравюры Мериана-старшего в уменьшенном и упрощенном виде, то появляющийся в компиляции Гамбург дан дважды – как план укреплений и как панорама города. Такое видение, в отличие от листовок XVII века, характерно именно для XVIII столетия: уже в сборнике ван дер Аа заметно желание автора показать города в виде эффектных картин, а отсутствие текста подчеркивает их сугубо визуальное восприятие. План Гамбурга, и его панорама скорее всего восходят к гравюре Питера Шенка-старшего, вероятно, созданной для или после переиздания им в 1682 году «Саксонской Топографии» Мериана 1653 года, в которой изначально не было вида этого города, а была лишь история, написанная Цайлером. Сам же Шенк базировался, вероятно, на панораме Гамбурга из атласа Брауна и Хогенберга, которые, кроме того, в 1590 году дополнили вид города его планом, выполненным будто с высоты птичьего полета. В «Прелестной галерее мира» Гамбург выглядит внушительнее, чем Любек.

В первой половине века появляются и новые тексты исторического содержания. Стоит привести как примеры наиболее любопытные – «Основательное сообщение об

имперском и свободном Его Императорского Величества городе Любеке...» (1713) местного теолога Якоба фон Меллеи «Ганзейская хроника»²¹ Иоганна Петера Виллебранда (1748). Тексту первой книги предшествует вид Любека, достаточно оригинальный, но не получивший широкого распространения. Фон Мелле рассказывает об истории города, о его достопримечательностях – упоминает и о знаменитых «Плясках смерти» в Мариенкирхе²², где был пастырем, приводя стихотворные тексты «Плясок», благодаря чему они дошли до нас несмотря на барочную реставрацию начала XVIII века. и уничтожение живописного цикла в 1942 году²³. В целом, работу фон Мелле о Любеке можно назвать как исследованием, так и путеводителем.

«Ганзейская хроника» Виллебранда выступает более серьезным произведением, не имеющим иллюстраций, а изображение Любека встречается только на титульном листе внутри причудливой аллегорической сцены. Важно то, что в тексте книги в разделах об истории Ганзы XVII–XVIII веков постоянно указываются вместе три города – Любек, Гамбург и Бремен. Это позволяет предполагать, что они являются основными действующими лицами ганзейской истории Нового времени, что подразумевает видоизменение Ганзейского союза, его преобразование в новое объединение наиболее крупных торговых городов, безусловно, продолжавших привлекать внимание зрителей и читателей.

Из-за особенностей развития иконографических источников и популярной печати, в последней закрепился тип города с хорошей фортификацией и узнаваемым по высотным доминантам церковью силуэтом. Начало этому было положено в XVII веке, когда из атласов и топографий эти изображения попали в летучие листки с видами городов. Однако попав туда, они менялись вместе с жанром однолистной печати барокко, в которой выходило на первый план визуальное начало. Это отчетливо заметно как в голландском атласе ван дер Аа, так и в панорамах городов, которые активно печатались в Германии в 1730–1760 годов.

Такие панорамы по-прежнему, как и листовки, репрезентировали ганзейские Любек и Гамбург в ряду торговых столиц мира – Венеции, Страсбурга и проч. Но уход от текста, и, тем более, от теологической интерпретации, позволил этим видам стать наиболее зрелищными и наметить выход таких листов на общеевропейский уровень, ещё больше расширить доступ к этим изображениям. Однако и в ситуации с очевидным зрелищным началом сохраняется образ богатого и хорошо укрепленного города с церквями.

Масштабная, клеенная из двух листов панорама Любека «LUBECA LÜBECK» по рисунку Фридриха Бернарда Вернера (№ 4) появилась в 1760–1770 годах в аугсбургском издательстве Георга Бальтазара Пробста, который впоследствии станет одним из крупнейших издателей «оптических видов» в Германии. В этой серии существовал и вид Гамбурга. Гравюра с Любеком совмещает эффектный вид сверху на

²¹ Willebrand, J. P. Hansische Chronick aus beglaubten Nachrichten zusammengetragen. Lübeck, 1748.

²² Melle, J. v. Gründliche Nachricht von der Kayserlichen, Freyen, und des H. Römisch. Reichs Stadt, Lübeck. Lübeck, 1713. S. 91.

²³ Freytag H. "adaptatio" und "imitatio": Gedanken über den Totentanz von St. Marien in Lübeck und St. Nikolai in Reval (Tallin) // Die Stadt im europäischen Nordosten. Lubeck, 2001. S. 220.

городские укрепления и детализированную панораму города. Театральность данного листа подчеркнута фигурами на первом плане – дамы и кавалеры справа и слева прогуливаются и смотрят на город, будто приглашая зрителя взглянуть в глубину иллюзорного пространства. На гравюре выделяются достопримечательности Любека, хорошо узнаваемые благодаря подписям – церкви, ратуша, а также множество кораблей на набережной.

В 1757 году была издана трехчастная панорама Гамбурга «FACIES HAMBURGI QUALEM EXHIBET CONSPECTUS AB EA REGIONE ALBIS QUAE A MERIDIE VERGIT IN ORIENTUM» (№ 5). Вероятно, автор – Давид Иоганн Мартини – сделал упор не только на оптический эффект, но и старался вполне правдиво в духе пейзажа запечатлеть панораму богатого города. Гравюра, посвященная бургомистру Гамбурга Мартину Иеронимусу Шеле, лишь слегка напоминает виды у ван дер Аа или Мериана, вероятно, потому что имеет под собой как печатный прототип, так и наблюдение с натуры, знакомое создателям зрелищных панорам ещё со времен Альбрехта Дюрера²⁴. На первый план гравёр поместил многочисленные торговые и грузовые суда, которые разнообразят ландшафт – тонкую линию городской застройки с высокими шпилями церквей. Вид Гамбурга заметно отличается от панорамы Любека, однако, по-прежнему свидетельствует о значительном интересе именно к наблюдению и созерцанию.

В меньшей степени правдиво, но в ещё большей степени «оптически» стали изображаться города во второй половине XVIII века, когда появились так называемые «оптические виды» (в Германии Guckkastenbilder, во Франции vues d'optique, в Англии – perspective views и т.д.). Этот популярный в Европе второй половины XVIII – начала XIX века аттракцион, состоявший из созерцания таких раскрашенных листов с помощью оптических приспособлений («зограскоп», «оптическая диагональная машина», состоявших из зеркала и линзы²⁵), вновь расширил границы популярного познания – ведь изображения городов мира стали ещё доступнее, ещё выразительнее и проще, чем то было в XVII и начале XVIII века. Текстовая часть, сокращенная до пояснительной подписи, не играла особой роли, а всё, что мог узнать зритель о городе, могло исходить лишь от человека, известного в Германии как Guckkastenman, который и предлагал горожанам за плату буквально свой «ящик для подглядывания» (Guckkasten). Очевидно, что несмотря на выход старых иконографических источников к широким массам не только в Германии, но и в остальной Европе, виды городов сохраняли некие особые черты, которые, как мы показали выше, сложились внутри синтетических листовок XVII века без отрыва от литературных и исторических сочинений. Однако в новых условиях от ганзейских городов мог остаться только узнаваемый силуэт.

Если листовки с видами городов можно воспринимать амбивалентно как мысленное путешествие и туристический проспект для реального путешественника, рекомендовавший посетить и увидеть те или иные достопримечательности, то уже панорамы предлагают зрителю именно в деталях осмотреть город. «Оптические

²⁴ Duempelmann B. Panoramen – Vermessene Welten. Begleitpublikation zur Ausstellung im Kunstmuseum Basel vom 2. Juni bis 7. Oktober 2012. Basel/Muttenz, 2012. S. 4

²⁵ Kaldenbach, K. Perspective Views. Print Quarterly. P. 87

виды» и вовсе можно понимать как воображаемое путешествие (*voyage imaginaire*²⁶) с явным развлекательным оттенком. Такие изображения городов существуют уже в рамках рынка популярной печати, этим в большей степени, чем самим барокко, определяется их иконография. «Оптики» являются довольно поздним для барокко явлением, зрелищным, театрализованным, почти массовым.

К сожалению, изображения Любека в «оптических видах» нам неизвестны. Однако, в 1760–1770 годах в Аугсбурге Маркус Абрахам Рупрехт опубликовал «оптик» с видом Гамбурга (**№ 6**). Лист снабжен подписью на французском, итальянском, латыни и немецком, которая характеризует Гамбург как «*выдающийся торговый город, расположенный на Эльбе*»²⁷. В основе данного вида лежит вероятнее всего гравюра из «Галереи» ван дер Аа, но традиционно ещё для листовок панорама сжата и превращена в узнаваемый лаконичный силуэт. В этом смысле вид Гамбурга в «оптике» 1760–1770 годов прямо отсылает зрителя к листовкам с видами городов столетней давности (1660–1670-е годы). Безусловно, издатель снабдил изображение и зеркальным титулом, привычным для «оптиков» из-за разглядывания их при помощи зеркала, и подписями на четырех языках, и порядковым номером внутри некой серии – но само изображение лишено подчеркнутой линейной перспективы, характерной для «оптиков». Гамбург, важный торговый порт, ворота для колониальных товаров, показан укрепленным по современным для своей эпохи меркам, особо выделяется его узнаваемая панорама со шпилями церквей.

Вероятно, присутствие Гамбурга в ряду крупнейших городов мира, привлекавших внимание издателей «оптиков», вполне созвучно исторической и экономической ситуации конца XVIII века. Если Любек на Балтийском море был воротами балтийской торговли, то Гамбург был воротами в Северное море, которое, в свою очередь открывалось в океан и трансатлантическую торговлю. Однако такое совпадение истории городов и их иконографии обусловлено, вероятно, не столько способностью искусства отражать действительность, сколько эволюцией барочной однолистовой печати в Германии.

Так, «оптики» сохраняют образ укрепленного города, но уже не из-за его ганзейского прошлого и чудесности его вида, а из-за сложившейся практики. В целом, «оптические виды» через панорамы были прямо связаны с традициями XVII века, и именно в листовках с видами городов формируются за счет синтеза картинки и текста некие популярные представления. Помещенные в условия рынка однолистовой печати и развивающиеся в формах искусства барокко, они начинают жить своей жизнью. Оптики на самом деле сюжетны и актуальны, ведь читатель-зритель листовки был приучен разглядывать вид как новость, нечто актуальное, нечто правдивое, как самый верный вид того или иного города, достойного внимания, подобно тому, как внимания сначала удостоивались некие изображенные диковины и чудеса.

Однако освобождение визуального начала характеризует всё дальнейшее развитие популярной печати. Правдоподобие с упором на визуальную часть,

²⁶ Kaldenbach, K. Perspective Views... P. 89

²⁷ Vue du HAMBOURG, un principal Ville marchande, sur la Revier de l'Elbe. / Vedutta di HAMBORGO, una principale Citta mercantile, Situato al'Elba Fluvio. / Prospectus HAMBURGI, Urbs mercatura nobilis ad Albim Fluvium. / Gesicht von HAMBURG, der vornehmen Handels Stadt, an der Elbe gelegen.

традиционное для листовки, сначала не противоречило самому себе и достигнутым успехам иллюстрированной однолистовой печати, но уже не имело иного активного содержания, кроме вида города, предложенного к разглядыванию. Иными словами, само напечатанное изображение постепенно превращается в нечто удивительное, и это позволило издателям уйти от текста, а от новости о чем-то удивительном перейти к своеобразному производству удивительного.

С точки же зрения исследования искусства барокко приходится признать – чем меньше текста, тем больше изображения, а значит, кажется, что правдивость произведения возросла. Если зрелищность художественного образа внутри культуры барокко выступает мерилom правдивости, она не является следованием натуре в изображении действительности. Когда постепенно покупатель XVII–XVIII веков привыкает разглядывать виды, рынок однолистовой печати предлагает ему панорамы городов и «оптики». Новые и новые листы базируются почти всегда на одних и тех же источниках, лишь иногда появляется что-то оригинальное.

Постепенно виды городов от сообщений о чудесах переходят к визуальному аттракциону, достойному созерцания и удивительному самому по себе. Текст почти уходит, и виды Любека и Гамбурга на смысловом уровне перестают быть видами ганзейских городов постольку, поскольку поэтический текст становится подписью, однако в печати все же фиксируется образ укрепленного и украшенного церквями богатого города. Листовка барокко открывает этот путь, «оптики» намечают путь уже вне барокко. Таков ранний этап развития массового искусства Нового времени, ранний этап буржуазного / городского искусства, и так в нем эволюционируют образы городов – чудесных, ганзейских, торговых.

Гравюры с изображением Любека и Гамбурга

№ 1. Неизвестный гравер. Чудесное знамение в 1628 году (*Wunder Zeüchen. Anno 1628*). Гравюра на меди. После 1628 года.

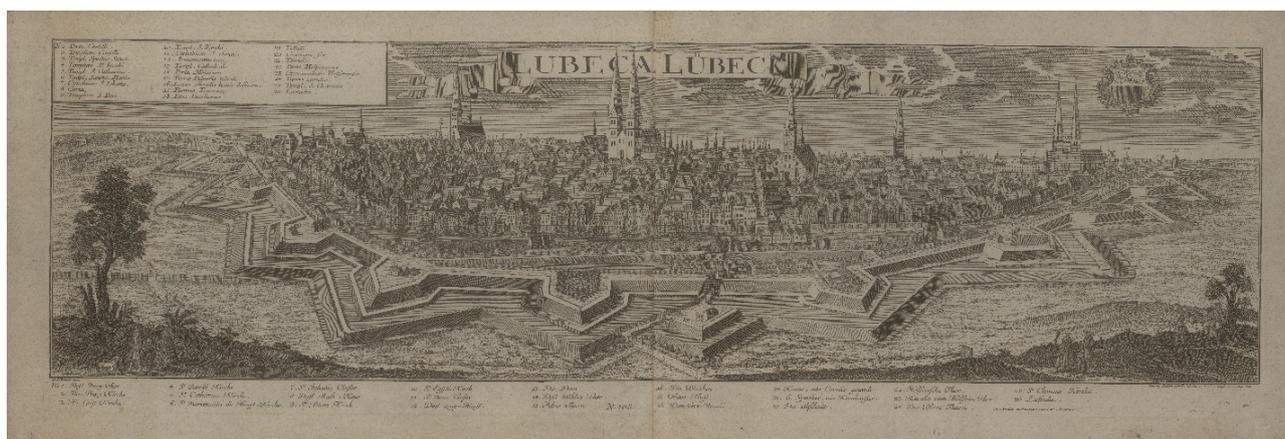
№ 2. Лукас Шнитцер (издатель – Пауль Фюрст). Правдивое изображение широко известного морского и торгового города Любека (*Waare abbildung der Weitberühmten See-und Handels Statt Lübeck*). Гравюра на меди. 1660-е годы.

№ 3. Гравер (или издатель) с монограммой ИН. М. Любек (*LUBECCA*). Гравюра на меди. Вторая половина XVII века.

№ 4. Георг Бальтазар Пробст по рисунку Фридриха Бернарда Вернера. Любек (*LUBECA LÜBECK*). Гравюра на меди. 1760–1770 годы.

№ 5. Давид Иоганн Мартини. Вид Гамбурга (*FACIES HAMBURGI QUALEM EXHIBET CONSPECTUS AB EA REGIONE ALBIS QUAE A MERIDIE VERGIT IN ORIENTEM*). Гравюра на меди. 1757 год.

№ 6. Маркус Абрахам Рупрехт. Вид Гамбурга, главного торгового города на Эльбе (*Vue du HAMBOURG, un principal Ville marchande, sur la Rivier de l'Elbe*). Гравюра на меди, оттиск раскрашен. 1770-е годы.

Информация о статье

Автор: Эсоно Александр Флорентинович – кандидат искусствоведения, заместитель заведующего Отдела эстампов ФГБУ «Российская национальная библиотека», Санкт-Петербург, Россия; ORCID: 0000-0001-5421-0765; e-mail: aesono@yandex.ru

Заголовок: Виды ганзейских городов Любека и Гамбурга XVII–XVIII веков. От созерцания чуда к зрелищу

Аннотация: Немецкие города активно изображались в гравюре раннего Нового времени благодаря развитию топографии, истории, публицистики и печатного дела. Среди городов обширного региона Священной римской империи германской нации особое место занимали крупные центры торговли и культуры – ганзейские города. Статья посвящена краткой характеристике эволюции образов Любека и Гамбурга в немецкой популярной печати XVII–XVIII вв. Обозначенный период отмечен широким распространением гравированных видов этих городов, а городская тема в гравюре и публицистике проходит своеобразный путь развития – от новости о внешнем виде города, его истории и актуальной повестки дня – до аттракциона в жанре «оптических видов».

Ключевые слова: летучий листок, оптический вид, панорама, барокко, Ганзейский союз, немецкая гравюра XVII–XVIII веков

Библиографический список

- Abelinus, J. P.* Theatrum Europaeum, Oder Außführliche/ und Wahrhaftige Beschreibung aller und jeder denckwürdiger Geschichten... Frankfurt am Main, durch Matthaeum Merian, 1635. 1316 s.
- Bingel, H.* Das Theatrum Europaeum. Ein Beitrag zur Publizistik des 17. und 18. Jahrhunderts. Lübeck, 1909 (1982). 123 s.
- Bonn, H.* Lübecksche Chronika. Lübeck, 1634. 84 s.
- Duempelmann, B.* Panoramen – Vermessene Welten. Begleitpublikation zur Ausstellung im Kunstmuseum Basel vom 2. Juni bis 7. Oktober 2012. Basel/Muttenz, 2012. 11 s.
- Freytag, H.* "adaptatio" und "imitatio": Gedanken über den Totentanz von St. Marien in Lübeck und St. Nikolai in Reval (Tallin) // Die Stadt im europäischen Nordosten. Lübeck, 2001. S. 219–227.
- Füsslin, G.* Guckkasten: Einblick, Durchblick, Ausblick. Stuttgart, Füsslin Verlag, 1995. 120 s.
- Hampe, T.* Beiträge zur Geschichte des Buch- und Kunst-Handels in Nürnberg. II. Paulus Fürst und sein Kunstverlag in Mitteilungen aus dem Germanischen Nationalmuseum 1914–1915. Nürnberg, 1915. S. 3–127.
- Huang, A.; Steinführer H.* Der Hansetag von 1669 und das "Ende der Hanse" // Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte. "Zeitschrift des Historischen Vereins für Niedersachsen" Herausgegeben von der Historischen Kommission für Niedersachsen und Bremen. Band 92. Göttingen: Wallstein Verlag, 2020, S. 9–45.
- Kaldenbach, K.* Perspective Views. Print Quarterly, Vol. 2, No. 2 (JUNE 1985). P. 87–104.
- Melle, J. von.* Gründliche Nachricht von der Kayserlichen, Freyen, und des H. *Römisch.* Reichs Stadt, Lübeck. Lübeck, 1713. 336 s.
- Merian, M.* Vermehrte Archontologia cosmica, das ist Beschreibung aller Kaiserthümer, königreiche und Republicken der Welt die keinen höhern erkennen ... : Alles auss Glaubwürdigen Grunden und Zeugnissen von Anfang biss auff unsere Zeiten in richtiger Ordnung Abgefasset und biss Auff das Jahr 1694. continuiret / Auch mit richtigen Registern ... versehen und von neuem zum Druck befördert durch Matthaei Merians sel. erben. - Franckfurt a. M. : J. Görlin, 1695. 948 s.
- Meyer, M.; Geiger W. J.* Irenico-Polemographiae Continuatio III, Das ist: Der Historisch-fortgeführten Friedens- und Kriegs-Beschreibung Vierdter, Oder deß Theatri Europaei Zehender Theil ... von dem 1665sten Jahr biß in Anno 1671... Frankfurt am Main, in Verlag Matt. Merian, Casp. Merian. und T.M. Gotzens Seell: Erben, 1635. 1560 s.
- Schilling, M.* Bildpublizistik der frühen Neuzeit: Aufgaben und Leistungen des illustrierten Flugblatts in Deutschland bis um 1700. Tübingen: Niemeyer, 1990. 503 s.
- Schilling, M.* Zum Flugblatt der Frühen Neuzeit: Eine fachwissenschaftliche Einführung in Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes 1 /2018, Jg. 65. Göttingen, V&R unipress GmbH, 2018. S. 4–20. <https://doi.org/10.14220/mdge.2018.65.1.4>
- Schubert, E.* Novgorod, Brügge, Bergen und London: Die Kontore der Hanse. // Concilium medii aevi. Bd. 5, 2002. S. 1–50. <https://doi.org/10.11588/cma.2002.0.78212>
- Sutermeister, P.; Le Brun, Jeannine.* Barocke Welt in Raum Und Zier, Barockkunst in Schwaben Und Altbayern. Bayreuth, Gondrom, 1976. 212 s.
- Voges, R.* Power, Faith, and Pictures: Frans Hogenberg's Account of the Beeldenstorm in Low Countries Historical Review, Volume 131–1 (2016), p. 121–140. DOI:10.18352/bmgn-lchr.10182
- Willebrand, J. P.* Hansische Chronick aus beglaubten Nachrichten zusammengetragen. Lübeck, 1748.
- Zeiller, M.* Topographia Saxoniae Inferioris das ist Beschreibung der Vornehmsten Stätte... Frankfurt am Main, bey Matth. Merians S. Erben. MDCLIII [242].

Information about the article

Author: Esono Alexander Florentinovich — Candidate of Art History, Deputy Head of the Prints Department of the National library of Russia, Saint-Petersburg, Russia; ORCID: 0000-0001-5421-0765; e-mail: aesono@yandex.ru

Title: Views of the Hanseatic cities of Lübeck and Hamburg in the 17th–18th centuries. From the beholding of a miracle to a spectacle

Abstract: German cities were actively depicted in early modern engraving due to the development of topography, history, journalism, and printing. Among the cities of the vast region of the Holy Roman Empire of the German nation, a special place was occupied by large centers of trade and culture — the Hanseatic cities. The article is devoted to a brief description of the evolution of the images of Lübeck and Hamburg in the German popular prints of the 17th–18th centuries. The indicated period is marked by the wide distribution of engraved views of these cities, and the urban theme in engraving and journalism goes through a peculiar way of development — from news about the appearance of the city, its history, and current agenda to an attraction in the genre of optical views.

Keywords: flying page, optical view, panorama, baroque, the Hanseatic League, German engraving of the 17th–18th centuries

References

- Abelinus, J. P.* Theatrum Europaeum, Oder Außführliche/ und Wahrhaftige Beschreibung aller und jeder denckwürdiger Geschichten... Frankfurt am Main, durch Matthaeum Merian, 1635. 1316 p. (in German)
- Bingel, H.* Das Theatrum Europaeum. Ein Beitrag zur Publizistik des 17. und 18. Jahrhunderts. Lübeck, 1909 (1982). 123 p. (in German)
- Bonn, H.* Lübecksche Chronika. Lübeck, 1634. 84 p. (in German)
- Duempelmann, B.* Panoramen — Vermessene Welten. Begleitpublikation zur Ausstellung im Kunstmuseum Basel vom 2. Juni bis 7. Oktober 2012. Basel/Muttenz, 2012. 11 p. (in German)
- Freytag, H.* "adaptatio" und "imitatio": Gedanken über den Totentanz von St. Marien in Lübeck und St. Nikolai in Reval (Tallin) in Die Stadt im europäischen Nordosten. Lübeck, 2001, pp. 219–227. (in German)
- Füsslin, G.* Guckkasten: Einblick, Durchblick, Ausblick. Stuttgart, Füsslin Verlag, 1995. 120 p. (in German)
- Hampe, T.* Beiträge zur Geschichte des Buch- und Kunst-Handels in Nürnberg. II. Paulus Fürst und sein Kunstverlag in Mitteilungen aus dem Germanischen Nationalmuseum 1914–1915. Nürnberg, 1915, pp. 3–127. (in German)
- Huang, A.; Steinführer H.* Der Hansetag von 1669 und das "Ende der Hanse", in *Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte*. "Zeitschrift des Historischen Vereins für Niedersachsen" Herausgegeben von der Historischen Kommission für Niedersachsen und Bremen. Band 92. Göttingen: Wallstein Verlag, 2020, pp. 9–45. (in German)
- Kaldenbach, K.* Perspective Views. Print Quarterly, (JUNE 1985), vol. 2, no. 2 pp. 87–104.
- Melle, J. von.* Gründliche Nachricht von der Kayserlichen, Freyen, und des H. Römisch. Reichs Stadt, Lübeck. Lübeck, 1713. 336 p. (in German)
- Merian, M.* Vermehrte Archontologia cosmica, das ist Beschreibung aller Kaiserthümer, königreiche und Republicquen der Welt die keinen höhern erkennen ... : Alles auss Glaubwürdigen Grunden und Zeugnissen von Anfang biss auff unsere Zeiten in richtiger Ordnung Abgefasset und biss Auff das Jahr 1694. continuiert / Auch mit richtigen Registern ... versehen und von neuem zum Druck befördert durch Matthaeh Merians sel. erben. Franckfurt a. M. : J. Görlin, 1695. 948 p. (in German)
- Meyer, M.; Geiger W. J.* Irenico-Polemographiae Continuatio III, Das ist: Der Historisch-fortgeführten Friedens- und Kriegs-Beschreibung Vierdter, Oder deß Theatri Europaei Zehender Theil ... von dem 1665sten Jahr biß in Anno 1671... Frankfurt am Main, in Verlag Matt. Merian, Casp. Merian. und T.M. Gotzens Seell: Erben, 1635. 1560 p. (in German)
- Schilling, M.* Bildpublizistik der frühen Neuzeit: Aufgaben und Leistungen des illustrierten Flugblatts in Deutschland bis um 1700. Tübingen: Niemeyer, 1990. 503 p. (in German)
- Schilling, M.* Zum Flugblatt der Frühen Neuzeit: Eine fachwissenschaftliche Einführung in Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes 1 /2018, Jg. 65. Göttingen, V&R unipress GmbH, 2018, pp. 4–20. (in German) DOI: 10.14220/mdge.2018.65.1.4
- Schubert, E.* Novgorod, Brügge, Bergen und London: Die Kontore der Hanse, in *Concilium medii aevi*, 2002, vol. 5, pp. 1–50. (in German). <https://doi.org/10.11588/cma.2002.0.78212>
- Sutermeister, P.; Le Brun, J.* Barocke Welt in Raum Und Zier, Barockkunst in Schwaben Und Altbayern. Bayreuth, Gondrom, 1976. 212 p. (in German)

- Voges, R. Power, Faith, and Pictures: Frans Hogenberg's Account of the Beeldenstorm in Low Countries Historical Review, vol. 131–1 (2016), pp. 121–140. DOI: 10.18352/bmgn-lchr.10182
- Willebrand, J. P. Hansische Chronick aus beglaubten Nachrichten zusammengetragen. Lübeck, 1748. (in German)
- Zeiller, M. Topographia Saxoniae Inferioris das ist Beschreibung der Vornehmsten Stätte... Frankfurt am Main, bey Matth. Merians S. Erben. MDCLIII. 242 p. (in German)

Для цитирования статьи:

Эсоно А. Ф. Виды ганзейских городов Любека и Гамбурга XVII–XVIII веков. От созерцания чуда к зрелищу. *Caurus*. 2022. Т. 1. № 1. С. 104–122. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-104-122

For citation:

Esono A. F. Views of the Hanseatic cities of Lübeck and Hamburg in the 17th–18th centuries. From the beholding of a miracle to a spectacle. *Caurus*. 2022. Vol. 1(1). P. 104–122. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-104-122

ХРОНИКА

УДК 93/94

ББК 63.3(2)4

DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-123-128

В. А. Якунина

ГАНЗЕЙСКАЯ И БАЛТИЙСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СТУДЕНЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЯХ НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. ЯРОСЛАВА МУДРОГО В 2021—2022 УЧ. ГОДУ

В последние годы в отечественной науке наблюдается прогрессивный рост исследовательского интереса к Ганзе. Великий Новгород во многих позициях является лидирующей площадкой по проведению культурных, деловых и научных мероприятий, посвященных ганзейской тематике. В этой связи НовГУ им. Ярослава Мудрого стремится к созданию на базе университета единого коммуникативного пространства для исследователей Ганзы и Балтийского региона. Учитывая, что в современной исследовательской среде имеет место сравнение Ганзейского союза и Европейского союза¹, не будет преувеличением сказать, что изучение русско-ганзейской проблематики позволит проследить динамику развития отношения Новгорода с европейскими государствами, определить основные точки взаимодействия и сформировать объективное представление о характере взаимоотношений Россия-Запад. Развитие этой проблематики, в том числе в контексте студенческой науки, является одним из приоритетных направлений деятельности НовГУ им. Ярослава Мудрого. В 2021/2022 учебном году на его базе прошел ряд научных мероприятий для студентов и молодых ученых, посвященных истории Балтийского региона и Ганзы.

23–24 сентября 2021 года состоялась Международная научная конференция молодых ученых «Ганзейский союз: от зарождения к возрождению»², посвященная вопросам развития Балтийского коммуникативного пространства и Северо-Запада Руси, связанного с Ганзейским союзом. Доклады, представленные на конференции, хронологически охватывали период от Средних веков до Новейшего времени. Участники разрабатывали вопросы, посвященные различным источниковедческим и историографическим аспектам. Сразу несколько докладов было посвящено анализу существования и функционирования Немецкого подворья в Великом Новгороде. Помимо этого, были представлены работы затрагивающие торгово-экономические и

¹ См. подробнее: *Hammel-Kiesow R.* Europäische Union, Globalisierung und Hanse. Überlegungen zur aktuellen Vereinnahmung eines historischen Phänomens // *Hansische Geschichtsblätter*. Köln: Böhlau, 2007. Bd. 125. S. 1–44.

² Ознакомиться с видеозаписью конференции «Ганзейский союз: от зарождения к возрождению» можно по следующей ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=yNG8DUANJM>

военно-стратегические вопросы, а также доклады, посвященные христианизации и богослужениям в ганзейском пространстве.

Пленарное заседание открыла д.и.н., профессор кафедры всемирной истории и международных отношений *Марина Борисовна Бессуднова*, рассказавшая о проблемах и перспективах изучения Ганзы в современной медиевистике, а также обозначив основные вехи в развитии зарубежного и отечественного ганзееведения. *Артем Владимирович Ушаков*, аспирант НовГУ, выступил с источниковедческим докладом, обратившись к лингвистическим особенностям ганзейской документации на примере писем «новгородских гостей» Любека XV века. В докладе были представлены наблюдения о специфике работы с ганзейской документацией, произведенные в процессе подготовки к публикации комплекса писем и материалов «новгородских гостей» Любека, касающиеся интерпретации латинских конструкций в текстах, составленных на средненижненемецком языке, а также обозначены трудности корректного использования определенных терминов, встречающихся в документах³.

Секционное заседание 23 сентября было открыто докладом студентки ПсковГУ *Владиславы Сергеевны Ломаковой*, посвященным изучению некоторых элементов костюма Изборского городища, а именно браслетов и перстней. В рамках доклада были рассмотрены характерные особенности данных украшений, а также предпринята попытка выявить по данным археологии степень влияния международной торговли и внутреннего межэтнического обмена между славянами, латгалами и эстами. *Данила Валерьевич Сазонов*, студент МПГУ, в своем докладе сделал попытку проанализировать процесс демонтажа новгородской вечевой системы управления и распространения на её месте института великокняжеских наместников в контексте осуществления суда над представителями Ганзейского союза. *Татьяна Витальевна Ильина*, аспирантка СПбГИК представила обзорный доклад о процессе становления образа Ганзы в современном Новгороде, дав характеристику мероприятиям последних лет, в том числе и волонтерским движениям, связанным с Ганзой. И. о. заведующего Отделом эстампов Российской национальной библиотеки *Александр Флорентинович Эсоно*, анализируя немецкие гравюры и средневековые письменные источники, проследил эволюцию образа Любека в XVII–XVIII вв., ответив на вопрос, как история города отразилась в его актуальном на период Средневековья графическом виде. Студенты НовГУ *Алена Сергеевна Цветкова* и *Илья Артёмович Болонин* представили совместный доклад, посвященный историографическим проблемам изучения темы языковых учеников в Новгороде с конца XX века до настоящего времени. Отдельно было представлено видение различными авторами феномена языковых учеников, причины возникновения и их значимость в контексте развития русско-ганзейских отношений. *Светлана Сергеевна Абузина*, инженер-исследователь СПбГУ ИИ, представила доклад, посвященный «Хронике датских королей» брата Нигеля (Николая), в настоящий момент находящаяся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Представив источниковедческий анализ документа,

³ В первом квартале 2022 года анализируемые источники были опубликованы в отдельном издании: *Ушаков А. В.* «Новгородские гости» Любека. Письма и материалы. 1409–1560. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2022.

исследовательница провела сравнительный анализ различных редакций хроник на немецком языке, с целью определить наиболее репрезентативные исторические сведения из данного памятника, который по большей части является легендарным. *Татьяна Дмитриевна Медведева*, магистрантка СПбГУ, в своем докладе постаралась рассмотреть роль христианизации в формировании ганзейского пространства в Ливонии и отражение этих процессов в историописании раннего Нового времени. *Филипп Сергеевич Осипов* (независимый исследователь) постарался осветить феномен христианского богослужения на орденских землях в Ливонии в XIII–XIV вв., опираясь на хроники Генриха Латвийского, Петра из Дусбурга и Виганда из Марбурга.

Второй день конференции открыл доклад студента НовГУ *Артема Леонидовича Ильинского*. Доклад был посвящен проблеме изменения роли ижорского населения в защите Невского участка торгового пути Великого Новгорода во второй половине XV века. *Дагмар Любомировна Выслоужилова*, аспирантка университета им. Масарика (Брно, Чехия), в своем докладе обратилась к изучению города Кошице – крупнейшего центра меховой торговли средневековой Чехии. Наряду с исследованием этого города и его роли в экспорте пушнины была произведена попытка провести сравнение объемов торговли мехами со средневековым Новгородом. *Дмитрий Олегович Воронин*, студент МПГУ, в своем докладе охарактеризовал причины зависимости русской внешней торговли от Ганзейского союза в XV веке и сделал выводы о невыгодности условий его принудительного посредничества для Пскова и Новгорода в данный период. Происходившие процессы были проанализированы в тесной взаимосвязи со сложившейся на тот момент международной обстановкой в Прибалтике и политикой объединения Руси, проводимой Иваном III. Особое внимание было уделено попыткам разрешения кризиса в русско-ганзейских отношениях в конце XV столетия и закрытию Ганзейского двора в Новгороде в 1494 г., как проявлению данного кризиса. При этом стоит отметить, что доклад вызвал бурную дискуссию и по итогам обсуждения были скорректированы некоторые авторские тезисы. *Никита Александрович Малиновский*, студент НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург в своем выступлении рассмотрел ряд новгородско-ганзейских частных социально-экономических конфликтов первой четверти XVI в., которые происходили между ганзейскими купцами, живущими на Новгородском немецком подворье и новгородцами. В докладе частные конфликты были рассмотрены в общем политико-экономическом контексте конца XV–нач. XVI вв., а социально-экономические противоречия проанализированы через призму правовых и эпистолярных документов. Схожей теме был посвящен доклад студента РГПУ им. Герцена *Ярослава Викторовича Лебедева-Ундерских*. В его докладе на примере нескольких конфликтных ситуаций в Новгороде были рассмотрены трудности взаимоотношений между ганзейскими купцами и новгородцами. Была поставлена цель определения тенденций во взаимоотношениях сторон и способов их регулирования, был проведен сравнительный анализ законодательных источников, содержащих регулятивные правовые нормы, и делопроизводственных источников, содержащих информацию о причинах, ходе и результатах возникавших конфликтов. Всего в работе конференции приняло участие 16 молодых исследователей – кандидатов наук, аспирантов, магистрантов и студентов российских (Великий Новгород, Псков, Санкт-Петербург,

Москва) и зарубежных университетов (Брно, Чехия). Было принято решение сделать конференцию ежегодной. В 2022 году она пройдет 29–30 сентября.

10–11 февраля 2022 года прошла Всероссийская (с международным участием) конференция студентов и молодых ученых «Историческое вече: проблемы истории и археологии»⁴. В конференции приняло участие более 50 студентов и молодых ученых из разных уголков России и Европы. Работали три секции посвященные проблемам Средних веков, Нового и Новейшего времени, а также археологии и этнографии. В рамках конференции 11 февраля был проведен круглый стол «Новгород и Балтийский регион: вопросы истории и проблемы изучения». За четыре часа было обсуждено шесть докладов, посвященных вопросам политики, религии, права и экономики.

Ушаков Артем Владимирович (аспирант НовГУ) в докладе «К вопросу о времени появления корпорации “новгородских гостей” Любека» постарался определить время появления любекской корпорации «новгородских гостей», а также определить причины возникновения разночтений относительно первого появления «новгородских гостей» в ганзейских источниках у двух исследователей – Л. К. Гетца и Э. Хардер-Герсдорфф. Проведя обширный историографический и источниковедческий анализ, автор приходит к выводу, что к середине XIV века «новгородские гости» Любека уже существовали, однако, по всей видимости, купеческая корпорация возникла значительно раньше.

Якунина Валентина Андреевна (аспирант НовГУ) в докладе «Отношения к русским купцам в Нарве в XV веке: религиозный вопрос» обратилась к теме «русской угрозы», закрепившейся в отечественной историографии штампом о восприятии русских схизматиков» как о врагах «истинных христиан» в Ливонии. В подтверждение тезиса А. Селарта об «убедительном молчании» источников, относительно религиозных конфликтов, обратилась к материалам из Таллиннского городского архива и постаралась проанализировать восприятие русских купцов в Ливонии на примере средневековой Нарвы.

Цветкова Алена Сергеевна (студентка НовГУ, 3 курс) в докладе «Англо-ганзейская торговля в зарубежной историографии XIX века», как следует из названия, представила обзор работ по англо-ганзейской торговле, вышедших в XIX веке за рубежом. Автором была сделана попытка систематизации основных работ и определения ключевых направлений исследований: проблема происхождения термина «Стальной двор»; происхождение «Ганзы» на территории Англии; англо-пруссские дипломатические отношения.

Курганевич Дарья Владимировна (студентка НовГУ, 2 курс) и *Семёнова Ирина Игоревна* (студентка НовГУ, 2 курс) представили совместный доклад «К вопросу о соотношении шиффунта и берковца в XIV–XV вв.» который был для девушек их дебютным научным выступлением. Их научное исследование – это часть проекта «Метрическая система средневекового прибалтийского ганзейского пространства», который был завершен в первом семестре 2021/2022 учебного года и вышел на новый уровень. В докладе была сделана попытка проследить динамику изменений отдельных, наиболее распространенных мер веса, проведен сравнительный анализ

⁴ Ознакомиться с видеозаписью конференции «Историческое вече: проблемы истории и археологии» можно по следующей ссылке: https://vk.com/balt_centр?w=wall-193055266_202

«шиффунта» и «берковца», а также дана общая характеристика причин, влияющих на изменение систем мер и весов ганзейского коммуникативного пространства в XV веке.

Рябов Сергей Михайлович (аспирант УрФУ) представил доклад «Балтийские войны конца 1560-х гг. глазами сеньора де Данзе, французского посла-резидента в Копенгагене». Проанализировав корреспонденцию французского посла-резидента в Дании Шарля Киссарма, сеньора де Данзе периода 1567–1569 гг. автор пришел к выводу о высокой степени вовлеченности Франции в события, происходившие на Балтике в конце 60-х гг. XVI в. Также был представлен тезис о том, что сведения, присылаемые Данзе, были основным источником информации о Северо-Восточном регионе Европы для французского королевского двора.

Попова Елизавета Михайловна (ассистент КВИМО НовГУ) в докладе «“А ножа де у него в тюрьме не было”: к вопросу о функционировании тюрем на русском Северо-Западе в период Смуты» обратилась к вопросу функционирования пенитенциарной системы Северо-Запада Руси в начале XVII века на примере Великого Новгорода, а именно нескольких частных судебных разбирательств. В докладе она сделала выводы о том, как происходило складывание особенностей пенитенциарной системы, как выглядело типичное тюремное помещение, как оно функционировало и содержалось.

НовГУ им. Ярослава Мудрого постоянно стремится к расширению круга участников проводимых мероприятий и укреплению научных связей. Изучение проблематики Балтийского региона и вопросов русско-ганзейских отношений в 2022/2023 уч.г. будет продолжено как на уровне студенческих мероприятий, так и в рамках развития академической науки.

Информация о статье

Автор: Якунина Валентина Андреевна – ассистент кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0002-9461-0437, Web of Science Researcher ID: AAG-3435-2019, SPIN-код: 3649-4171; e-mail: valjajastrebova@mail.ru

Заголовок: Ганзейская и балтийская проблематика в студенческих мероприятиях Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого в 2021–2022 уч. году

Аннотация: В данном обзоре представлены студенческие исторические мероприятия, проводимые в НовГУ им. Ярослава Мудрого в 2021/2022 уч. году – международная научная конференция молодых ученых «Ганзейский союз: от зарождения к возрождению» (23–24 сентября 2021 г.) и круглый стол «Новгород и Балтийский регион: вопросы истории и проблемы изучения» в рамках Всероссийской (с международным участием) конференции студентов и молодых ученых «Историческое вече: проблемы истории и археологии».

Ключевые слова: Великий Новгород, Ганзейский союз, Балтийский регион, студенческая наука

Библиографический список

- Ушаков, А. В.* «Новгородские гости» Любека. Письма и материалы. 1409–1560. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2022. 188 с.
- Hammel-Kiesow, R.* Europäische Union, Globalisierung und Hanse. Überlegungen zur aktuellen Vereinnahmung eines historischen Phänomens // Hansische Geschichtsblätter. Köln: Böhlau, 2007. Bd. 125. S. 1–44.

Information about the article

Author: Yakunina Valentina Andreevna — Assistant of the Department of World History and International Relations of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9461-0437>, Web of Science Researcher ID: AAG-3435-2019, SPIN-code: 3649-4171; e-mail: valjajastrebova@mail.ru

Title: Hanseatic and Baltic issues in student activities of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University in the 2021—2022 academic year

Abstract: This review presents student historical activities held at Yaroslav-the-Wise Novgorod State University in the 2021/2022 academic year — the International Scientific Conference for Young Scientists “The Hanseatic League: from Birth to Revival” (September 23–24, 2021), and the Roundtable discussion “Novgorod and the Baltic Region: Questions of History and Problems of Study” within the All-Russian (with international participation) Conference of Students and Young Scientists “Historical Veche: History and Archeology Problems”.

Keywords: Veliky Novgorod, the Hanseatic League, the Baltic Region, student science

References

Hammel-Kiesow, R. European Union, Globalization and the Hanseatic League. Considerations on the current appropriation of a historical phenomenon [Europäische Union, Globalisierung und Hanse. Überlegungen zur aktuellen Vereinnahmung eines historischen Phänomens], in: *Hansische Geschichtsblätter*. Köln: Böhlau, 2007. Bd. 125. S. 1–44.

Ushakov A. V. «Novgorodskie gosti» Lyubeka. Pis'ma i materialy. 1409–1560 [“Nowgorodfahrer” from Lubeck. Letters and Materials. 1409–1560]. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2022. 188 p.

Для цитирования статьи:

Якунина В. А. Ганзейская и балтийская проблематика в студенческих мероприятиях Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого в 2021/2022 уч.году. *Caurus*. 2022. Т. 1. № 1. С. 123–128. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-123-128

For citation:

Yakunina V. A. Hanseatic and Baltic issues in student activities of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University in the 2021/2022 academic year. *Caurus*. 2022. Vol. 1(1). P. 123–128. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-123-128

РЕЦЕНЗИИ

УДК 93/94

ББК 63.3(2)511–512

DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-129-140

М. Б. Бессуднова

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: GOEHRKE, CARSTEN. UNTER DEM SCHIRM DER GÖTTLICHEN WEISHEIT. GESCHICHTE UND LEBENSWELTEN DES STADTSTAATES GROß-NOWGOROD (ZÜRICH: CHRONOS VERLAG, 2020. 550 S)

В своей новой объемной монографии профессор истории Восточной Европы университета Цюриха Карстен Гёрке (род. 1937), автор трехтомного сочинения по истории русской повседневности (2003–2005), книг по социально-политическому устройству Руси (2006) и по истории Сибири (2016), ставит задачу обобщить сведения об экономическом, социальном и культурно-историческом развитии Великого Новгорода, который определяет как второй по величине город Киевской Руси и самую мощную русскую торговую державу эпохи Средневековья. Собранный им материал, почерпнутый из большого числа исторических исследований и источников, рассмотрен с учетом широкого спектра проблем и в сопоставлении разных дискурсов, что позволяет видеть в данной монографии одну из наиболее замечательных интерпретаций новгородской истории современной зарубежной историографией.

Вводная часть книги содержит две главы с материалами историографического и источниковедческого характера. В первой из них К. Гёрке дает обзор самых примечательных результатов изучения истории средневекового Новгорода широким кругом российских и зарубежных исследователей XIX–XXI веков. Обилие и разнообразие упомянутых в связи с тем научных трудов, впрочем, не мешает ему высказать сожаление по поводу малого количества фундаментальных трудов, представляющих всю специфику истории новгородского города-государства с момента его создания и до поглощения его Московским государством. В обзоре, посвященном российской историографии, особо подчеркивается значимость вклада в новгородские исследования В. Л. Янина, чьи взгляды, однако, кажутся автору заметно идеологизированными и даже предвзятыми, вследствие чего их воздействие на изучение Новгорода современной российской наукой он склонен расценивать по большей части как фактор сдерживания (с. 28–29). Вместе с тем К. Гёрке дает положительную оценку новым тенденциям в российской историографии, имеющим место, в частности, в исследованиях П. В. Лукина, а в области изучения новгородско-ганзейской торговли у М. Б. Бессудновой. Оригинальность исследованию самого К. Гёрке, которого отнюдь не пугает отступление от традиций, придает, прежде всего, разработанная им периодизация истории Великого Новгорода, более многоэтапная,

чем ныне популярный вариант, предложенный Г. Бирнбаумом и С. В. Трояновским. Последние страницы вводной части монографии К. Гёрке посвящены новгородскому просторечному говору как одному из важнейших элементов общенациональной культуры и вкладу в их изучение выдающегося русского филолога А. А. Зализняка.

Исследование К. Гёрке охватывает немногим более пяти с половиной столетий, а именно, от основания Новгорода в IX веке до его присоединения в 1478 году к Московскому государству. Автор делит время существования вольного Новгорода на 7 этапов, каждый из которых, согласно его концепции, характеризуют особые «жизненные миры» (*Lebenswelten*) или формы социокультурного бытия новгородцев в различных контекстах времени. Прежде, чем приступить к повествованию об этих этапах и к атрибутированию присущих им «жизненных миров», поименованных в перечне одной из рубрик второй главы, он посчитал целесообразным обратиться к краткому описанию климата и ландшафта Новгородской земли, без которых, по его мнению, нельзя с полной уверенностью ответить на вопрос об ее хозяйственных и социальных особенностях. Фактором особой значимости, в частности, ему представляется разветвленная водная сеть, которая образовывала сеть удобных коммуникаций и способствовала развитию прибыльной междугородной торговли. К тому можно еще добавить его размышления о специфическом этническом устройстве новгородской глубинки, возникшем в результате внедрения восточных славян в зону расселения финно-угорского и балтского преднаселения Поильменья в VII–VIII веках. Относительно более высокая консолидация славянских племен, их военнотехническое превосходство и славянский язык, выступавший как средство межплеменного общения, позволили славянам одержать верх над соседями и по большей части ассимилировать их. Ситуация еще больше усложнилась с появлением скандинавов, которые вскоре стали соперничать со славянами в установлении власти в районе оз. Ильмень и в межрегиональной торговле. В качестве доказательства тому автор ссылается на раннюю историю Старой Ладogi, самого известного скандинавского административного и торгового центра к северу от Невы на пути к «большой Волге», по которой купцы следовали в направлении мусульманского Востока. Летописное повествование о призыве варягов в Новгород исследователь соотносит с мощным внедрением скандинавов зону расселения славян с целью организации торгового магистрала в южном направлении, позже известной как «путь из варяг в греки», рассматривая упадок Старой Ладogi середины IX века, сопровождавшийся появлением и возвышением Новгорода-на-Волхове, изначально известного под названием Холмгард, как прямое следствие переноса торговых путей с Волги на Днепр. Он полагает, что Рюрик и его потомки, «Рюрикиды» (Рюриковичи), стремились расширить границы собственных владений с берегов Волхова до Киева, в связи с чем становится понятным их одновременные усилия по подчинению тесно связанного с Киевом Пскова, которому по их замыслу был уготован статус «младшего брата» Великого Новгорода.

В главе «Начало Новгорода», хронологически охватывающей период с X по XI век, К. Гёрке подвергает сомнению вывод В. Л. Янина о существовании трех древних этнически разнородных протопоселений в пределах будущего Новгорода и полагает, что город возник на базе этнически однородного раннего поселения, служившего торжищем при военно-административном региональном центре,

располагавшемся на Рюриковом городище. Территория будущего города включала два отдельных городища, которые были привязаны к холму (*holm*), будущим Детинцем, откуда возникнет название Holmgard, обнесены заново построенным валом (рус.: Новый Град, Новгород) и располагали общим сакральным центром в виде первоначально деревянной Софийской церкви. Автор, таким образом, не опровергает факт триединого ядра прото-Новгорода (Рюриково городище и две торго-ремесленные слободы близ холма), хотя его представления заметно расходятся с описанием Янина. Сомнению подвергается также его теория о перемещении городского ядра с Рюрикова городища, за которым закрепилось положение княжеской резиденции, в Новгород, вместо чего речь ведется о массовой миграции купцов и ремесленников Поильменья в «слободку» у истока Волхова, привлекательность которой быстро возростала благодаря динамичному развитию местной и межрегиональной торговли. В то время как Рюриково Городище и Старая Ладога по мере формирования «империи» Рюриковичей со столицей в Киеве становились все менее значимыми, Новгород неуклонно укреплял свои позиции в качестве оплота власти киевских правителей на северо-западной периферии их владений. Тенденция воочую обозначилась во времена правления Ярослава Мудрого (–1054), который, по мнению исследователя, сделал ставку на тесное и равновыгодное партнерство князя и городского населения Новгорода и тем самым значительно способствовал поступательному развитию новгородских торго-ремесленных инфраструктур.

Новгород как княжеский город в составе Киевской Руси XI – начала XII века и присущий ему «жизненный мир» представлены в третьей главе. Основной упор тут сделан на условиях прогрессирующей локальной раздробленности Киевской Руси и возникновении предпосылок для политической автоматизации Новгорода, сопровождавшейся расширением политических инициатив и объема прав народных масс, особенно в конфликтных ситуациях. Последнее в конечном счете увенчалось переходом основных властных полномочий от князя с его ближайшим окружением, двором, к городским властям во главе с вече, реализовавшись не только на социально-политическом, но также на интеллектуально-психологическом и поведенческом уровне, и легло в основу специфических «жизненных миров» Великого Новгорода. Особого упоминания в данной связи удостоена древнейшая редакция древнерусского свода законов «Русская правда» XI века, благодаря которой Новгород легитимизировал свои привилегии и тем самым обрел механизм своего исключительного исторического развития. Большую пользу для себя новгородцы также извлекли из внутренних распрей Рюриковичей, превратив приглашаемого в город служилого князя и его дружину в гарантов безопасности и передоверив ключевые исполнительные должности, включая должность посадника, представителям городской верхушки. Кроме того, автор считает полезным осветить некоторые успехи новгородской внешней политики этого периода, предвосхитившие оформление территориальных владений Новгорода, Новгородской земли, путем экспансии новгородцев в пределы соседних славянских княжеств и ареалы расселения языческих народов. Формирование Новгородского княжества, по мнению К. Гёрке, было мотивировано как соображениями безопасности и обретения

могущества, так и экономическими интересами Новгорода, который стремился контролировать водные коммуникации, важные для его международной торговли, и обеспечить бесперебойность поступления на новгородский рынок пушнины с подконтрольных ясачных территорий. Активная внешняя политика, вместе с тем, служила Новгороду удобным предлогом для наращивания военной мощи и совершенствования новгородского войска. Эти обстоятельства привели к тому, что Новгород стал вторым по величине и значению городом Киевской Руси, средства к существованию которого обеспечивала, главным образом, международная торговля и ремесла. В связи с проблемой формирования Новгородской земли в книге представлены также далеко идущие последствия христианизации языческого населения в ее пределах.

Четвертая глава под названием «Новгород в XII веке» посвящена начальному этапу обретения им политической самостоятельности и расцвета новгородской международной торговли. Повествуя о «бурных» тридцатых годах XII века, автор в целом солидарен с мнением советских исследователей, которые характеризовали этот срез новгородской истории как подлинную революцию, окончательно избавившую Новгород от княжеской автократии, хотя при этом датирует ее не событиями 1136 года, когда исполнительная власть в городе сосредоточилась в руках избранного вечем посадника, а более ранним периодом, полагая, что с начала XII века новгородская политико-административная система переживала стадию перехода с характерным для нее двоевластием формально признаваемого князя и назначаемого им посадника. «Революция» 1136 года, по мнению исследователя, разрушила данную управленческую модель, выведя посадника из княжеской воли и сделав из него представителя городского населения. Рассуждая о природе власти новгородского посадника, он высказывает мнение, что русское восприятие должности посадника, которая в немецких источниках воспроизводится как бургграф (*Burgraf*), никоим образом не следует идентифицировать со статусом соименного градоначальника сеньориального немецкого города, но идентифицировать ее сообразно свойствам новгородской административной системы, отличающейся от западноевропейских стандартов. В этой связи внимание читателя обращается на бóльшую степень участия новгородцев в политических делах Новгородского города-государства, которое официально числилось княжеством, а также на коллегиальный характер высшей исполнительной власти, которую наряду с посадником исполняли Новгородский епископ (владыка) и военачальник (тысяцкий). Следует также отметить дискуссионность вопроса о функциях княжеской власти после 1136 года и ее месте в новгородской политической системе, и для уяснения сути проблемы автор помещает на страницах своего сочинения пространную характеристику государственного управления Новгородом в XII веке. После краткого экскурса, посвященного борьбе новгородцев за расширение зависимых от Новгорода земель он опять возвращается к проблеме вышеупомянутой политической эмансипации, но теперь в контексте реорганизации новгородской церкви во второй половине XII века, которая, по его мнению, помогла городу выйти из-под контроля киевских князей и киевской митрополии, тем самым увеличив его политическую автономию. Заслуживают внимания и отдельные сюжеты, посвященные общественной жизни Новгорода – городской элите, рядовым горожанам, свободным и зависимым крестьянам. В

фокусе исследования оказались также международные торговые контакты новгородцев доганзейского периода, когда, по словам К. Гёрке, они еще не были вытеснены из активной балтийской торговли Ганзейским союзом, а также их участие во внутренней торговле. В этой связи представляемая здесь книга дает подборку основательных сведений о первых международных торговых договорах Новгорода и о появлении на его территории купеческих подворий, равно как и о водных и сухопутных путях новгородцев, о новгородских торговых сообществах и повседневной жизни новгородского купечества. Археологические раскопки в старой части города, в свою очередь, раскрывают интереснейшие подробности новгородского промышленного производства и городской культуры. Под конец автор приводит перечень и краткую характеристику русских городов, вошедших к середине XII века в состав Новгородской земли, что служит доказательством появления к тому сроку у Новгорода обширного, зависящего от него территориально-административного пространства и его переход в ранг городов-государств.

Пятая глава «Поворотный период: XIII век» освещает последствия монгольского нашествия, которое начисто разрушило государственную систему Киевской Руси и подчинило русские земли Золотой Орде. История Новгородского города-государства в данном контексте рассматривается двояко: в его отношении к внешнему миру и в связи с положением дел на внутривосточной арене. Татарская угроза затронула Новгородскую землю лишь в незначительной мере, но город столкнулся с рядом серьезных внешнеполитических проблем на западной, северо-западной и юго-западной границе своих владений. Предметом его споров с Литвой стала демаркация пограничной полосы, где новгородцы активно строили города-крепости, но неизмеримо больше проблем Новгороду принесли знаменитые Северные крестовые походы. Нельзя не согласиться с мнением, что крестоносцы из Швеции, Дании и Германии, действовавшие против язычников Восточной Прибалтики, едва ли видели в Новгородской Руси объект для нападения, но, с другой стороны, могли существенно ограничить притязания новгородцев на взыскание даней с языческих племен Зачудья и Ижоры, что и заставило Новгород оказать противодействие западным крестоносцам в момент их приближения к его западным границам. Особенно заметно эта тенденция проявилась в отношениях Новгорода и Пскова с немецкой Ливонией. Непосредственная военная угроза русскому Северо-Западу тут исходила со стороны духовно-рыцарских орденов – сначала Ордена Меченосцев, а затем ливонского подразделения Тевтонского ордена, в российской историографии более известного как Ливонский орден. В этой связи главный интерес вызывают судьбоносные события 1240 и 1242 годов, связанные с походами шведов и Ливонского ордена против Новгорода и Пскова, которые традиционно рассматривались как антирусское предприятие, координируемое папством. Новгородский князь Александр Ярославович Невский (–1259), победитель в битвах на Неве и на льду Чудского озера, стал благодаря ним восприниматься в русской исторической традиции как народный герой, хотя сами эти события в реальности не были столь значительны, чтобы оставить заметные следы в современных им русских и западных источниках. К. Гёрке отмечает в русских преданиях о Невской битве и Ледовом побоище ряд легендарных моментов, которые следует изучить более

внимательно в формате широкой дискуссии. Автор подвергает сомнению мнение об историческом выборе Александром между прозападной и провосточной политикой, как это склонна утверждать русская историография, и делает упор об особом внимании князя и его преемников на контактах с татарами, с помощью которых они добились лидерства на Руси и жаждали развивать свои политические амбиции. Внутривосточная обстановка в Новгороде указанного периода в рассматриваемой книге также характеризуется как крайне напряженная, что было обусловлено, в первую очередь, соперничеством за обладание новгородским «столом» между княжескими родами из Смоленска, Суздаля и Чернигова, в которое оказались втянуты самые влиятельные боярские фамилии Новгорода. С другой стороны, автор, касаясь вопроса о причинах политической нестабильности в Новгороде, видит в ней прямое следствие прогрессирующей поляризации новгородского общества на «верхи» или коммерческо-землевладельческую верхушку (боярство) и «низы», состоящие из различных категорий простых людей. Расколу способствовало происходящее в XIII веке изменение новгородского административного аппарата, вследствие которого представители «верхов», как это наглядно представлено на страницах книги, аккумулировали в своих руках наиболее влиятельные должности и, таким образом, обрели высшую власть в городе-государстве. Вместе с тем, по мнению автора, в Новгороде имела место социальная консолидация иного рода, которая особенно заметно проявилась в образовании городских учреждений, где в роли политически активных субъектов выступали рядовые горожане. Речь идет, прежде всего, о сотнях, природа которых в настоящее время все еще является дискуссионной, а также о социально-административной организации городских кварталов, т. е. концов. И, конечно, не остается без внимания общее собрание новгородцев (вече) с широкими политическими, административными и судебными полномочиями, которое предполагало, правда, зачастую формально, участия в управлении делами Новгорода всех его полноправных жителей вне зависимости от уровня зажиточности, социального и должностного статуса. На этом основании К. Гёрке полагает, что есть все основания именовать новгородский «конституционно-административный» строй вечевой демократией, как это делают некоторые представители российской исторической науки, однако с учетом расхождения этого типа демократии с ее восприятием в современном мире. Далее автор предлагает вниманию читателя ценные сведения о тенденциях в развитии новгородской экономики XIII века, касающихся, главным образом, участия новгородцев в международной балтийской торговле. Ведущая роль в ней постепенно переходила к нижненемецким и ливонским городам, которые еще в XI веке завязали с Новгородом продуктивные торговые контакты и основали там на Торговой стороне купеческую факторию под названием Двор святого Петра или Немецкое подворье. Тем самым Новгород был включен в широкое пространство международной торговли, которое несколько позже оказалось подвластным Ганзейскому союзу. К. Гёрке полагает, что, коль скоро торговая стратегия Ганзы в отношении Новгорода была сориентирована на импорт в Западную Европу сырья, то ганзейские города полагали рациональным сдерживать поступательное внедрение русских купцов в балтийскую торговлю, на что новгородцы отвечали противодействием продвижению их граждан в «низовые» русские земли. Обе стороны неизменно стремились посредством договорных

соглашений стабилизировать и обезопасить свои торговые отношения, всегда были чреватые конфликтами, и в целом это удавалось, поскольку и русская и ганзейская сторона проявляли равную заинтересованность в деловом партнерстве, что помогало своевременно устранять сбои в их товарообмене. Экскурс, посвященный русско-ганзейской торговле, сопровождается заключением, что в Новгороде до конца XIII века не наблюдалось резкого разграничения между купцами и ремесленниками, а в доказательство высокого уровня развития новгородских ремесел подтверждается ссылками на результаты археологических раскопок. Позитивные изменения в масштабах всей Новгородской земли того времени иллюстрируются также многочисленными признаками экономического процветания новгородских «пригородов» во главе с Псковом.

Шестая глава книги называется «Расцвет Великого Новгорода: XIV и начало XV веков». Этот период характеризуется как время наивысшего могущества Новгородского города-государства и одновременно прогрессирующего видоизменения его структур, как на городском, так и на территориальном уровне. Первым делом автор монографии отмечает благополучие финансового состояния города как следствие развития его международной торговли, что проявилось в увеличении размеров и совершенствовании фортификаций Новгорода и его «пригородов», констатированных археологическими исследованиями. Автор рисует красочную картину градостроительства, в первую очередь, городских укреплений, используя при этом сравнение Новгорода и Цюриха, не менее интересное, чем параллель в историческом развитии Новгорода и Любека из статьи Ральфа Хаммеля-Кизова 2002 года. Одновременно, чтобы подчеркнуть чрезвычайно тяжелые условия жизни новгородцев в рассматриваемый период, автор вспоминает о четырех всадниках апокалипсиса, персонифицировавших пожары, голод, эпидемии и войны, жертвой которых время от времени становился Новгород. Но и при подобных напастях Новгороду удавалось расширять территорию своих владений и укрепить свои властные структуры настолько, чтобы получить право позиционировать себя как «Господин Великий Новгород». Эта тенденция проявилась не только светской администрации, но также духовной сферы. Возрастание политического влияния новгородского архиепископа (владыки) объясняется, прежде всего, экономическим потенциалом и властными прерогативами «Дома святой Софии», т. е. хозяйственно-финансового ведомства Новгородской архиепископии, а также значимостью ее места в новообразованной русской Православной Церкви. В отношении роли княжеской власти в новгородской политико-административной системе отмечается, что вхождение русских князей в сферу зависимости от Золотой Орды и их роковой спор из-за обладания великокняжеским титулом не мог способствовать укреплению ее авторитета в Новгороде, вследствие чего новгородский князь окончательно перешел в ранг служилого чина, обязанного укреплять военную мощь города-государства. Уже на этом этапе, а тем более в более поздние времена, становится очевидным, что круг должностных лиц, занимавших господствующие позиции в системе управления, становился все более компактным и замкнутым, что позволяет автору говорить о монополизации государственных полномочий довольно узким кругом представителей «верхов». В данном контексте рассмотрены дискуссионные

проблемы, касающиеся властных полномочий и состава Новгородского вече Позднего Средневековья, хотя сам автор не упустил возможности признать, что с XIV века этот орган коллективного народного волеизъявления окончательно утратил свое былое влияние. В конце столетия все более очевидными становятся признаки его институционализации, которые, как и все другие государственные структуры, постепенно попадали в руки новгородских «верхов». Под последними по-прежнему понимался высший слой новгородского населения, хотя в их составе обозначился сравнительно узкий слой обладателей ключевых директивных и исполнительных функций, известный как «триста золотых поясов». Раздел книги, посвященный формам новгородского управления XIV–XV веков, содержат интересные комментарии к вопросам о новгородской государственной символике и саморепрезентации новгородской государственности в памятниках материальной и письменной культуры, но в фокусе внимания автора все же остается проблема реорганизации новгородских управленческих структур, широко дискутируемая в исторической науке. К. Гёрке согласен с теми исследователями, которые возводят основные предпосылки этого явления к усилению раскола ранее относительно консолидированного новгородского общества, сопровождавшемуся неуклонным сокращением коэффициента общественного согласия. При создавшемся положении основная политически активная масса новгородцев распределилась между двумя противоборствующими «партиями» – боярством и «черными людьми», между которыми помещались «жити люди» и купцы, которые в ходе многочисленных катаклизмов лавировали между основными комбатантами, оставляя тем поле для манёвров и повышая тем самым накал внутривластных противоречий. Оба вышеназванных основных социальных анклава, по представлениям автора, сформировались к концу XIV века в основном благодаря развитию новгородской междугородней торговли. «Простонародье» было поставлено перед необходимостью упорно отстаивать свое исконное участие во власти от поползновений со стороны «господ», и в этом контексте в книге представлены массовые еретические движения с их ярко выраженными социальными подтекстами, активизация городских люмпенов и набеги новгородских «речных каперов» (ушкуйников) на сопредельные Новгороду земли. Вместе с тем из источников того времени следует, что именно в этот период, насыщенный социальными смутами, торговля Новгорода с Западом стремилась к пику своего развития. Отмечается, что русско-ганзейский товарообмен осуществлялся в режиме *stop-and-go*, т. е. в режиме перманентных и обоюдных торговых блокад, посредством которых стороны рассчитывали оптимизировать свое торговое предпринимательство. При этом, однако, каждая из сторон, не слишком доверяя другой, проявляла нескрываемый интерес к продолжению совместной торговли и ради повышения ее результативности не переставала крепить правовые основы безопасности совместного торгового предпринимательства в соответствии с международными договорами. Напряжённость в отношениях между новгородцами и ганзейцами наиболее заметно проявлялась в жизнедеятельности иноземных торговых подворий, где немецких купцов новгородцы, по словам автора, «терпели, но редко ценили». Ганзейцы, торговавшие в Новгороде, очень нуждались в знании русского языка, обучение которому они стремились монополизировать, чтобы тем самым

заблокировать доступ на новгородский рынок других чужеземных купцов и сократить конкуренцию. Подобная мера была тем более необходима, поскольку все больше и больше западноевропейских стран проявляли интерес к развитию торговых контактов с Новгородом, располагавшегося на пути между Западом и Востоком. Чтобы обеспечить себе преимущества в международной торговле, Новгород в своей торговой политике использовал методы лавирования между различными деловыми партнерами, что в период расцвета новгородской экономики оказалось вполне эффективным. В качестве фактора, благоприятно сказавшегося на развитии международных связей Новгорода тех лет, названо политическая и экономическая нестабильность соседствовавших с ним государств, равно как и их взаимное соперничество. По мере укрепления Московского княжества влияние этого фактора начало ослабевать, и внешнеполитическое положение Новгорода стало постепенно осложняться.

Последние десятилетия новгородской независимости обстоятельно представлены в главе «Упадок: Великий Новгород в XV веке». Наиболее показательные признаки приближающегося кризиса, завершившегося ликвидацией Новгородского города-государства, К. Гёрке усматривает в комплексе внутри- и внешнеполитических проблем, с которыми Новгород столкнулся в первой половине XV века. Автор определяет ряд проблем, связанных с возрастанием социальной неоднородности в среде новгородцев и поляризации новгородского общества, которая в поздний период существования независимого Новгорода сопровождалась существенным усилением коррумпированности политической элиты. Политическое противостояние значительно усложнилось, и речь теперь уже шла не просто о противодействии «низов» власти предрержащим «верхам», поскольку, в частности, участие знати можно заметить в рядах разных политических «партий», а о большом разнообразии и сложности политических, «партийных», композиций, что делало принципиально невозможным достижение межсторонних соглашений, как это случилось, например, во время смут 1418 и 1445–1446 годов, вызванных голодом и инфляцией. В главе подробно охарактеризованы усилия новгородских властей по преодолению монетного кризиса начала XV века, а также по защите Новгородской земли от притязаний соседних держав, особенно Литвы и Москвы. Отмечено, что опасность со стороны Великого княжества Литовского удалось преодолеть с помощью призыва в Новгород литовских служилых князей, а также благодаря сближению Новгорода и Литвы в противостоянии Московскому княжеству. В то же время его натиск на сопредельные земли в первой половине XV века был существенно ослаблен из-за внутридинастических конфликтов Московского правящего дома, но поскольку Новгород в ходе этих усобиц выступал как противник Москвы, великий князь Московский Иван III посчитал себя в праве позже активизировать свой натиск на Новгородское город-государство. Политическое руководство Новгорода того периода предпринимало серию попыток по укреплению его жизнестойкости, примером чего представлена реформаторская деятельность Новгородского архиепископа Евфимия II во внешнеполитических и церковных делах, что, впрочем, не помогло предотвратить упадка Новгорода во второй половине XV века. Далее в книге следует изложение ряда политических событий, которые

определяются как этапы присоединения Новгорода к Московскому государству. Речь идет о войне 1456 года и Ялжебицком договоре, кризисной зиме 1470/71 года, закончившейся войной 1471 года, визите Ивана III в Новгород «с мирными намерениями» в 1475–1476 годах и, наконец, крушением новгородской независимости в 1478 году и присоединением Новгорода к Московскому государству. В последующей части главы автор касается некоторых наиболее важных последствий покорения Новгорода Москве, в частности, насильственного переселения («выводов») новгородских городских элит и развития в пределах Новгородской земли поместной системы, которые были направлены на полное ниспровержение политической системы Великого Новгорода и разрушение его социально-экономической основы, необходимых в целях обеспечения условий к существованию Новгорода в составе Московского государства. К. Гёрке осознает всю сложность ответа на вопрос о неизбежности гибели Господина Великого Новгорода и при решении этой проблемы исходит из представления о комплексности предпосылок экономического, внешнеполитического, социально-политического и военного характера, которые подводят его к мысли, что Новгород как город-государство не имел шанса сохранить свою оригинальность и сохранить себя от покушений могущественных держав. Авторская позиция в этом вопросе сводится к заключению, что если бы Новгород подчинился не Москве, а Великому княжеству Литовскому, то он сохранил значительную часть своей автономии и специфики. Судьба Пскова в монографии К. Гёрке представлена в том же ключе.

Последняя часть книги называется «Исторический феномен Великого Новгорода: попытка обзора» и включает некоторые наблюдения относительно существования Новгорода в составе Российского государства. Прежде всего автор полагает необходимым отметить некоторые рудименты новгородских традиций, главным образом, в сфере отношений с Западом, особенно с Ливонией и Ганзейским союзом. Второй вопрос касается повторной волны распространения в Новгороде XVI века народных еретических движений, в которых автор видит оппозицию новому правящему режиму. В связи с тем становится понятно, почему царь Иван IV в 1570 году произвел жестокую расправу над Новгородом, чтобы полностью подчинить его своей воле. Последние проявления традиций вольного Новгорода автор обнаруживает в «Смутном времени» начала XVII века и в политических катаклизмах середины того же столетия, после чего он окончательно превратился в обычный провинциальный город. Годы Великой Отечественной войны, в ходе которой историческая часть города сильно пострадала, представляются автору как веха в истории между старинным и современным Новгородом, описание которого дает ниже. Рассматривая представления об историческом прошлом Великого Новгорода в русском общественном сознании, автор делится наблюдениями о существующей в нем устойчивой тенденции к идеализации Новгородского города-государства, хотя и с разной мотивацией, порождаемой той или иной эпохой. В конце дана информация об основных направлениях изучения Великого Новгорода современной российской и западноевропейской исторической наукой.

В заключении надо сказать, что монография К. Гёрке объединяет многие достижения современного российского и западноевропейского «новгородоведения» и дает представления о восприятии образа средневекового Великого Новгорода в

зарубежной исторической науке. Его наблюдения, не всегда бесспорные, но неизменно интересные, дают пищу для размышлений, а потому редакция журнала будет очень признательна неравнодушным читателям, специалистам по затронутой теме, за их отзывы на данную монографию в целом или на отдельные обозначенные в ней проблемы. Критически следует подойти, в первую очередь, к самому определению Новгорода как «города-государства», которое образует параллель с городами-государствами средневековой Западной Европы, главным образом, Северной Италии. Между тем типологические расхождения этих двух явлений российскому читателю должны быть очевидны, и терминологическая идентичность требует, как представляется, гораздо более пространного разговора, чем это есть в указанной книге. Господин Великий Новгород – явление феноменальное, некогда сформировавшееся и развивавшееся в точке схождения русского и западноевропейского миров, которое явило миру яркий пример не столько их противостояния, сколько долговременного плодотворного сотрудничества. Уже по этой причине история средневекового Новгорода, различные аспекты его общественной организации, сфера внешних контактов, традиции и культура и ныне продолжают сохранять актуальность и рассчитывать на внимание исследователей.

Информация о статье

Автор: Бессуднова Марина Борисовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0003-0207-1948, Web of Science Researcher ID: A-9259-2016, Scopus Author ID: 56292134100; e-mail: magistrmb@gmail

Заголовок: Рецензия на монографию: Goehrke C. Unter dem Schirm der göttlichen Weisheit: Geschichte und Lebenswelten des Stadtstaates Groß-Nowgorod (Zürich: Chronos Verlag, 2020. 550 s)

Аннотация: Статья содержит рецензию на недавно опубликованную монографию Карстена Гёрке, в недавнем прошлом профессора университета Цюриха, которая посвящена истории и культуре Великого Новгорода и в настоящее время представляет собой наиболее полное произведение по этой теме в зарубежной историографии. Автор характеризует Новгород как «город-государство», объединившее весь русский Север, которое обладало специфической политической организацией, объединявшей демократические, олигархические и теократические элементы. До своего вхождения в состав Московского государства Новгород представлял альтернативный ему вариант общественного развития в пределах Руси, этапы которого в монографии К. Гёрке подробно представлены. Как один из важнейших торговых партнеров Ганзы Новгород обладал солидной экономической базой и играл роль связующего звена между Русью и Западной Европой.

Ключевые слова: Великий Новгород, «город-государство», Новгородская земля, новгородская политико-правовая система, Ганза, Великое княжество Литовское, Псков

Библиографический список

- Бессуднова, М. Б. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Воронеж: Научная книга, 2016.
- Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995-2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Лукин, П. В. Новгородское вече. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академический проект, 2018.
- Трояновский, С. В. Великий Новгород. Седмицы истории, 859-1990-е годы. М.: Весь мир, 2015.
- Янин, В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Birnbaum, H. Lord Novgorod the Great: Essays in the history and culture of a medieval city-state. Columbus, Ohio, 1981.

Goehrke, K. *Russischer Alltag. Eine Geschichte in neun Zeitbildern vom Frühmittelalter bis zur Gegenwart*. 5 Bds. Zürich: Chronos, 2003-2005.

Goehrke, K. *Russland. Eine Strukturgeschichte*. Paderborn, Zürich: Brill, Schöningh, 2010.

Information about the article

Author: Bessudnova Marina Borisovna — Doctor of Historical Sciences, docent, professor of the Department of World History and International Relations, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; ORCID: 0000-0003-0207-1948, Web of Science Researcher ID: A-9259-2016, Scopus Author ID: 56292134100; e-mail: magistrmb@gmail

Title: Monograph review: Goehrke, Carsten. *Under the shadow of divine wisdom. History and life worlds of Veliky Novgorod City-State* (Zürich: Chronos Verlag, 2020. 550 p.)

Abstract: The article contains a review of a recently published monograph by Carsten Goehrke, a former professor at the University of Zürich, which is devoted to the history and culture of Veliky Novgorod and is currently the most complete work on this topic in foreign historiography. The author characterizes Novgorod as a city-state that united the entire Russian North, which had a specific political organization that combined democratic, oligarchic, and theocratic elements. Prior to its entry into the Muscovy State, Novgorod represented an alternative version of social development within Rus, the stages of which are demonstrated in detail in the monograph by C. Goehrke. As one of the most important trading partners of the Hansa, Novgorod had a solid economic base and played the role of a link between Russia and Western Europe.

Keywords: Veliky Novgorod, city-state, Novgorod land, Novgorod political and legal system, the Hansa, the Grand Duchy of Lithuania, Pskov

References

Bessudnova, M. B. Spetsifika i dinamika razvitiya russko-livonskikh protivorechiy v posledney treti XV veka [The specificity and dynamics of the development of Russian-Livonian contradictions in the last third of the 15th century]. Voronezh: Nauchnaya kniga Publ., 2016. (in Russian)

Zaliznyak, A. A. Drevnenovgorodskiy dialect [Ancient Novgorod dialect]. 2nd ed., rev. and suppl. by the material of the finds of 1995–2003. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. (in Russian)

Lukin, P. V. Novgorodskoye veche [Novgorod Veche]. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Akademicheskii proyekt Publ., 2018. (in Russian)

Troyanovsky, S. V. Velikiy Novgorod. Sedmitsy istorii, 859–1990-ye gody [Veliky Novgorod. Weeks of history, 859–1990s]. Moscow: Ves' mir Publ., 2015. (in Russian)

Yanin, V. L. Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda [Essays on the history of medieval Novgorod]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2008. (in Russian)

Birnbaum, H. *Lord Novgorod the Great: Essays in the history and culture of a medieval city-state*. Columbus, Ohio, 1981.

Goehrke, C. *Russischer Alltag. Eine Geschichte in neun Zeitbildern vom Frühmittelalter bis zur Gegenwart*. 5 bds. Zürich: Chronos, 2003–2005. (in German)

Goehrke, C. *Russland. Eine Strukturgeschichte*. Paderborn, Zürich: Brill, Schöningh, 2010. (in German)

Для цитирования статьи:

Бессуднова М. Б. Рецензия на монографию: Goehrke C. *Unter dem Schirm der göttlichen Weisheit: Geschichte und Lebenswelten des Stadtstaates Groß-Nowgorod* (Zürich: Chronos Verlag, 2020. 550 s). *Caurus*. 2022. Т. 1. № 1. С. 129–140. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-129-140

For citation:

Bessudnova M. B. Monograph review: Goehrke, Carsten. *Under the shadow of divine wisdom. History and life worlds of Veliky Novgorod City-State* (Zürich: Chronos Verlag, 2020. 550 p.). *Caurus*. 2022. Vol. 1(1). P. 129–140. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-129-140

АВТОРЫ

Бессуднова Марина Борисовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0003-0207-1948, Web of Science Researcher ID: A-9259-2016, Scopus Author ID: 56292134100; e-mail: magistrmb@gmail

Выслоужилова Дагмар Любомировна – аспирант, научный сотрудник Института истории Университета имени Масарика, Брно, Чехия; ORCID: 0000-0002-0822-7782, SPIN-код: 5243-2644; e-mail: vyslouzilova@phil.muni.cz

Гожалимова Оксана Сергеевна – заместитель директора по экспозиционно-выставочной работе, Государственное автономное учреждение культуры Ярославской области «Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», Рыбинск, Россия; SPIN-код РИНЦ: 7715-8621; e-mail: istor@rybmuseum.ru

Горлов Константин Вячеславович – научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия; ORCID: 0000-0002-1373-3719; e-mail: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru

Иванов Леонид Михайлович, Рыбинская археологическая экспедиция, Рыбинск, Россия; e-mail: lmivanov@yandex.ru

Попова Елизавета Михайловна – ассистент кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0001-6929-0999, Web of Science ResearcherID AAG-3426-2019, SPIN-code 9836-1731; e-mail: kowkaforever@yandex.ru

Раздорский Алексей Игоревич – кандидат исторических наук, заведующий сектором исторической библиографии, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия; SPIN-код РИНЦ: 5706-6482; e-mail: razdor@nlr.ru

Рогожин Александр Александрович – кандидат исторических наук, 302002, Россия, Орёл, пл. Мира, 9, БПОУ ОО «Орловский музыкальный колледж»; ORCID 0000-0001-6152-9408; e-mail: rogozhin_alexander@bk.ru

Салмин Сергей Анатольевич – научный сотрудник государственного бюджетного учреждения культуры Псковской области «Археологический центр Псковской области», Псков, Россия; ORCID: 0000-0002-2985-4996; e-mail: solvarg@yandex.ru

Салмина Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, Псковский государственный университет, научный сотрудник лаборатории социогуманитарной регионики, государственное бюджетное учреждение культуры Псковской области «Археологический центр Псковской области», Псков, Россия; ORCID: 0000-0001-9339-793X; e-mail: muntrik102@yandex.ru

Татченко Тамара Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; ORCID: 0000-0002-4219-4363; e-mail: tntatsenko@mail.ru

Эсоно Александр Флорентинович – кандидат искусствоведения, заместитель заведующего Отдела эстампов ФГБУ «Российская национальная библиотека», Санкт-Петербург, Россия; ORCID: 0000-0001-5421-0765; e-mail: aesono@yandex.ru

Якунина Валентина Андреевна – ассистент кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0002-9461-0437, Web of Science Researcher ID: AAG-3435-2019, SPIN-код: 3649-4171; e-mail: valjajastrebova@mail.ru

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

Тексты научных статей, предлагаемые для публикации в журнале *Saurus*, должны быть направлены на электронный адрес редакции journal.caurus@gmail.com.

1. К публикации в журнале *Saurus* могут быть предложены полностью законченные, оригинальные, ранее неопубликованные научные статьи, соответствующие тематике журнала.

2. Авторы несут ответственность за точность приведенных фактов, используемых цитат и имен собственных, а также гарантируют право на публикацию архивных, иллюстративных и прочих материалов.

3. К рассмотрению не принимаются статьи, не соответствующие тематике журнала или же неудовлетворяющие требованиям редколлегии.

4. Рекомендуемый объем статьи – один печатный лист (40 000 знаков, включая пробелы, сноски и метаданные к статье).

5. Статьи предоставляются к рассмотрению в электронном виде с учетом следующих требований: документ в формате Word, шрифт Times New Roman, основной текст – выравнивание по ширине, 14 кегль, интервал полуторный, абзацный отступ 1,25; сноски постраничные, нумерация сплошная, шрифт Times New Roman, выравнивание по ширине, 12 кегль, интервал одинарный, отступы и выступы отсутствуют. Если в статье используются другие шрифты, таблицы, рисунки, то необходимо приложить файл в формате pdf, где все материалы представлены в корректном виде.

6. При представлении рукописи в журнал авторы должны убедиться, что все цитирования оформлены корректно, указаны источники для таблиц и рисунков (если не указано иное, предполагается, что таблицы и рисунки созданы автором), получены все необходимые разрешения на воспроизведение материалов.

7. Титульная страница статьи должна содержать: ФИО автора полностью; официальное название организации без сокращений; город и страну; подробную информацию об авторе – степень, звание, должность, а также дополнительную информацию, которую автор сочтет нужной; e-mail; телефон автора для быстрой связи (в случае коллектива авторов предоставить следует номер телефона одного контактного автора); аннотацию, в которой не должно быть нерасшифрованных аббревиатур и впервые введенных терминов; ключевые слова.

8. Оформление текста рукописи:

Для научной статьи обязательно наличие четкой структуры, позволяющей выделить вводную часть (введение, постановка проблемы), обсуждение поставленной проблемы (историографический очерк, описание привлекаемых к исследованию источников, методы, обсуждение, результаты) и заключение (рекомендации и выводы).

Статья может быть структурирована по разделам.

При разделении статьи на параграфы их тематические заголовки выделяются полужирным шрифтом.

Запрещено подчеркивание внутри текста. Для подзаголовков используется полужирное начертание, необходимые фрагменты внутри текста выделяются курсивом.

Все используемые аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом употреблении, включая общеизвестные. При наличии множества аббревиатур разрешается сделать дополнительный список с расшифровкой каждой из них после основного текста статьи.

Иностранные названия (журналов, организаций и т.д.) в тексте статьи необходимо представить в оригинале, если название кириллическое, их стоит заключить в кавычки.

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы и названы, кроме того, на них должно быть конкретное указание в тексте статьи. Запрещено использование пустых граф в таблицах.

Качество предоставляемых рисунков, а также иных изображений должно быть высоким. Рисунки прикладываются к статье отдельными файлами в установленных форматах (*tiff, *eps, *png, *jpg, с разрешением не менее 300 dpi).

9. Сноски:

Знак сноски в тексте ставится до знака препинания.

Знак сноски делается только автоматически (меню Ссылки–Вставить сноску).

В тексте сноски может содержаться авторский комментарий, цитата, ссылка на используемый источник или ссылка на используемую литературу.

Если ссылка дается на опубликованное в печатном виде издание, приводится информация о печатном издании, но не ссылка на электронные ресурсы. Дополнительно может даваться информация о странице на сайте журнала или издательства, где размещен оригинал.

Не допускаются ссылки на статьи, принятые к публикации, но еще не опубликованные.

Не допускаются ссылки на тезисы научных конференций за исключением тех, что были опубликованы в сборниках материалов конференции, индексируемых в наукометрических системах WoS, Scopus, РИНЦ.

Необходимо избегать автоплагиата, излишнего самоцитирования и, соответственно, ссылок на работы собственного авторства. Допускается не более двух ссылок на предыдущие работы автора. При наличии большого количества ссылок на собственные работы автора, редколлегия имеет право запросить пояснение относительно новизны и актуальности материала, предоставляемого на рассмотрение редколлегии.

10. Оформление ссылок:

Формат ссылки: Фамилия И. О. автора (авторов). Заглавие. Выходные данные (место, год издания).

Номер используемой страницы.

ФИО автора выделяется курсивом.

Для обозначения промежутка между номерами страниц используется короткое тире (не дефис).

Пример: С. 23–37.

В случае, когда в одной сноске указываются несколько работ одного автора, его фамилия указывается один раз, а работы перечисляются в хронологическом порядке следующим образом:

Иванов И. И. Балтийская торговля в Средневековье и Новое время. СПб, 2010. С. 136; *он же.* Торговля Новгорода с городами Швеции // Вопросы медиевистики. 2012. № 3. С. 48.

При первой ссылке на работу приводятся ее полные данные, при второй и последующих – только сокращенные. Пример:

¹ *Иванов И. И.* Балтийская торговля в Средневековье и Новое время. СПб, 2010. С. 136.

⁷ *Иванов И. И.* Балтийская торговля... С. 394.

Образцы оформления ссылок:

На монографию: *Иванов И. И.* Балтийская торговля в Средневековье и Новое время. СПб, 2010. С. 136.

На статью в журнале: *Иванов И. И.* Торговля Новгорода с городами Швеции // Вопросы медиевистики. 2012. № 3. С. 48.

На статью в сборнике: *Иванов И. И.* Французская торговля времен правления Людовика XIV // Французский абсолютизм: истоки, специфика, итоги / Под ред. А. А. Александрова. М., 1997. С. 69. (указание редактора или составителя сборника не является обязательным требованием, но желательно).

Ссылка на опубликованный источник может быть оформлена двумя способами (если документы в издании пронумерованы, следует указать номер документа):

Письмо Фридриха II Маргарите Пармской, 26 апреля 1567 года // Акты и письма к истории Балтийского вопроса. Том. 1. СПб, 1889. № 34.

Допустимо указание того или иного сборника в сокращенном варианте, при обозначении конкретного сокращения в случае первой ссылки. Пример:

Грамота Новгорода Риге с требованием возврата награбленного товара и выдачи разбойников, 1303–1307 годы // Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее – ГВНП). М., 1949. № 36.

И при следующем указании упомянутого сборника допустима подобная ссылка:

Договорная грамота Новгорода с Ливонским орденом о союзе, 28 января 1323 года (ГВНП. № 37).

При указании номера документа в издании уточнение страниц не обязательно.

При ссылке на архивный источник следует указать полную информацию о нем (название архива, номер фонда, наименование коллекции, номер дела, конкретный лист и при необходимости его сторону). Пример:

Письмо магистрата Нарвы к городскому совету Ревеля, 22 апреля 1491 года (Tallinna Linnaarhiiv (TLA), f. 230, BD 8 II, fol. 53).

При повторной ссылке на указанное архивное собрание допустимо следующее ее оформление:

Письмо магистрата Нарвы к городскому совету Ревеля, 19 мая 1491 года (TLA, 230, BD 8 II, fol. 54).

Ссылка на публикацию в интернете оформляется следующим образом: *Иванов И. И.* Торговые войны на Балтике в XV веке [Электронный ресурс]. URL: полная ссылка на сайт (дата обращения: 7 ноября 2020 года).

11. В конце статьи следует указать необходимую «Информацию о статье», которая будет обработана и размещена в наукометрических базах данных. Она должна включать в себя:

Ссылку на источник финансирования, включая номер и полное название проекта (при необходимости).
Индексы ББК и УДК, которые указываются согласно общепринятой классификации.

Сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, место работы (желательно указывать адрес и почтовый индекс организации), город, страна, идентификатор автора в международных базах данных ORCID (при наличии ResearcherID, Scopus ID, SPIN-код РИНЦ), адрес электронной почты автора.

Заголовок статьи, который должен быть кратким, емким и точно отражающим содержание исследования.

Резюме (аннотация) статьи на русском языке. Рекомендуемый объем 200–300 слов. Аннотация должна отражать содержание предлагаемой статьи, следует избегать нерасшифрованных аббревиатур, впервые введенных терминов, общих фраз.

Ключевые слова (5–7 слов) приводятся через запятую.

Литература, используемая в статье. Необходимо привести полный список всех научных работ и привлекаемых источников, на которые имеются ссылки в статье. Библиографический список не нумеруется.

12. Литература, использованная в статье:

В список литературы включаются только рецензируемые исследования (статьи из научных журналов, монографии и пр.).

Все ссылки, включенные в библиографический список, должны быть указаны в тексте статьи.

В библиографический список не помещается информация об архивных документах, статьях в общественно-политических газетах, текстах на сайтах и блогах, и тому подобное. Информацию об этих источниках следует помещать в сноски.

Ссылки на принятые к публикации, но еще не опубликованные статьи, не допускаются.

Цитирование учебников, учебных пособий, справочников, словарей, тезисов конференций и аннотаций докладов, а также малотиражных изданий должно быть обусловлено целью и задачами конкретного исследования, в иных случаях подобные ссылки запрещены.

Научные статьи, опубликованные после 2016 года, должны цитироваться в соответствии с предлагаемым в оригинале статьи вариантом и сопровождаться идентификатором DOI (при его наличии). Для верификации данной информации необходимо обратиться к тексту статьи или сайту журнала.

Ссылки в списках литературы на латинице (References) должны быть читаемы англоязычными пользователями, чтобы цитируемые первоисточники могли быть использованы ими. Поэтому важно использовать англоязычные данные из оригинала статьи (ФИО авторов, англоязычное заглавие статьи); если нет англоязычных метаданных в цитируемых статьях, необходимо переводить заглавие статьи на английский язык (парафразом); фамилии авторов транслитерировать; русскоязычные названия журналов необходимо транслитерировать (исключение составляют журналы, которые рекомендуют для цитирования и используют в журнале (и в наукометрических базах данных) параллельное английское название).

Описание каждого издания приводится следующим образом:

Фамилия, имя (для российских авторов имя и отчество). Полностью и курсивом. Далее следует заголовок работы и выходные данные (место издания полностью и без сокращений, после двоеточия издательство или типография, год издания. В конце после точки указывается общее количество страниц или номера страниц, на которых напечатана статья.

Пример оформления списка:

Александров, Александр Александрович. Средневековая история Франции. Москва: Наука, 1994. 379 с.

Васильев, Василий Васильевич. К истории становления исландской национальной культуры // История Европы: вчера и сегодня. Санкт-Петербург: Издательский дом Макса Шмидта, 2008. № 4 (36). С. 42–56.

Кириллова, Ольга Владимировна. Как оформить статью и научный журнал в целом для корректного индексирования в международных наукометрических базах данных // Научный редактор и издатель. 2018. № 3. С. 52–72. DOI: 10.24069/2542-0267-2018-1-2-52-72.

Carter, Randolph. The Dream-Quest of Unknown Kadath. Boston: Brill, 2018. 156 p.

Junzt, Friedrich Wilhelm von. Unaussprechlichen Kulten. Düsseldorf: Verlag von R. Hoffart, 1839. 420 s.

13. После «Информации о статье» на русском языке помещается та же самая информация, но в переводе на английский язык (Information about the article).

Ссылка на грант или иной источник финансирования на английском языке.

Индекс ББК и УДК в этом разделе указывать не надо.

Сведения об авторе на английском языке обязательно.

Перевод названия работы.

Резюме статьи на английском языке может представлять собой перевод русскоязычного варианта, или его расширенную версию, или же может являться оригинальным текстом, четко и емко отражающим содержание исследования. Объем: 200–300 слов.

Ключевые слова на английском языке (5–7 слов, перечисленных через запятую).

References (список использованной литературы). При составлении библиографического списка на английском языке названия всех привлекаемых к исследованию работ даются в алфавитном порядке без нумерации. Кириллические названия транслитерируются на латиницу и сопровождаются переводом названия на английский язык (перевод приводится в квадратных скобках). Для транслитерации рекомендуем использовать стандарт BGN на сайте см.: <http://www.translit.ru/>.

Курсивом выделяется основное название – источник, а не автор. Если библиографическое описание включает буквенные обозначения выходных данных (том, номер, страницы), то независимо от языка источника, они должны быть представлены сокращением англоязычных слов (Vol., №, No., Pp.).

Названия научных журналов и издательств должны соответствовать принятому и используемому журналом и издательством варианту названия.

В область издательства добавляется Publ.

В конце описания в скобках указывается язык произведения — (in Russian), (in German), (in Italian).

Если цитируемая статья имеет DOI, необходимо указывать его в конце описания.

Правила оформления References относятся к источникам на любых языках: статьи на украинском, болгарском, других языках кириллицы, должны оформляться так же, как и русскоязычные.

При описании части издания (статьи или главы) в транслитерированной версии две косые черты (знак //) заменяются на in.

Примеры:

Bantysh-Kamenskiy, Nikolay Nikolayevich. *Reestry grecheskim delam Moskovskogo arhiva Kollegii inostrannyh del* [The Greek affairs registers of the Moscow archive of Ministry of Foreign Affairs]. Moscow: Hronograf Publ., 2001. 416 p. (in Russian)

Kirillova, Olga Vladimirovna. Kak oformit' statyu i nauchnyy zhurnal v tselom dlya korrektnogo indeksirovaniya v mezhdunarodnykh nauko-metricheskikh bazakh dannykh [How to arrange an article and scientific journal to avoid indexing errors in international scientometric databases], in *Nauchnyi Redaktor i Izdatel' = Science Editor and Publisher*. 2018. № 3. Pp. 52–72. (in Russian). DOI: 10.24069/2542-0267-2018-1-2-52-72.

Lobin, Aleksey Nikolayevich. Poslaniya Vasiliya III velikomu magistru Al'brekhtu 1515 g. [Message of Basil III to the Grand Master Albrecht of 1515], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. Vol. 1. Pp. 141–152. (in Russian).

Levochkin, Ivan Vasilyevich. *Osnovy russkoy paleografii* [Bases of Russian paleography]. Moscow: Krug Publ., 2003. 175 p. (in Russian)

Žagar, Mateo; Paskojević, Kristian. Ćirilice isprave Dubrovačke kancelarije XV. stoljeća između minuskule i kurziva [Cyrillic documents of Dubrovnik chancery of fifteenth century between minuscule and cursive], in *Filologija. Zagreb*. 2014. No 62. Pp. 221–247. (in Croatian)

CAURUS

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 1 № 1 2022